

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Основатели Юлиан Семёнов

и Артём Боровик. Издается с 1989 года

ПОЧЕМУ ТАКСИМ НЕ БОЛОТНАЯ

Специальный репортаж из Турции

8

БЕДЪ ТВИЯ

4

Крымск в ожидании
наводнения

ОППОЗИЦИИ

12

Московские
выборы: кому что

ИСТОРИИ

32

Российские архивы:
от погрома до беды

16+

4 605243 999997

13007

■ К ЧИТАТЕЛЯМ

Людмила ТЕЛЕНЬ,
главный редактор газеты «Совершенно секретно»

Памяти Сбербанка

Постараюсь без эмоций. Вот история. У очень немолодого человека гаденыш под видом очарованного выкрал паспорт. Обнаружилось это в тот момент, когда человеку позвонили из Сбербанка и поинтересовались — не как-то зывал ли он крупную сумму денег, чтобы снять ее со своего счета. Человек, прикованный болезнью к постели, разумеется, ничего не как-то зывал. Тут же выяснилось, что накануне с его счета уже была снята часть денег, а за оставшимися вот-вот должны прийти. После этого разговора в отделение банка была вызвана служба безопасности и полиция. Мошенницу взяли с поличным. Зерству обмана родные привезли в Сбербанк, она тут же оставила заявление об афере с просьбой вернуть выданные по украденному паспорту деньги. Заявление о краже паспорта и денег было оставлено и в полиции. Паспорт — ныне улика — с кое-как наклеенной чужой фотографией изъят у мошенницы и находится в уголовном деле (постановление № 775763, отдел МВД по Хорошевскому району). По этой наспех подделанной бумажке (грубо работали, скандалов ледоватых), судьи, как стало известно позднее, двух отделений Сбербанка не только выдали накануне деньги, но и оформили дубликат якобы утерянной сберкнижки.

Не буду говорить о том, как чувствуют себя жертва мошенников — университетский преподаватель 85 лет отроду, с 60-летним трудовым стажем и таким же стажем в качестве клиента Сбербанка.

Лучше — о том, как чувствует себя подконтрольный государству Сбербанк РФ, работающий под руководством одного из самых дорогих топ-менеджеров РФ, сии по версии журнала Forbes — Германа Оскаровича Грефа.

Почти месяц следователи ждут от службы безопасности банка видеосъемку с камер наблюдения. Близкие пострадавшей, зная все обстоятельства этого преступления, предлагали этой же службе свою помощь — на письмо, отправленное в СБ Сбербанка, никто не потрудился ответить. И наконец 18 июня жертва аферистов получила ответ за подписью М.А. Родионовой, ведущего специалиста управления претензионной работы ЦСКО «Южный порт», которым Сбербанк решил поставить в объяснениях с клиентом точку:

«В результате произведенной проверки установлено, что расходные операции по счету... были осуществлены 27 мая 2013 года в дополнительных офисах № 01572 и № 0566 Московского банка О.О. «Сбербанк РФ», сии». Данные операции подтверждаются наличием расходных кассовых ордеров, копии которых направляются Вам для ознакомления.

Также обращаем Ваше внимание, что приходные и расходные операции по вкладам, участвующим только по предъявлению документов, удостоверяющих личность. Выражаем надежду, что вышеизложенные сведения помогут Вам разобраться в сложившейся ситуации. **Именно документа, якобы удостоверяющего личность, все, за исключением М.А. Родионовой, надеюсь, ясно. Именно ордеров — стоящая на них подпись не имеет ничего общего с подписью владельца счета, образец которой, разумеется, есть в Сбербанке.**

А теперь **Именно над жд М.А. Родионовой.** Спасибо «ведущему специалисту» — «вышеизложенные сведения» действительным образом клиенту «разобраться в ситуации», имя которой — **Сбербанк РФ.**

Надеюсь, теперь — и многим другим клиентам этого заведения тоже. Для того и пишу.

И еще очень надеюсь, что это не конец истории. Клиент готовит иск в суд.

Семья, не место для Госдумы

ЗАЧЕМ ГОСУДАРСТВО ПЫТАЕТСЯ РУКОВОДИТЬ СЕМЕЙНЫМИ ОТНОШЕНИЯМИ РОССИЯН?

■ Елена ВЛАСЕНКО,
Ирина ЧЕВТАЕВА

Вопросе «Совершенно секретно» приняли участие политики, музыканты, писатели, режиссеры и ученые. Они анализировали недавние инициативы депутата Госдумы от «Справедливой России» Елены Мизулиной. Елена Мизулина — идеолог законопроектов о запрете пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений.

Под ее руководством думский Комитет по вопросам семьи, женщин и детей обнародовал «Концепцию государственной семейной политики России на период до 2025 года». В этом документе, в частности, предлагается создать «службу медиации для разрешения внутрисемейных конфликтов, предупреждения поспешных разводов», а также приравнять свидетельство о венчании к свидетельству о браке.

В Концепции резко критикуются аборт, поскольку они являются «проявлением ненависти к детям». Вместо них, например, матери ребенка, который младше шести месяцев, предлагается оставить его в «специально создаваемых для этого мест, безопасных для жизни и здоровья — больницах, монастырях».

Эти предложения вызвали озабоченность собеседников «Совершенно секретно», как и тезисы концепции:

«Семья выступает как связующее звено поколений рода, через которое род развивает заложенные в его природе душевно-духовные качества».

«Русское православие усиливает духовное содержание рода и семьи. Семья выступает не только социальным сообществом супругов, родителей и детей, но и духовной ячейкой, «малой церковью».

Ольга Баталина,
член «Единой России»,
первый заместитель
председателя Комитета
Госдумы по вопросам семьи,
женщин и детей:

— Государство не руководит семейными отношениями. Задача государства — определить такую государственную политику, которая содействовала бы решению демографических проблем. А решение этих проблем невозможно без создания и поддержания института крепкой семьи. Поэтому Концепция государственной политики — это прежде всего набор ориентиров, определяющих то, какой должна быть государственная политика,

какая модель необходима Российской Федерации для того, чтобы обеспечить устойчивое демографическое развитие страны. Концепция — это документ, по сути своей, идеологический. На его основании в дальнейшем издаются постановления правительства, пишутся федеральные законы.

При этом та концепция, о которой идет речь, — это общественный проект, а не государственный: это позиция разных общественных организаций, которые уже много лет занимаются этим вопросом в рамках работы Координационного совета по реализации национальной стратегии. Их точка зрения может в чем-то не совпадать с государственной, но не выслушать ее было бы абсолютно неправильно. Общественный проект — это взгляд общества. Официальную государственную концепцию сегодня готовит Министерство труда и социальной защиты, которое, наверное, тоже учтет замечания и предложения из общественного проекта.

Екатерина Самуцевич,
участница феминистской
группы Pussy Riot:

— Все просто: государство стремится к тотальному контролю. Как только его не будет, граждане почувствуют себя более независимо, начнут относиться более критично к тому, что происходит в нашей стране. Это может стать дорогой к смене правительства.

Семейная модель, которую пропагандирует Мизулина, построена на слепом подчинении, авторитаризме, сексизме. В семье, которая, согласно Концепции, идеальна, подавляют детей: их мечты и желания. На это она и рассчитана: человек с самого детства учится подчиняться чужой воле.

Смогут ли семьи отразить удар? Думаю, да. Госдума

загоняет себя в ловушку: чем больше она давит, тем больше возникает сопротивление со стороны людей.

**Сергей Митрохин, лидер
партии «Яблоко»:**

— Мне кажется, это делается, чтобы маргинализировать нашу политику: чтобы депутаты, как клоуны, веселили публику и отвлекали население от се-

ителей коммунизма, вызовами на парткомы, доносами о любовниках.

Идеология Владимира Путина может быть названа имперско-православной. В России церковь претендует на то, чтобы стать идеологом тоталитаризма. Входить внутрь семьи и объяснять человеку, как ему вести личную жизнь, — часть этой идеологии — идеологии православного тоталитаризма.

Оксана Дмитриева,
депутат Госдумы
от «Справедливой России»,
первый заместитель главы
думского Комитета
по бюджету и налогам:

— Семейными отношениями в XXI веке, на мой взгляд, руководить невозможно. Другое дело, что государство должно знать, что происходит с семьей: выделять категории семей, которым оно должно оказывать помощь в той или

Лев Пonomarev,
глава
правозащитной организации
«За права человека»:

— Страна все больше и больше скатывается к тоталитаризму, а в тоталитарных странах контроль подвергается все, в том числе семейные отношения. Вспомните Советский Союз с его слежением за моральным обликом стро-

иной форме. Мало говорят о том, что увеличился возраст вступления в брак, что люди не вступают в брак из-за материальных проблем. Сильно уменьшилась доля женщин, которые рожают в возрасте от 20 до 24 лет. Выросло количество детей, рожденных вне брака. Была установка, что нужно

PHOTOBANK / GETTY IMAGES

стимулировать рождение второго ребенка, и материнский капитал дал свои результаты. Но у нас очень плохо с рождением первого ребенка. Все эти проблемы государству нужно анализировать.

Аркадий Бабченко,
журналист:

– По-моему, вопрос поставлен вообще неправильно. Надо начинать с того, что у нас в России нет государства. И поэтому оно не может вмешиваться в семейные отношения. А вмешиваются два-три человека, которые таким образом пытаются оправдать свое присутствие в Думе.

**Евгений Бунимович,
уполномоченный по правам
ребенка в Москве:**

— Я думаю, это часть общей государственной политики установления консервативных ценностей. Есть какое-то достаточно идеалистическое представление, что современный мир характеризуется прежде всего кризисом семьи, большим количеством разводов. А Россия этому вполне соответствует, и Москва тем более. У нас, к сожалению, процент разводов больше, чем во многих странах Европы. И вот якобы можно с помощью каких-то законов, заклинаний, пропаганды изменить саму модель мира, которая, видимо, определяется гораздо более глубинными и серьезными законами, чем такое наивное убеждение и законодательное наказание. За этой консервативной моделью лежат идеалистические представления. Я думаю, эта концепция нереализуема в современных условиях.

Ничего плохого в пропаганде семейных ценностей нет. Но важно все-таки не выдавать желаемое за действительное. По статистике, самый большой процент невыполненных судебных решений — это алименты и решения о том, где проживает ребенок после развода. А если утверждать, что все семьи у нас патриархальные, то этих проблем как бы вообще не существует. А они самые острые. И боюсь, как бы пропагандистское представление не привело к тому, что все будет считать, будто таких проблем нет.

СЕРГЕЙ ПЯТАКОВ / РИА «НОВОСТИ»

**Елена Костюченко,
журналист «Новой газеты»,
участница гей-парадов:**

— Это признак государства, которое стремится стать авторитарным. В этой ситуации естественно, что оно пытается максимально контролировать все сферы жизни человека, в том числе лезет к нему в постель. Главное, что это совершенно не утопичная идея, ее реально претворить в жизнь.

Например, в нацистской Германии была жесткая репродуктивная политика.

Многое в Концепции государственной семейной политики, созданной под руководством Елены Мишулиной, перекликается с инициативами тех времен. У нас в принципе сейчас идет возврат к традиционным патриархальным ценностям. Государство старается, чтобы как можно большее количество граждан почувствовали себя ущемленными. Я сейчас говорю не только об ЛГБТ-сообществе, но и, например, о сиротах, об оппозиционных активистах.

стах, о женщинах, которые
стоят перед выбором: делать
им аборт или нет...

Государство насаждаёт чувство неравенства, чувство стыда, оно пытается ввести разные категории людей. Это очень опасно. Я понимаю, что Мизулина выглядит довольно комично. Но все это началось не вчера, не с нее. Право женщины на аборт, например, было ограничено в 2011 году.

Павел Бардин,
режиссер:

— Есть бытовая аналогия. Завязавший алкоголик любит либо разливаться, либо рассказывать о пользе здорового образа жизни. Видимо, у власти проблемы с либидо, поэтому она пытается нам его продемонстрировать. Действия представителей власти мне кажутся абсолютно бессмысленными. Мне кажется, им просто не хватает обычной человеческой любви.

**Михаил Угаров, режиссер,
художественный руководи-
тель Театра.doc:**

— Дорогая газета «Совершенно секретно»! Вам навязывают дискуссию разные дурочки, а вы на нее ведетесь. Можно обсуждать развод Путина или — что сказал Жириновский... Вместо главного вопроса: почему у власти этот президент и эта Дума. Таков мой взгляд на проблему.

Александр Кабаков,
писатель:

— В какой-то степени государство уже ими руководит. ЗАГС, где заключается брак, — государственное учреждение. Возникновение пары контролирует государство. Как и развод. Это тоже вмешательство в семейную жизнь. С другой стороны, я не знаю, в какой стране такого вмешательства нет. Оно неизбежно. Да, все, что делает Государственная дума, на

мой взгляд, получается кривым, косым и неумным. Превратимся ли мы в роботов, которых контролирует Большой Брат? Такая вероятность есть, и не только для граждан России. Мир становится все легче контролируемым благодаря современной технике.

**Анастасия Удальцова,
пресс-секретарь «Левого
фронта», супруга Сергея
Удальцова:**

— С тех пор как я отвезла детей на Украину, я не чувствую, что государство каким-то образом пытается вмешиваться в семейные дела. Но я знаю об абсурдных примерах государственного вмешательства. У одного из активистов «Левого фронта» проводился обыск, и в это же время органы опеки решили забрать его детей. Такие меры — попытки давить на оппозицию.

Никита Соколов,
историк:

— Ответ тривиален: это не столько попытка восстановления тотального контроля, сколько попытка восстановления тотальной подозрительности. Она приводит к разобщению, развалу любой социальности и социальной солидарности. В этом и цель. Это бессмысленные архаические методы.

ИЮЛЬ 2013

16+

ИНФОРМАЦИЯ
К РАЗМЫШЛЕНИЮ

СОБЕРИТЕЛНО СЕКРЕТНО

ПРИЛОЖЕНИЕ

~7/34

Читайте в свежем **Спортивном выпуске**
приложения к газете «Совершенно секретно»:

– Футбол и криминал: действительно ли за многими российскими командами стоят преступные группиро

– Судьбы великих советских бомбардиров, родившихся, как на подбор, в 1937 году;

– Звездная и трагическая жизнь Всеволода Боброва;

– Прежде неизвестные интриги, сопутствовавшие знаменитому шахматному матчу Борис Спасский – Бобби Фишер;

– Личная жизнь самого богатого спортсмена мира, гольфиста Тайгера Вудса.

В продаже с 13 июля

ЗНАМЕНИТЫЕ АВАНТУРИСТЫ ПРОШЛОГО - АЛХИМИКИ,
ФАЛЬШИВОМОНЕТЧИКИ, ГЕРОИ-ЛЮБОВНИКИ,
САМОВЗВАНЦЫ, ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ИЗМЕННИКИ И ПР.,
ОПИСАННЫЕ ПЕРОМ СЕРГЕЯ МАКЕЕВА,
в проекте
ДЖЕНТЛЬМЕНЫ УДАЧИ
Выход: 2014

Крымск в ожидании наводнения

ЛЮДИ ПЕРЕЖИЛИ ВСТРЕЧУ СО СТИХИЕЙ И БЮРОКРАТИЕЙ. ВПЕРЕДИ САМОЕ ГЛАВНОЕ — ВСТРЕЧА С СОБОЙ

■ Елена ВЛАСЕНКО

Седьмого июля исполняется год с той ночи, когда наводнение унесло жизни почти двухсот человек в Краснодарском крае, большая часть из них жили в Крымске. В начале июня корреспонденты «Совершенно секретно» наблюдали судебный процесс над четырьмя крымскими чиновниками, которых обвиняют в халатности, служебном подлоге и мошенничестве, повлекших за собой гибель людей и огромный материальный ущерб.

Не расстреляют ли?

Это дело должен был рассматривать Крымский районный суд, но всем судьям, кроме одного, прокуратура Кубани заявила отвод. Судья Татьяна Улановская взяла самоотвод из-за конфликта интересов: ее муж — бывший мэр Крымска Владимир Улановский — один из обвиняемых. Краснодарский суд поручил вести дело Абинскому районному суду, а поскольку сотни потерпевших не могли бы ежедневно ездить в другой город, суд перенесли в Крымск.

Геннадий Пелипенко на фоне своего нового дома

В зале местного социально-культурного центра, больше всего похожем на актовый зал обычной школы, четверо полицейских дежурят у клетки, в которой сидят бывший глава Крымского района Василий Крутько и исполняющий обязанности главы районного управления МЧС Виктор Жданов. Обвиняемых Ирину Рябенко и Владимира Улановского по состоянию здоровья определили под домашний арест, поэтому, когда они приходят в суд, садятся среди публики.

Председатель Абинского районного суда — он же судья Макаренко — похож на самого старого школьного педагога, которому возраст позволяет обращаться к собеседникам на «ты» и

комментировать все происходящее: «Петух клонет — и финансирование появится»; «У нас где коллегиальное решение — там бардак»; «Народ возмущен действиями полиции, а кто вообще бывает доволен делами полиции, суда, прокуратуры?»; «Свидетель не пришел — тушенку кушает».

В зале мало зрителей, почти некому оценить остроумие судьи: всех потерпевших, готовых лично наблюдать отправку правосудия, — шестеро женщин и один мужчина. После перерыва две женщины уходят готовить обед и не возвращаются. Оставшиеся не уверены, что стоит сидеть в зале дальше: слишком больно вспоминать то, что

случилось год назад, и очень туманными выглядят судебные перспективы.

Одного за другим судья спрашивает крымских полицейских, оповещали ли они в ночь наводнения людей с помощью сирен и громкоговорящих устройств. Один за другим полицейские отвечают «да». Реагировали ли на это люди, просыпались ли? Полицейские отвечают «нет» и уточняют, что «не слышали самих себя» — такой сильный лил дождь. Кажется, никто из допрашиваемых свидетелей-полицейских не задумывался о том, что цель их поездок по улицам уходящего под воду Крымска состояла в том, чтобы разбудить людей. Приказ был — проехать по улицам, и они проехали. Впрочем, и этот факт потерпевшие подвергают сомнению.

«Вас там не было!» — кричат они во время допроса полицейским и тут же обвиняются перед судьей: «Просто мы выбрались с того света, понимаете?» И уже тихо добавляют: «Бессовестные...»

Начальник крымской полиции наконец обижается и, стоя к потерпевшим спиной, обращается к ним с

ответной претензией: «Вы, может быть, не созерцали, как оскорбляли полицейских, когда они будили людей». Его коллега во время допроса вновь вернется к этой теме: «Люди реагировали не всегда положительно, например, когда мы проезжали мимо питейных заведений...»

После суда, за сигаретой, потерпевшие будут вновь жаловаться друг другу на «бессовестность» всех, кроме судьи — ему они вынесут приговор позже, когда он огласит свой. И будут продолжать рассказывать друг другу и всем желающим подробности той ночи. Это им, похоже, пожизненно.

Светлана Силаева слышала по телефону, как захлебывается ее пожилая мама. Последнее, что мама сказала ей перед смертью, что она уже под потолком и скоро не останется ни одного сантиметра, чтобы дышать. «Перед смертью мама обезумела, — рассказывает Светлана. — Я тоже». Ее собственный дом был окружен водой, она не могла спасти мать. Сначала вода убила маму Светланы, потом разрушила ее дом. Рассказывая все это, Светлана плачет. Еще ее интересует,

не расстреляют ли ее после этой встречи с корреспондентом «Совершенно секретно».

У Галины Носенко тоже погибла мама. И они точно так же до самого последнего вздоха говорили по телефону. Мобильная связь, похоже, облегчает жизнь, но делает еще более мучительной смерть. Потом, как рассказывает Галина, она два с половиной часа умоляла полицейских помочь ей достать мамино тело из затопленного дома — все было напрасно.

Без иллюзий и веры

Почему так мало людей ходят на процесс? Какой приговор удовлетворит их, потерявших матерей, которые могли спастись за пару минут, пройдя несколько метров по улице вверх, на возвышенность, если бы накануне они хоть раз увидели бегущую строку по телевизору?

Крымск — обычный южный провинциальный город, где политика и такие словосочетания, как «московская оппозиция» или «борьба за права и свободы», воспринимаются как вещи, которые нельзя закатать в банки и зимой закусить ими самогон. Бессмысленные, значит.

До июля 2012-го Крымск мирно содержал дом, сад, огород, кур, кроликов, куриц, свиней и коров. Затем

жить в этом доме». Тогда Ольга поехала в Москву, в приемную Путина, и подала документы туда. Ее представление об устройстве мира сильно изменилось, когда в ответ она снова получила отказ — теперь уже из администрации Краснодарского края. Путин ничего не решает или решает, но что-то свое, у Ольги Прус ему веры больше нет.

У Геннадия Пелипенко веры нет больше никому. В ночь наводнения он спасал людей, а за несколько часов до этого его супруга Татьяна сдала экзамен по русскому языку — это был один из последних рубежей, которые ей, подданной Украины, надо было преодолеть для получения российского гражданства. Татьяна живет в Крымске больше десяти лет, вместе с Геннадием она вырастила здесь дочь. Компенсацию Татьяне не выплатили, хотя Владимир Путин обещал деньги всем тонувшим, вне зависимости от гражданства. Пелипенко понадобился год, чтобы в суде доказать, что Татьяна жила в Крымске и пострадала в наводнение. Из постановления суда следует, что Татьяне должны выплатить компенсацию в размере ста шестидесяти тысяч рублей, но вот уже два месяца документы Пелипенко раз за разом теряются в Крымской городской ад-

вил выделить средства на капитальный ремонт. Однако, как объясняет Елена, ремонт подвала в смете не предусмотрен, да и вообще денег нет, поэтому Елена была вынуждена взять кредит. Не сменить ли администрацию? — переспрашивает она. Очень много людей там сменилось после наводнения — исполняющий обязанности приходил за исполняющим обязанности. И что?

Нынешний глава Крымского района Анатолий Разумеев не смог уделить время корреспонденту «Совершенно секретно». Сначала его пресс-секретарь Татьяна Надолинская ссылалась на то, что он на совещании. Потом перестала брать трубку.

Поэтому, к сожалению, не удалось спросить Анатолия Разумеева, почему восстановление Крымска происходит так странно. По словам губернатора Александра Ткачева, финансирование восстановительных работ перевалило отметку в двад-

цать миллиардов рублей. Куда они ушли? Сегодня та часть Крымска, которая не была затоплена, покрыта новой плиткой. Часто так, что вода в дождь течет прямоком в дома, пороги которых оказались ниже уровня нового покрытия. Большая часть Крымска затопленного осталась без плитки, обочин, дорог, тротуаров. Из четырех пешеходных мостов через реки, текущие по Крымску, после наводнения не осталось ни одного. Людям приходится делать огромный крюк, чтобы попасть в школу или в магазин. На месте одного из бывших пешеходных мостов положены две трубы. На них скользко даже смотреть, не то что пройти по ним с детской коляской или велосипедом, самым удобным средством передвижения в Крымске. Срубленные возле рек деревья не спешат вывозить, груды мусора там и здесь лежат в воде. Именно засоренные русла местных рек многие специалисты считают глав-

сирование и разрешил носить оружие. Однако во время наводнения в казачьих рядах произошел бунт — несколько сотен казаков стали спасать людей, не дожидаясь приказа начальства, а затем осудили его, начальство, за бездеятельность. В результате их лидер Александр Виниченко сейчас скрывается — его обвиняют в применении физического насилия, и обвинения многие считают сомнительными.

Веры в оппозицию (что бы ни понимали под этим словом местные жители) в Крымске тоже нет. Кроме лидера «Яблока» Сергея Митрохина, приезжавшего сюда в прошлом году, никто даже не пытался объединить людей ради защиты их прав, а попытка Митрохина была то ли непродуманной, то ли несерьезной, в итоге — неудачной. Повод для социального единения в Крымске был и остался неиспользованным, теперь — он и вовсе — не востребуем. Люди, разъяренные без-

Главная достопримечательность отремонтированного дома семьи Помазанов — складная лестница на чердак. Вход в него расширили, туда загрузили теплые вещи. Он выглядит, как бомбоубежище верхнего расположения

Две трубы заменяют крымчанам мост. Справа — мусор, который так и не смогли убрать городские службы, несмотря на новое финансирование восстановления Крымска

ной причиной катастрофы, постигшей Крымск летом 2012-го: якобы вода уперлась в естественные (неестественные?) препятствия и затем прорвала их, образовав убийственную волну.

За прошедший год в Крымске пострадало реноме не только московской, но и краснодарской власти. Многие хотели бы видеть на скамье подсудимых губернатора Ткачева, ведь именно от него зависели обвиняемые и это из краевого бюджета должны были выделять деньги на чистку рек и на систему оповещения. Кроме того, людей в Крымске беспокоит то, что они называют «армией Ткачева» — реестровые, то есть официальные, казаки. Губернатор наделил их полномочиями, близкими к полицейским, выделил немалое финан-

действием администрации, разгневанные на безразличное к ним государство, с которым они вдруг соприкоснулись, ждали лидера, но не дождались.

Друг без друга

Нет в Крымске веры и друг в друга.

Главный редактор крымской независимой газеты «Электрон ТВ» Лариса Сафронова считает, что основной урок, который извлекли крымчане от встречи со своим государством, — выгоднее молчать, чем добиваться правды, и вести чиновника в ресторан, а не подавать на него в суд. Те, кто избрал такую модель поведения, за прошедший год серьезно поправили свое материальное положение.

Врач местной больницы Олег Харченко много месяцев после наводнения доби-

он поближе познакомился с местным начальством и не открыл для себя ничего нового. Но от некоторых иллюзий по поводу более высоких инстанций — если бы Путин знал, что происходит на самом деле! — избавился.

Ольга Прус, одна из потерпевших, рассказала, как президент Путин нарушил обещание, данное ей: ее мама погибла, дом, где она жила одна, снесли. Когда Путин приезжал в Крымск, Ольга каким-то чудом оказалась рядом и спросила его, будет ли вместо снесенного дома построен новый, и Путин обещал, что будет. Ольге полагался этот дом как наследнице мамы. После того как она собрала все необходимые документы, администрация Крымского района отказала ей: «Ваша умершая мать не будет же

министрации. Последнее, что он слышал: документы найдены и скоро Пелипенко получат 60 тысяч рублей из краевого бюджета и сто тысяч рублей из федерального бюджета, но пока «Москва задерживает». Судиться и добиться увольнения недобросовестных чиновников, но когда? Он единственный кормилец в семье, и на стройке, где он работает, оценят его отсутствие ради восстановления справедливости однозначно: уволят.

Родственница Геннадия Елена Леднева до сих пор не получила компенсацию, по ее словам, по той же причине: якобы из Москвы «деньги не идут». Елена была прописана в Новороссийске, но жила вблизи хутора Верхний Адагум. Ее дом затопило, и сейчас он в трещинах. Суд постано-

Дом слева не сносят. До следующего наводнения?

► вался сноса своего дома, который признали аварийным, а потом, когда волонтеры, помогавшие очищать дома, уехали, — годным для жилья. Ему даже пришлось работать в ночную смену, чтобы днем успевать ходить в суд и администрацию. «На суде над чиновниками я узнал, что виновны все — вся королевская рать знала, что мы можем погибнуть, и ничего не сказала!» — описывает он свое главное впечатление спустя год после того, как он в ночь наводнения потерял дом и получил травму ноги, которая не залечена до сих пор. Впрочем, подавать ли в суд на бездействие чиновников и требовать компенсации за моральный ущерб — он еще не решил, жалко сил. «Только не делайте из меня политического, — просит он корреспондентов «Совершенно секретно», — я просто за справедливость, никакой политики». Это типичное отношение к политике в Крыму — опасливая безразличность.

К осознанию политической подоплеку произошедшего и происходящего в Крыму пришли пока двое обвиняемых — бывшая глава станицы Нижнебаканской Ирина Рябенко и бывший мэр Крымска Владимир Улановский. В поддержку их обоих собрали подписи сотни людей: в подведомственном Рябенко Нижнебаканском муниципальном образовании, как она утверждает, не погиб никто из местных жителей, а Владимир Улановский до наводнения занимал пост мэра всего три месяца, значит, считают подписанты, они стрелочники. Сам Улановский не

смог дать комментарий корреспонденту «Совершенно секретно», поскольку ему, по словам приставов, запрещено общаться с прессой. Его супруга федеральный судья Татьяна Улановская же назвала мужа «политическим заключенным». Ирина Рябенко в интервью «Совершенно секретно» выразила уверенность в том, что «оправдательного вердикта быть не может», поскольку это «политика». Дальше этого предположения она пока не идет.

— Я готова ко всему. Я рада одному — что я больше не глава. Это слишком большая ответственность: в законах прописаны наши обязанности, которые зачастую не подкреплены финансами со стороны краевого бюджета. У меня был один заместитель и штат в семь человек, мы не получали штормового предупреждения от оперативного дежурного...

— Кто вас разочаровал больше других — бывшие коллеги, «Единая Россия», Ткачев, Путин?

— Люди.

«Пусть будут наказаны хотя бы эти» — такое мнение можно услышать от большинства крымчан. Тогда следующие будут хотя бы чуть-чуть бдительнее. А возможности повлиять на эту власть нет, остается терпеть. Терпеть? Пока не случится что?

В Крымске боятся дождя. Когда он идет, в городе как будто бы наступает минута молчания.

Трехлетний сын Дарья Помазан лишь недавно спокойно стал мыться в ванной — раньше у него случалась

Виктору Жданову
вменяют
халатность и
мошенничество

истерика, потому что из-за воды он лишился деда и чуть не лишился мамы. Дарья захлебнулась и спаслась чудом — она ухватилась за дерево. Ее отец — 54-летний Александр Помазан накануне наводнения взял кредит. Затем потерял все. Через две недели после наводнения, не дождавшись компенсаций, он повесился.

Компенсации Помазаны не получили — прошло полгода, но они до сих пор не вступили в права наследства на дом, разрушенный водой. Ремонт сделали благодаря помощи, которую оказал им один московский предприниматель. Главная достопримечательность отремонтированного дома семьи Помазанов — складная лест-

ница на чердак. Вход в него расширили, туда загрузили теплые вещи. Он выглядит, как бомбоубежище верхнего расположения. В том, что это наводнение было не последним, в Крымске не сомневается никто.

Дарья Помазан сумела убедить своего сына, что купание в ванной не угрожает жизни. А четырехлетний сын Татьяны Лямзиной Артем Давтян до сих пор числится пропавшим без вести. Во время наводнения Татьяна с мужем, сыном и свекром находилась на трассе в районе Нижнебаканского сельского поселения — того самого, которое возглавляла Ирина Рябенко. Семья возвращалась из Новороссийска в Крымск.

Таня не одна — ей помогают мама, сестра и другая Таня — Ксенофонтова, дочь второй из двух жертв наводнения, которые до сих пор числятся пропавшими без вести. Весь год после наводнения она ищет свою маму. Маме было 56 лет. Вода нахлынула внезапно и так сильно, что снесла забор ее дома, но мама из него выбралась, уверена Таня.

Ни одна Татьяна, ни другая не останавливаются, пока не добьются хоть какой-то информации о своих родных. Ни одна, ни другая уже не плачут.

— В Следственном комитете я стала как родная. Может быть, наконец найдем им, и они найдут маму... Она молодая и очень красивая, — говорит Татьяна Ксенофонтова.

Борьба за героев

Еще один пострадавший от прошлогоднего наводнения — Евгений Пимкин — ветеринарный врач из Волгоградской области. Он, похоже, хорошо воспитал своего сына Михаила — тоже ветеринарного врача. Двадцать третий день рождения Миши совпал с днем наводнения. И с днем его смерти.

Вместе со своей невестой Ольгой и друзьями младший Пимкин отдыхал в Геленджике. Туда вода пришла первой — еще не погибли на трассе в районе Нижнебаканской близкие Татьяны Лямзиной, а вода не унесла в неизвестность ее сына, мама Татьяны Ксенофонтовой была жива и никуда не собиралась пропадать, Александр Помазан любил жизнь и хотел жить, как хотели жить и остальные сто пятьдесят один человек в Крымске. Миша Пимкин с Ольгой и друзьями убежали с пляжа — шел сильный дождь, улицы затапливало, и вдруг они увидели, как возле рекламного столба на площади у центрального рынка Геленджика лежит человек. Один за другим они пытались спасти его и друг друга — и один за другим погибли от сильного удара током. В конце концов их увидел местный житель Руслан Шаврыгин — и тоже погиб, пытаясь вытащить пострадавших.

Впоследствии выяснилось, что рекламный столб

Артем Давтян

Последний раз Татьяна видела и ощущала своего сына рядом, когда отдавала его на руки мужу — он был высокий мужчина. Потом ее смыло водой, протащило под машинами, повредило позвоночник... Муж и свекор Татьяны погибли. Их тела и вещи нашли. Маленького Артема — нет.

Денег тоже нет. Компенсации за погибших мужа и свекра забрала свекровь. Лечение Татьяна оплачивала сама. А чтобы получить компенсацию за сына, надо признать его погибшим. Но кто сказал, что он погиб?

— Я бы растерялась, если бы меня спросили, какой приговор должен вынести судья: я воспитана так, что не могу ненавидеть. Наверное, им было бы достаточно пару дней побыть в моей шкуре. А вообще бог, конечно, рассудит, — говорит Татьяна.

Трехлетний
Влад Помазан
похож на своего
погибшего деда
(на фото слева)

**Обвиняемая
Ирина Рябченко
дает показания.
Потерпевшие
в зале суда
(на фото справа)**

не был отключен от электропитания. Город сдавал его в аренду компании, специализирующейся на недвижимости. Если бы столб был подключен правильно, должна была бы сработать автоматическая система защиты и электричество бы выключилось, утверждает адвокат Пимкина Сергей Гагауз. В крайнем случае столб должны были отключить от электропитания вручную — так делали, например, владельцы многочисленных геленджикских гостиниц. Но столб, как утверждает адвокат, был подключен с нарушениями правил безопасности. Небо потемнело, и сработала другая автоматизированная система — фотоэлемент, и электричество включилось.

Тела сына, его невесты, ее подруги и еще двух человек, по словам Евгения Пимкина, лежали потом во дворе здания вневедомственной охраны полиции — их даже не внесли внутрь. В морге, по словам Пимкина, с родителей погибших требовали по пять тысяч рублей за то, чтобы одеть мертвых детей, — сотрудники этого учреждения сказали, что у них слишком много работы. В Геленджике в день наводнения погибли 12 человек, пять из них — возле злополучного рекламного столба.

В течение всего года после наводнения Евгений Пимкин и Сергей Гагауз добиваются того, чтобы уголовное дело было переклассифицировано со статьи «смерть по неосторожности» на статью «халатность, повлекшая смерть двух и более лиц». Пока ничего из этих попыток не получается. До сих пор не допрошен, по словам Гагауза, ни риэлтор, сдававший в аренду рекламный столб, ни его арендатор, ни человек, ответственный за электросети Геленджика. Сергей Гагауз считает, что чиновники Геленджика едва ли отличаются от своих коллег в Крымске. Различие лишь в количестве погибших.

В мэрии Геленджика корреспонденту «Совершенно секретно» сообщили, что все претензии Пимкина и его адвоката отвергают — сотрудники администрации сделали все, чтобы предупредить людей о чрезвычайной ситуации.

Сегодня того рекламного столба уже нет. Рядом с ним — другой, фонарный. Когда Евгений Пимкин приезжает в Геленджик, он привязывает к нему красные гвоздики. Через несколько часов их снимают. «Геленджик — место, где сбываются мечты», — гласит растяжка у рынка. Городу-курорту не нужны напоминания о трагедии, о смерти, герои ему тоже лишние, все это мешает полноценному отдыху.

Как Татьяна Лямзина надеется, что найдет сына, а Татьяна Ксенофонтова — маму, Евгений Пимкин уверен, что найдет виновного. Если не найдет — безнаказанными окажутся те, по чьей вине прервалось столько молодых жизней, а «дети Пимкина», как на-

**Главный редактор газеты
«Электрон ТВ»
Лариса Сафонова**

зывает всех погибших Евгений, останутся случайными жертвами, а не героями: в администрации Волгоградской области обещали представить их к наградам, но если «смерть по неосторожности» останется единственной формулировкой в деле — то обещанного ждать не стоит: неосторожность не предполагает героизма, объясняет Сергей Гагауз.

Жена безуспешно спасавшего «детей Пимкина» Руслана Шаврыгина Лариса сочувствует усилиям Евгения Пимкина и Сергея Гагауза, но рассчитывает лишь на то, что виновного «найдет бог».

Последняя встреча

Как и в Крымске, в Геленджике не образовалось сообщества потерпевших,

которые бы выставляли счет власти, чьи действия или бездействие лишили их близких. Оно зарождалось в первые дни после случившегося — и не состоялось. Значит ли это, что жители Крымска и Геленджика замкнулись в своих домах-убежищах в ожидании следующего наводнения, а расширенный чердак — это единственное, на что они способны в преддверии новой трагедии?

Возможно, нет.

Потому что каждый второй житель Крымска в разговоре хотя бы раз упомянет местную независимую газету «Электрон ТВ» или радио «Электрон ФМ» или перескажет хотя бы одну публикацию или

передачу. В них — острые вопросы и важные ответы. Эта газета продается даже в продуктовых магазинах, а ее тираж — чуть больше десяти тысяч экземпляров — позволяет охватить весь город: по номеру на каждую семью. Радиостанцию слышно даже в некоторых районах Краснодарского края.

В здание холдинга «Электрон» заглядывают местные казаки, сохраняющие лояльность властям. Они время от времени требуют отставки шеф-редактора Валерия Донского за то, что он якобы обижает их в эфире. Личные данные Донского каким-то образом попадают к тем, кого он критикует, и потом они поджидают Валерия у подъезда его дома. Пока — с профилактической беседой. Некоторые слушатели звонят и просят перестать говорить о наводнении, это отвлекает их от прослушивания творчества Стаса Михайлова и Григория Лепса. Но другие звонят, чтобы поговорить именно о наводнении, его причинах и последствиях.

Недоверие всех ко всем, которое пропитало Крымск, — это развилка. Нынешнее состояние умов может вернуть город в состояние апатии, в которой жили крымчане до наводнения, а может привести к критическому мышлению: по отношению не только к власти (или оппозиции), но и к самим себе.

В Крымске не произошло революции, а эволюция медленна и уязвима. «Электрон» — частный холдинг, и его финансирует местный предприниматель, который пока готов отстаивать свои интересы в суде, но рано или поздно может от этого устать. Эволюцию самим своим существованием поддерживают две Татьяны, которые надеются и ищут, и Евгений Пимкин. Про них в Крымске знают все, даже про Евгения Пимкина, который стал почти крымчанином для них. Они потеряли самое дорогое, но перестали жалеть себя и нашли в себе силы добиваться того, что, согласно их убеждениям, закону и природе, является правильным.

Крымчане пережили встречу со стихией. Затем они близко познакомились с собственным государством. И им предстоит еще одно свидание, может быть, самое важное — с самими собой. От того, как оно пройдет, зависит многое. Прежде всего — будет ли следующее наводнение таким же катастрофическим. И кажется, речь не только о Крымске.

ФОТО АВТОРА

«...читать этот материал вы можете на новом сайте газеты «Совершенно секретно» www.sovsekretno.ru»

**Евгений Пимкин
возле места,
где погиб его сын**

A large, tangled mass of rusted metal rebar stands in the foreground, partially obscuring the view. In the background, the Turkish flag flies on a tall pole, and a large, modern building is visible under a clear sky.

Ты не представляешь, как хотелось встать — гордо так — и сказать: «Сынок, а у нас оно такое — с 1999-го. И только полтора года назад публика всерьез задумалась насчет того, что это не очень здорово. А еще бывают страны, где по двадцать лет

правят. Да, в Европе, при-
кинь».

Не стал все же. Теперь
жалею. Столько бы инте-
ресного про себя услышал,
наверное. И про соотече-
ственников по всему Соеди-
нному государству — тоже.

— Нет, все же не «мар-
гиналы», — библиотекарь
Ашик, обустроивший отдел
книгообмена и бесплатной
раздачи — в глубине парка
Гези, за отбитыми у поли-
ции загородками (по боль-
шей части массовое чтение,
от турецкой биографии
Эмина до женских ро-
манов на английском: не
Дерридой же единым), —
пытается объяснить смысл
турецкого слова «чапуль-
джу». — Вот те, кто спят,
где ходят, едят, где спят, и
гадят, где едят, — как они
по-русски?.. А, бомджу, —
кивает Ашик.

Знаменитым за пределами
Турции слово «чапульджу»
сделал все тот же Реджеп
Тайип Эрдоган. В начале
июня, выступая перед сто-
ронниками, он особо оста-
новился на протестующих
в парке Гези — и планах его
реконструкции, чтобы там
ничего не выросло: «Да, мы
еще и мечеть построим. И я
не стану спрашивать разре-
шения ни у оппозиции, ни
у горстки бомжей — мне это
уже разрешили более поло-
вины избирателей страны,
проголосовавших за нашу
партию».

Оратор Эрдоган отлич-
ный, даже противники
признают. Но вот с бом-
жами — зря он это так. Не
потому, что на площади
Таксим оскорбились (тогда
бы не зря). И не потому, что
найти совсем уж бедняка на
Таксим еще труднее, чем на
Болотной. Просто провоз-
глашенные чапульджу сра-
зу и с гордостью понесли
в мир обретенное звание.
Дураками были бы, если бы
не понесли. Ряд, в который
вписались чапульджу-2013
— богаче не придумаешь:
гёзы XVI века, санкюлоты
Великой Французской ре-
волюции, — «нищие», «без
приличных штанов» соот-
ветственно.

— Шарль де Костер, Вик-
тор Гюго — хорошие спе-
цы по пиару: глобально и
на века, — уверяет Ашик.
— Даже я про них слышал
чуть-чуть... Не знаю, будет
ли когда-нибудь что-то про
нас. Может, Орхан?

В центре парка
Гези — фонтан.
На нем —
до самого
последнего
момента —
знамена: курды,
анархисты,
Че Гевара,
Ататюрк. Выше
всех — флаг
Республики
Турция

Нобелевский лауреат Ор-
хан Памук — которому Эр-
догана любить особо не за-
что: восемь лет назад власти
Турции подавали на Памука
в суд за оскорбление турец-
кой идентичности (призна-
ние геноцида армян, проще
говоря), пытались посадить
и в конце концов выиграли
шесть тысяч лир, — уже вы-
ступил в «Нью-Йоркере» с
небольшим, но емким эссе:
«<...> Что касается исто-
рических казарм, которые
запланировали воссоздать
на месте парка, то каждый
житель Стамбула знал, что
это будет очередной торго-
вый центр в единственном
зеленом месте, оставшемся
в центре города. Устраивать
такие значительные пере-
мены на площади и в парке, ко-
торые хранят воспоминания
миллионов, совершенно не
посоветовавшись с жителя-
ми Стамбула, доведя дело до
стадии торопливой выруб-
ки деревьев, было грубейшей
ошибкой администрации
Эрдогана. Причиной такой
бесцеремонной политики, без
сомнения, является дрейф
правительства в сторону
тирании и авторитаризма»
(пер. А. Аврутиной). Сам
Памук на площади Таксим
не появился, хотя знамени-
того жителя Стамбула —
пожалуй, наиболее извест-
ного в мире, даже когда в
стамбульскую резиденцию
Долмабахче приезжает Эр-
доган, — гёзы парка Гези
ждали, как никого больше.
Отнесли, однако, с пони-
манием: не все писатели —
допустим, Акунины, чтобы
и тексты, и на площадь в
виде чапульджу. Некоторые
вот — Памуки.

We are chapulling — куда
ни кинь взгляд на площа-
ди Таксим, обязательно
вперишься в один из таких
плакатов. Этот глагол — ви-
димо, «чапулировать»? — и
существительное chapuller
за пару дней прописались
во всех приличных сло-
варях англосаксонского
городского сленга. В зна-
чении «бунтарь», который
rebel или fighter for some
rights. На оппозиционных
сайтах — масса фото: люди,
плакаты про их личный и
глубоко выстраданный ча-
пуль, иногда — вдобавок
— название организации.
Названия — самые гром-
кие по стране, вплоть до
«Турецких авиалиний» или
канала NTV. Здешнего, ла-
тиничей.

А в парке Гези сидел, по-
мимо прочих чапулирую-
щих, плюшевый пингвин
с соответствующей надпи-
сью. Он на самом деле тоже
про телевидение. Во время
первого разгона на площа-
ди Таксим оппозиционный
канал Hayat TV вел прямую
трансляцию из центра Стам-
була, прервав передачи. На
остальных же каналах шли
более важные программы.
Государственному ТВ по-
везло больше всех: там шла
документалка о жизни пинг-
винов — которую никто, по-
нятно, не остановил и не
прервал.

Свое оппозиционеры
взяли через несколько
дней. Когда в Турцию после
разгона вернулся премьер
Эрдоган, основные теле-
каналы — включая, разуме-
ется, государственный — в
прямом эфире транслиро-
вали его речь в аэропорту
Ататюрк. Все, кроме одно-
го. На Hayat пустили пере-
дачу про жизнь пингвинов.

А турецкое патентное
бюро получило 16 заявок на
товарный знак «Чапульджу».
В ассортименте соискателей
— газета, напитки и туалет-
ная бумага. Узнав о послед-
нем, в парке Гези предложе-
ли свой рекламный слоган
— англо-турецкий, бесплат-
но: Occupy Tuvalet.

From: Istanbul To: домой

Торговая сметка, как всег-
да, не подводит. Идет
дождь — на Истикляль тут
же выбегают мальчишки с
пластмассовыми зонтика-
ми «бай-баян» для мужчин
и женщин. Идет слезото-
чивый газ — не сейчас, так
позже пойдет, обязательно,
— вот респираторы и очки.
Самые разные очки, главное,
чтобы прилегали плотно:
плавательные дешевле, гор-
нолыжные или мотоциклет-
ные на полморды — соот-
ветственно дороже. Бьют
дубинками? Еще не бьют?
Все равно — на тебе каску,
давай пятнадцать лир. Все
дождаться не могу, когда
они оружием на развес тор-
говать начнут; «привет,
кагдила, эс-триста нада».

Хотя — помнишь Nabokov'a
на турецком? Мы еще по-
том у френдов выясняли, что
такое Solgun A te — а вот
«Бледное пламя»... Букини-
стическая лавочка на ули-
це музыкальных магазинов,
впадающей в Истикляль снй-
зу, до сих пор торчит как не

Людей левых убеждений на площади Таксим было много. Мустафа Кемаль Ататюрк и Владимир Ленин для них — близнецы-братья

пойми что среди пластинок, гитар, дутаров, ударных установок и ретро-микрофонов со стразами. Смеяться, наверное, не будешь — но так и стоит снаружи Владимир Владимирович (Набоков, в смысле). Плотно стоит, хорошо стоит. Два года минимум, получается. Не на витрине — утром лавочку открыть, деревяшку специальную поставить, книжки на ней разместить... И не прогорает лавочка, и с деревяшки продукт не снимают, и живут книжники в окружении чуждой товарной номенклатуры, а чем живут — черта с два ты узнаешь; герметика, черный ящик. Очередная загадка турецкого экономического чуда.

Хотя, может быть, Набоков на турецком — с тех пор уже пятнадцатый или даже двадцать седьмой. Вдруг он в мирное время — такая же актуальная вещь, как сейчас очки, маски и каски. На них же тоже спрос не всегда.

А твой любимый свежесжатый гранат как стоял несколько лет назад по пять лир в центре и четыре — чуть отойдя, так и стоит столько же. Так что, похоже, нет на Таксима никакой экономики в подоплеке — или же очень мало ее по сравнению со всем остальным. Редкий случай, когда так.

Когда и как слева от парка Гези поздним вечером появился рояль, толком не понял никто. Как зовут худощавого пианиста, тоже никто не спрашивал. Позже выяснилось, через несколько недель: Давид Мартелло, сам из Германии. «Но итальянец?» — «Нет, сицилиец», настойчиво уточняет он. Всего-то шоу — он сам да рояль с подсветкой и подзвучкой. Кажется, главное требование — отсутствие дождя (Мартелло приехал в Стамбул из Болгарии, где один концерт пришлось отменить). То ли на тент пока не заработал, то ли он просто не предусмотрен концепцией. Под небом — так под небом, чего.

Дождь срывался днем. Дождь был на следующее утро. Ни в одну из четырех ночей, в которые играл Мартелло, ночью дождя не было. В программе —

импровизации в духе парижского и кельнского концертов Кита Джаррета, Imagine, Let It Be, «Белла Чао» и другие любимые публикой песни, включая «Интернационал».

Ночей, правда, было не четыре, а три с половиной. Все уверовали, что пианист — ангел-хранитель Таксима: штурма ждали каждую концертную ночь. В первую, например, — когда рояль вместе с Мартелло вдруг материализовался на площадке перед баррикадой. Аудитория — вся площадь, к полуночи заполненная где-то на три четверти. И особенно во вторую — Мартелло переместился к подножию памятника Ататюрку. Слушали и «бомжи», и полицейские, оцепившие монумент, — последние вдруг сняли каски, и стало понятно, что штурма не будет. Или будет, но не во время концертов. Так что — играй, Давид, играй.

В «черную ночь» Давид тоже играл, но перед моментом атаки взял паузу. Ни водометов, ни газа на том участке не было — люди

понимающие, искусство любят: хлопнули пару световых вспышек, да врезались со щитами наперевес. Пианиста не тронули. Просто отобрали рояль и машину, на которой Давид его перевозит. Фанаты уже собирают деньги через Фейсбук — опасаясь, что по-иному вопрос решить не удастся. Давид, впрочем, не сдается и готов сыграть «в день победы свободы» — все там же, на площади Таксим. Или уже в Анкаре. Ему — играющему по семь-восемь часов за ночь — не принципиально. Главное, чтобы повод был.

Ван Клиберн площади Таксим. Иностранного пианиста, не самый знаменитый, но очень востребованный там, куда он приехал, — настолько, что может стать полноценной частью истории страны пребывания. Если, конечно, одни его турецкие слушатели победят других его турецких слушателей. Или же хотя бы просто договорятся между собой о том, как быть с властью.

From: Istanbul To: домой

Тут, в парке Гези, речей нет совсем. Говорят, что до первого разгона были. А теперь со сцены кто-нибудь из комитета поддержки скажет: «Доброе утро, просыпайтесь, умывайтесь, убирайте мусор, оставшийся с вечера, скоро будем завтракать» (сочувствующие бизнесмены кормят: сыр, оливки, йогурт) — и все, микрофон на сутки свободен. Что говорить, когда и так все понятно.

А вот кричалки у «бомжей» — разные. От «Здесь Таксим — и везде Таксим» и «Наше дело — правое, мы победим» (про Сталина тут толком не все слышали, но левых здесь больше, чем остальных) до «Кто не прыгнет, тот премьер» — который Эрдоган, конечно, а не балетный премьер. Тут как раз хорошее знание истории: «Кто не прыгнет, тот фашист» — это Чили времен Альенде перед Пиночетом. Спроси меня, я бы это кри-

чать ни о чем не стал: там-то как раз допрыгались.

До «черной ночи», как оказалось, — двое суток. На водометах по углам площади Таксим врубили «люстры»-мигалки. Вокруг памятника Ататюрку шнырял небольшой бронированный автомобильчик — окна и камера, вынесенная на шесте, забраны мелкими решетками. Полицейские, обычно проводящие время на окрестных улицах в уставном режиме «спать тире отдыхать лежа не раздеваясь», подтянулись к периметру — полная экипировка, шиты, спецтехника под газовый снаряд.

— Мы все должны молчать! Сесть и молчать. В этом наш протест: зажечь свечи, сидеть и молчать. Понимаете? — громко спрашивает девушка. Очень громко.

Вокруг нее — человек десятка.

— Да, понятно! Сидеть и молчать, — говорят они.

Что-то новое на площади. Действительно, появляются свечи. Люди садятся вокруг, продолжают переговариваться.

— Кто мы? — вдруг спрашивает девушка.

— Люди, — хором отвечают люди.

— Зачем мы здесь?

— В память о четверых погибших на площади.

— За что они погибли?

— Во имя любви.

— Что мы можем сделать, вспоминая о них?

— Зажечь свечи, сесть в круг и молчать полчаса.

Понятно: очередная акция-флешмоб из серии «Если вы не прекратите репрессии, то я не спою вам песню Булата Шалвовича Окуджавы». Плавали, знаем.

— Кто готов, садитесь в круг, — обращается девушка к остальному миру Таксима. — Только имейте в виду: надо будет сидеть и молчать. Ходить в круге могут только журналисты.

Могут? Ай спасибо. Пожалуй, пора идти.

Вот только круг оказался заполнен на десять метров назад. Сплошь.

— Кто мы? — Люди, — начинают катехизис вновь прибывшие. До общего скандирования «сесть в круг и молчать полчаса» все вместе разогнались секунд за пять. Быстрее, чем «Таксим везде» по соседству — в парке Гези, на баррикадах.

За полчаса разговоров и тех же вопросов круг молчания расширился еще метров на двадцать. Во все стороны. А потом девушка, громко обратив внимание на себя, прижала палец к губам. И больше его не отпускала.

Они молчали полчаса. Десять минут — просто. Потом над головами и касками — желтыми, белыми, красными — поднялись листы. Четыре имени, иногда — «Наше дело правое».

А потом сидящие начали хлопать. Не прерывая молчания. Тоже минут десять.

Только тут дошло: в катехизисе не было вопросов «кто их убил?» и «что надо сделать с убийцами?». В относительной тишине отсутствие подобных звуков очень хорошо врезается в память. С тем, чтобы осмыслить потом.

— Убийц? Судить. Кто? Пусть решает суд, — ответили после того, как прошло полчаса. — Мы для этого делаем все.

На следующий день на мостовой, где проходил флешмоб, можно было увидеть только следы от свечек и плакат про «наше дело»... Кто-то из комитета поддержки ходил вокруг и досадливо цокал языком: такое большое пятно, некрасиво, надо как-то убрать.

Еще через сутки дела до этого уже никому не было.

**From: Istanbul
To: домой**

Конечно, ковчег в парке — как на свадьбе. Тут тебе геи радужные, здесь — комитет по защите семейных ценностей. В том числе и от геев. Здесь — феминистки, тут — феминистки (разные, не путать: вне пределов Таксима даже не здороваются). Тут коммунисты, там социалисты — в нормальном парковом

облачении, характерном для +25° и выше. Иногда к ним приходят партийные функционеры в строгих костюмах — совещаться; смотреть на все это просто жарко.

А вот Рабочая партия Курдистана (лидер партии — Абдулла Оджалан. — Ред.), судя по флажку. Хотя и объявила партия Оджалана перемирие, но в Турции ее по-прежнему опасаются. Болельщики — вся большая стамбульская тройка, непримиримые враги вне парка Гези; все окончится — опять будут друг за другом гоняться. Здесь сами по себе, без символов — видимо, договор, чтобы не раздражать друг друга. Их в обычные дни мало — подтягиваются ближе к ночи. И вообще народа мало, все на работе: вечером придут, после службы.

На самом деле для того, чтобы флаги разглядеть — лучше не придумай. И посчитать. Больше всего — турецких: этим утром — 157. Каюсь, не считал портреты Ататюрка.

Утро, о котором идет речь в письме, было последним для защитников парка Гези. Парка, где в центре стоит фонтан, а на нем — до самого последнего момента — знамена: курды, анархисты, Че Гевара, Ататюрк. Выше всех — флаг Республики Турция.

Четкое следование законам эстетики — парк под защитой, заезжий пианист, собирающий все больше людей с каждым концертом, — раз. Упор на справедливость — два. Прямое и явное небрежение социальными, политическими и даже футбольными различиями, столь важными в обычное время, — три.

Четвертый и главный отличительный признак Таксима — полное отсутствие противопоставления «это я, а это государство». Власть — меняется, а государство остается, как и страна; здесь это понимают, как нигде.

— Почему у вас не было российских флагов? — спрашивает библиотекарь Ашик. Он был в Москве, когда была Болотная. Отсутствие триколоров —

первое, что бросилось ему в глаза.

Когда в «черную ночь» в пятизвездочную гостиницу «Диван», где развернули импровизированный госпиталь, ворвалась полиция, «бомжи» вышли им навстречу, сняли маски и противогазы — и запели гимн Турции.

Первой организацией, откликнувшейся на уничтожение лагеря в парке Гези, стал профсоюз государственных служащих, 240 тысяч человек. Забастовку назначили сразу же. Естественно, тут же последовал запрет. Скорее всего, запрет проигнорируют: не тот случай. Или придумают что-то, по сравнению с чем легальная забастовка — лучший выход. Но это госслужащие — от бюджетников до чиновников. Которые, наверное, ничем особо не лучше прочих своих коллег. Российских, например.

Ну и просто: первая половина июня, марш судей и адвокатов в Анкаре. Частный повод — нарушение неприкосновенности защитников. Более общий — Таксим.

Этот диалог — модельный, взятый по совокупности десятков ответов. Все — с Таксима, все знают английский настолько, чтобы понять разницу между country и state. И все отвечают одно и то же.

— Почему ты здесь? — Потому что это моя страна.

— А государство — твоё?

— Тоже мое. Страна, государство — все мое. А власть не моя. Поэтому я здесь.

Чтобы бороться за страну с властью, надо быть государством. Частью его. Гербом, флагом, гимном. И — главное — желанием метить, допустим, в Эрдогана так, чтобы не попасть, к примеру, в Турцию.

Урок Таксима для всех, кто готов его выучить. Урок площади, на которой почему-то не был замечен ни один видный российский оппозиционер.

ФОТО АВТОРА

■ ОПРОС

**Происходящее в Турции
вас пугает или вдохновляет?**

Борис Немцов, политик, сопредседатель РПП-ПАРНАС:

— Меня несколько не пугает происходящее в Турции. Я вижу очень много сходств в поведении Эрдогана и Владимира Путина. Оба они активно применяют силу против собственного народа. Но вряд ли меня вдохновляет то, что происходит в Турции. Скорее, я просто горжусь и восхищаюсь турецким народом, который способен выйти на площадь и бороться за свои права. Это не страшно и не восхитительно. Это нормально.

Георгий Мирский, политолог, специалист в области международных конфликтов и политики арабских государств:

— Скорее вдохновляет. Это меня не может пугать. Потому что, в отличие от ситуации в Сирии, Иране, Палестине, в Турции не может быть войны, лишь внутренний конфликт, — а значит, пугаться нечего. Источник вдохновения в том, что турки показывают: народ, обладающий чувством собственного достоинства, которому удалось сформировать гражданское общество, может не потерять самоуверенности власти, ее наплевательского отношения к людям.

Юрий Барзыкин, вице-президент Российского союза туристической индустрии:

— Меня это не восхищает и не пугает. Я думаю, что все будет урегулировано. И это не должно повлиять на туристический поток. На Болотной тоже происходили столкновения демонстрантов с полицией. Туристов это не напугало. Но, разумеется, и не восхитило. В Турции мы видим внутривластный конфликт, он никак не связан с агрессией по отношению

к тем, кто приехал в страну. В Анталию и на побережье Средиземного моря люди как ехали, так и едут. В этом году в Турцию хотят поехать еще больше россиян, чем в прошлом.

Геннадий Гудков, бывший депутат Госдумы, кандидат в губернаторы Московской области:

— Не пугает и не вдохновляет. События в Турции служат предостережением для той системы власти, которая сложилась в России. Власть возомнила, что она всемогуща, неуязвима и все понимает. Она даже не допускает мысли, что ее кто-то может сменить. Самоуверенность, переходящая в глупость, — это серьезнейший фактор риска для всей страны. В Турции правительство потеряло почву под ногами. Нашему остается не повторять опыт турецких коллег.

Протестующим в России не стоит слепо копировать протестующих в Турции. Там, как ни странно может звучать, больше демократии. То, что позволено делать в Турции, может вызвать серьезную реакцию в России.

Артем Лоскутов, художник:

— Пока в Турции не страшно: например, участников протестов не сажают в тюрьму в массовом порядке. Многие проводят аналогию с движением «Оккупай» в России летом 2012 года. «Оккупу» не хватило массовой поддержки населения — а в Турции демонстрантов уже поддержали большие профсоюзы. Так что пугаться пока нечего. Пока. Любой положительный опыт должен вдохновлять. Если протестующие в Турции победят, это вдохновит всех, кто пытается улучшить что-то в своих странах.

EAST NEWS / IMAGE FORUM

Московские выборы: кому что

ГОТОВЫ ЛИ ОППОНЕНТЫ СЕРГЕЯ СОБЯНИНА ДЕЙСТВОВАТЬ СООБЩА?

Сергей Собянин

Иван Мельников

Алексей Навальный

Михаил Дегтярев

Сергей Митрохин

Светлана Пеунова

■ Людмила ТЕЛЕНЬ

Удастся ли союзникам по Болотной площади договориться о едином кандидате? И если нет — как отнесутся к очередному расколу избиратели? Эти и другие вопросы главный редактор «Совершенно секретно» обсудила с одним из лидеров РПР-ПАРНАС Владимиром Рыжковым и членом Координационного совета оппозиции Андреем Илларионовым. Беседа проходила в эфире интернет-телевидения OnlineTV.ru

Если не Прохоров, то то?

Людмила Телень: Лидеры оппозиции на этот раз смогут договориться, чтобы выступить консолидированно?

Владимир Рыжков: Пока на этот вопрос ответить невозможно, потому что каждый день приносит сенсации. К примеру, абсолютно неожиданно для всех, включая его ближайшее окружение, от участия в выборах отказался один из главных кандидатов — Михаил Прохоров.

Л.Т.: Главных кандидатов — с чьей точки зрения?

В.Р.: Даже по официальным данным, если не ошибаюсь, на президентских выборах Михаил Прохоров в Москве получил 20 процентов. Это не шутки. Позволю себе такой образ. Мы полагали, что пришли в хорошее кафе, где в меню есть все — и бургеры, и овощи, и морская еда, а нам официант говорит: «Вы знаете, все закончилось. Есть только голубцы с компотом».

Л.Т.: Мне странно, что вы рассчитывали на богатый ас-

сортимент. По-моему, стоило готовиться к голубцам.

В.Р.: На старте же казалось, что будет и Прохоров, и «кандидат Болотной», и коммунист, и «яблочник»... Уход того же Прохорова из кампании — совершенно меняет ее качество.

Л.Т.: Вы не переоцениваете роль Михаила Прохорова, который уже один раз исправно реализовал кремлевский сценарий на выборах президента?

В.Р.: Я точно знаю, что он хотел участвовать в выборах мэра. Я точно знаю, что он

мог бы действительно завязать серьезную борьбу с Сергеем Собяниным. Я точно знаю, что у него была готова программа. Я точно знаю, что у него работал штаб. Я точно знаю, что началась работа по подбору муниципальных депутатов, которые помогли бы ему пройти муниципальный фильтр.

Л.Т.: Вы в самом деле считаете его самостоятельной фигурой?

В.Р.: У меня нет сомнений, что у него есть огромные политические амби-

ции. У меня нет сомнений, что Михаил Прохоров хотел стать российским Блумбергом — я о миллиардере и мэре Нью-Йорка. Я общаюсь с ним, я вижу в нем эти амбиции. Что случилось, когда все для объявления об участии в выборах мэра было готово, когда три юридические фирмы сказали, что он успевает переоформить активы и собрать подписи, — я не знаю. Могу только предположить, что ему дали понять — передали, позвонили, написали, наемкнули, не знаю, — что его участие в выборах нежелательно.

Л.Т.: Но вы таким образом только подтверждаете, что Прохоров не самостоятелен в своих решениях.

В.Р.: Про самостоятельность можем говорить только мы, которые бесстрашно выдвинули Алексея Навального. Все остальные в той или иной степени могут быть заподозрены в несамостоятельности. Но вопрос заключается в том, что даже такой политик, как Прохоров, политик, лояльный Путину, тоже оказался опасен!

Если не Навальный, то кто?

Л.Т.: На заседании Федерального бюро партии вы не поддержали кандидатуру Навального. Вы и еще двое. Можете изложить логику людей, которые выступали против выдвижения Навального?

В.Р.: Есть три комплекса вопросов, которые помогают прояснить эту логику. Первое. Вопрос коалиции. Да, Алексей Навальный является одним из безусловных лидеров протестного движения. Как коалиционный кандидат Навальный действительно сильная фигура. Уже сейчас можно говорить о коалиции трех партий — зарегистрированной РПР-ПАРНАС и незарегистрированных «Народного альянса» и Партии 5 декабря.

Второе — организационно-содержательные вопросы. Здесь есть сомнения. В момент нашего обсуждения у Алексея Навального не было программ. Согласитесь, что это странная история, когда кандидат в мэры есть, но программы у него нет. Я не мог поддержать кандидата, который даже в общих чертах не готов изложить то, что он намерен делать.

Л.Т.: А его кто-то просил об этом?

В.Р.: Много раз! Далее. Не менее важный вопрос — шансы на регистрацию. Наш кандидат способен получить 110 подписей муниципальных депутатов в 110 муниципальных образованиях города Москвы? Я, как практический политик, который пять раз выигрывал выборы, задаю простой вопрос: каковы шансы? Ответ: мы будем стараться. А каковы ресурсы на кампанию? Допустим, все сложилось: появилась программа, преодолен муниципальный фильтр. Сможем провести полноценную кампанию? Москва — 12-миллионный город, здесь требуются огромные ресурсы, чтобы дойти до каждой квартиры, до каждой семьи, до каждого избирателя. Ответ: будем искать.

И наконец, третье. Вопрос ценностей. Насколько идеология кандидата близка идеологии «Республиканской партии — Партии народной свободы»? Все же речь идет о человеке, который участвовал в «Русских маршах», рядом с открытыми нацистами, рядом со свастикой. Для какой-то части моих коллег это не так важно. Важнее, что есть протестное движение, что мы вместе, что мы коалиция. А для меня важно принципиально.

Л.Т.: Кто, кроме вас, голосовал против? Вас же было трое...

В.Р.: Мы приняли решение не раскрывать тайну голосования.

Л.Т.: Почему? Избиратели имеют право знать, чем вы руководствовались.

В.Р.: Избирателям достаточно знать, что в Федеральном бюро РПР-ПАРНАС мнения разошлись. Мы имеем право иметь свою точку зрения, и мы ее имеем. Мы договорились, что даем только общую картину, что 6 проголосовало «за», 3 — «против», потому что у ряда членов бюро есть содержательные и идеологические вопросы к кандидату. Согласитесь, что мы имеем право на постановку этих вопросов, они рациональны, они обоснованны. Разве плохо, что в демократической партии, в отличие от «Единой России», мнения разошлись?

Л.Т.: Ваши сомнения понятны. Но тогда возникает следующий вопрос: а вы бы кого видели в качестве единого кандидата от оппозиции?

В.Р.: Михаила Касьянова. Мы планировали создать демократическую коалицию, через год сформировать фракцию в Мосгордуме, еще через год выйти с нашим кандидатом на очередные выборы мэра, и этим кандидатом должен был стать Касьянов.

Л.Т.: А Путин с Собяниным спутали вам карты?

В.Р.: Это так.

Л.Т.: Готовы ли вы к консультациям с лидерами других оппозиционных партий, которые выдвинули своих кандидатов?

В.Р.: Обязательно! Наша позиция такая. Первый этап — это регистрация. Когда в середине июля мы поймем, каков список зарегистрированных кандидатов, у нас будет выбор — либо мы поддерживаем кого-то из допущенных к выборам, либо призываем к бойкоту. Опять будем собираться, опять будем спорить. Может быть, даже учтем ваше пожелание и вынесем наши разногласия на публичное обсуждение.

Если выборы, то что?

Л.Т.: Если допустить, что все пройдет идеально и у оппозиции появится единый зарегистрированный кандидат, все равно остается вопрос о подсчете голосов. Вы уверены, что с этим тоже все будет идеально? А если не будет, есть ли смысл участвовать в игре, где победитель известен заранее?

В.Р.: Я бы не стал спешить с выводами. Мне кажется, в Москве проще организовать контроль. Здесь огромное количество думающих,

активных, образованных и граждански настроенных людей. С точки зрения голосования всю Москву можно проконтролировать.

Л.Т.: Вы верите в честные выборы в одном отдельно взятом городе?

В.Р.: Верю. Мы проводили опрос городского населения страны. Вопрос: «В чем вы охотнее всего приняли бы участие?» И набор ответов. Самое популярное — «пришел бы голосовать» — 65 процентов! И 20 процентов сказали — «мы готовы идти наблюдателями». Каждый пятый горожанин в стране готов идти наблюдателем и ловить за руку фальсификаторов! Вот почему я с уверенностью говорю, что потенциал контроля гигантский и при хорошей организации можно добиться честного подсчета голосов. Понимая это, власти, похоже, попытаются действовать не через фальсификации, а через отстранение основных конкурентов.

Если не выборы, то что?

Еще до отказа Михаила Прохорова участвовать в избирательной гонке бывший советник президента Путина, а ныне член Координационного совета оппозиции Андрей Илларионов вместе с политологом Андреем Пионтковским и гражданским активистом Антоном Долгих призвали к неучастию в выборах московского мэра.

Людмила Телень: Есть ли шанс, что ваша позиция бойкотировать выборы соберет достаточное количество сто-

■ ДОКУМЕНТ

АЯВЛЕНИЕ РЕСПУБЛИКАНЦЕВ

АНДРЕЙ ИЛЛАРИОНОВ, АНДРЕЙ ПИОНТКОВСКИЙ И АНТОН ДОЛГИХ ПРИЗВАЛИ МОСКВИЧЕЙ К БОЙКОТУ ВЫБОРОВ

^ Явленные властями т.н. выборы мэра Москвы породили у ряда представителей общегражданского движения некоторый ажиотаж и сподвигли их на заявления о готовности принять участие в этой очередной спецоперации...

На наш взгляд, какое бы то ни было участие в такой спецоперации властей со стороны участников и активистов общегражданского движения было бы серьезной ошибкой.

Это была бы политическая ошибка, потому что ни для кого в нашей стране нет секрета в том, что режим не допустит занятой поста руководителя Москвы кем бы то ни было, кроме своего назначенца, а объявленные режимным избиркомом результаты ^удут использованы для политической дискредитации российской оппозиции.

Это была бы правовая ошибка, потому что означала бы, что своим участием в этой спецоперации участники и активисты общегражданского движения легитимизируют и неправомерные методы организации и проведения выборов (например, т.н. муниципальные фильтры), и сам режим.

Это была бы моральная ошибка, потому что участие в такой спецоперации со стороны известных представителей гражданского общества в очередной раз означало бы попытку внушить российским гражданам идею об этой возможности сотрудничества с режимом...

^значает ли бойкот... отказ российских граждан, живущих в Москве, от участия в судьбе своего города?

ронников, чтобы быть замеченной?

Андрей Илларионов: Разные проблемы имеют разный срок решения и разные временные потолки, для того чтобы та или иная группа людей приняла ту или иную точку зрения как нормальную. Позиция неучастия (это более точное слово, чем бойкот) в выборах (парламентских, президентских, губернаторских) — вообще в выборах — мной пропагандировалась с 2007 года. Я, собственно, и уходил в 2005 году из администрации президента, поняв для себя, что вести какие-либо дела с этим государством невозможно. Ни по моральным, ни по правовым, ни по политическим причинам. За неучастие я агитировал в 2007 году перед выборами в Государственную думу, в 2008 году перед президентскими выборами, в 2011 году перед следующими выборами в Госдуму, в 2012 году перед следующими выборами президента.

Л.Т.: Какой смысл выступать с одной и той же идеей, которая не находит общественной поддержки?

А.И.: Мы видим, что количество людей, которые начинают разделять эту точку зрения, растет.

Л.Т.: Допустим, на этот раз вас поддержит значительное число людей. Но это ведь не может помешать победе Сергея Собянина. Порога явки на выборах больше нет.

А.И.: Позволю себе воспользоваться историческим примером. Махатма Ганди

в свое время провозгласил кампанию несотрудничества с британскими оккупационными властями — это было в начале XX века. А независимость Индия получила только в 1947 году. Потребовались не годы — десятилетия, чтобы убедить индийцев в том, что с колониальной администрацией сотрудничать нельзя. У них своя свадьба, у нас своя. Мы выстраиваем новую систему. Новую систему — не власти, но права. Вот то, что нужно и нам.

Л.Т.: Что за параллельная политическая реальность?

А.И.: Мы предлагаем, чтобы москвичи, как и жители любого другого города или любой другой местности нашей страны, принимали участие в выборах, но только в других — в честных, свободных, демократических, открытых. Избирали, к примеру, органы городского самоуправления. Рано или поздно этот инициированный снизу процесс дойдет и до выборов федеральных органов власти. Первый опыт такого рода реальных выборов уже есть — это голосование за Координационный совет оппозиции.

Л.Т.: Почему же первый? Такие выборы были в России в те годы, которые теперь называют «лихими девяностыми».

А.И.: Да, такие выборы были, и мы знаем, что произошло с теми органами власти, которые были соответствующим образом избраны. Один из них расстреляли из танков, другие распустили. В том числе и Московский городской совет, и Петербургский городской совет. Проблема в том, что у нас на протяжении десятилетий не было традиции избрания людей в те или иные органы. Если вы думаете, что с первого раза это может получиться, вы ошибаетесь. Германия в течение тысячи лет избирала рейхстаг. Сначала это были не полностью демократические, а многоступенчатые выборы, и только в середине XIX века им на смену пришли прямые. Это длительный процесс обучения общества избирательным технологиям, а также контролю за избранными во власть людьми.

Л.Т.: Как только мы начинаем говорить о демократии в России, тут же находится человек, который говорит: не торопитесь, не форсируйте, газон надо подстригать триста лет. При этом совершенно не имеет значения, к какому лагерю принадлежит собеседник — к власти или к оппозиции. Вы не боитесь, что под эти разговоры в обществе образуется критическая масса людей, которые не хотят ждать ни триста лет, ни три года?

А.И.: Я не говорил о 300 годах... В Индии, кстати, это произошло гораздо быстрее. Зачем же нам повторять тысячелетний британский или германский опыт? Мне кажется, российские граждане могут сделать это гораздо быстрее. Тем более, как вы справедливо заметили, у нас уже был пусть краткосрочный, пусть не всегда успешный, но опыт начала 1990-х годов. У нас сейчас есть опыт Коорди-

национного совета, причем опыт КС — это выборы органа, который не обладает реальной государственной властью.

Л.Т.: В этом, на мой взгляд, как раз и ущербность вашего примера. В своем заявлении вы также призываете формировать некие органы, у которых никакой власти не будет.

А.И.: Пока нет. Еще раз говорю, надо учиться быть избирателями и надо учиться быть избираемыми. Например, опыт КС, с моей точки зрения, исключительно полезный. Можно просто писать учебник...

Л.Т.: Полезный для кого?

А.И.: Для нашего общества.

Л.Т.: Общество понятия не имеет, что такое ваш Координационный совет.

А.И.: Вот поэтому надо писать и говорить о том, что было сделано правильно, что неправильно, какие ошибки были совершены, кто работает в КС, кто не

работает, кто делает только публичные политические заявления, а кто, что называется, пашет. Сотрудничество, совместная работа людей с разными взглядами по разным вопросам — это очень непростое дело. В цивилизованных странах избирают всех, кого только можно: парламент, президента, представителей местных органов власти, церковную общину, наблюдательный совет в своей школе и так далее. То есть вся общественная ткань пронизана выборами. Нам надо этому учиться. Поэтому мой совет — сократить этот срок. Способ один: раньше начать.

Л.Т.: Мне кажется, вы рисуете модель, не имеющую никакого отношения к реальной политической действительности, в которой разворачивается избирательная кампания. Я даже готова согласиться, что это полезный тренинг. Но не более.

А.И.: Вы сказали: «избирательная кампания». А я говорю: спецоперация под названием «избирательная кампания». Люди, которые проводят спецоперацию — умные, грамотные, талантливые и в меру (и даже не в меру) циничные, — поэтому придумать могут много всего интересного. Самое главное не то, как это будет проходить, а каким будет результат. Результатом будет то, что на посту мэра окажется лицо, которое сейчас исполняет обязанности мэра. Тогда зачем в этом участвовать? Чтобы согреться? Вариант, который предлагаем мы, заключается в том, чтобы если не сейчас, в 2013 году, то через какой-то промежуток времени нарастить ресурс, получить опыт формирования альтернативных органов — источников легитимности. А легитимность происходит от выборов, от тех выборов, с помощью которых те или иные люди получают под-

держку от своих сограждан. Без легитимности ни одно общественное и тем более политическое дело в стране невозможно. Мы предлагаем самый короткий, самый быстрый, самый эффективный способ создания альтернативной легитимности, а затем, даст бог, через некоторое время, если все будет благополучно, и альтернативной системы государственной власти.

Л.Т.: Ваша позиция радикально отличается от той, которую занимают Владимир Рыжков или, к примеру, Сергей Митрохин. Повторю тот вопрос, который уже задавала Рыжкову: есть ли шанс, что лидеры оппозиции выработают общую позицию и предложат ее избирателям?

А.И.: Я думаю, Владимир Рыжков со своими товарищами по партии в какой-то момент присоединится к нам. Их личный выбор, когда именно они это сделают. Но в том, что они рано или

поздно к нам присоединятся, у меня сомнений нет.

Л.Т.: А если до дня голосования этого не произойдет? Значит, оппозиционные избиратели опять будут путаться во множестве предложенных вариантов.

А.И.: Если они не присоединятся к нам в 2013 году, значит, присоединятся в 2014-м, не в 2014-м, так в 2015-м.

Если не Рыжков и не Илларионов, то что?

Людмила Тельне: Мне кажется, что вы оба рисуете идеальную модель, которую, по сути, сами считаете учебной. Только Владимир Рыжков предлагает учиться демократии в ходе реальных российских выборов, Андрей Илларионов — в ходе выборов альтернативных. Но результат на этом этапе будет одинаковым. Сергей Собянин получит пост мэра. Упорно предлагаете подстригать газон ради счастья будущих поколений?

Первый избранный мэр Москвы Гавриил Попов с первым избранным Президентом России Борисом Ельциным

Второй избранный мэр Москвы Юрий Лужков с дважды Президентом России Борисом Ельциным

ДМИТРИЙ АЗАРОВ/КОММЕРСАНТЪ

Управляемая демократия,

В КРЕМЛЕ ИДЕТ БОРЬБА МЕЖДУ РЕШЕНИЕМ ПРИВЛЕЧЬ МАССЫ К ВЛАСТИ И ЖЕЛАНИЕМ СДЕЛАТЬ ВЫБОРЫ КОСМЕТИЧЕСКОЙ ПРОЦЕДУРОЙ

■ **Гавриил ПОПОВ,**
экс-мэр Москвы

Сам факт введения прямых выборов глав исполнительной власти гражданами означает не просто восстановление одной из базисных основ демократии. Согласие на выборы означает полное поражение того, что вот уже более десяти лет внедряли в России в качестве системы «управляемой демократии».

Назначенцы Кремля и Белого дома чуть ли не все оказались хуже своих избравшихся предшественников. Единственное, что у них получилось — стоять смиренно перед Кремлем и Белым домом. А дела в России не улучшились.

И президент Путин принял, на мой взгляд, историческое решение — восстановить прямые выборы. В истории и России, и мира такого рода обращения к мнению населения всегда означали две вещи. Во-первых, признание властью своей неспособности собственными силами успеш-

но руководить страной. И во-вторых, решение власти обратиться за помощью к своим гражданам.

То, что Путин решил опереться на мнение граждан, то, что мэр столицы Сергей Собянин сразу же начал выполнять это решение, — говорит о многом. В руководстве России победили не сторонники закручивания гаек, надутые и самоуверенные специалисты по изменению часовых поясов, а те, кто видит перспективу в сотрудничестве с народными массами.

Это решение — похоронный колокольный звон по управляемой демократии и — не исключено — по всему тому российскому варианту номенклатурно-олигархического постиндустриального строя, который нам по советам Запада и российских сторонников Запада в лице Гайдара и прочих навязал Ельцин в конце 1991 года.

В чем-то ситуация напоминает 1988 год, когда Горбачев принял такое же решение: обратиться к голосованию народа.

Теперь главное в другом: захочет ли народ принять протянутую ему Кремлем руку? Поверит ли он в искренность Кремля? Пойдет ли на совместную работу с ним?

Это сейчас главное. Тем более что номенклатура постаралась обставить свои согласия на выборы кучей условий, ограничений, согласований.

Выборы мэра могут проходить в двух вариантах. Первый: когда дела идут. Я бы применил такой образ: поезд идет и надо пододвигать хорошего машиниста. Второй: когда главная проблема не в мэре, каким бы талантливым он ни был, а в самой системе управления городом и — шире — в самой системе страны.

Когда я избирался сначала председателем Моссовета, в 1990 году, а затем мэром, в 1991 году, была вторая ситуация.

Сейчас, судя по всему, власти хотят убедить москвичей, что в городе первая ситуация. Все в основном хорошо идет, надо дать

больше власти и полномочий главе города.

Я с этим не согласен. Иди все хорошо в стране и в городе — нынешнее голосование Кремлю было бы не нужно. Разве что в качестве косметических добавок.

Я склонен думать, что в Кремле все еще идет борьба между решением привлечь массы к власти и этим укрепить власть и желанием сделать выборы косметической процедурой.

На мой взгляд, есть несколько фундаментальных столичных проблем, которые требуют не косметических, а глубоких мер.

Первая проблема. Сделать демократов и москвичей хребтом городского управления. Сейчас все захватили бюрократы. Даже после выкупа приватизированных квартир москвичи стали объектом манипуляций «управляющих компаний». Вы подумайте, слово-то какое — «управляющая». Не обслуживающая, не нанятая, а управляющая.

Основа любой демократии — это мировой опыт —

ее низовое, первичное звено. Его в Москве нет.

Надо создать демократическую основу городской власти. Домовые комитеты. Уличные комитеты. Комитеты площадей. Комитеты кварталов. Комитеты микрорайонов. Депутаты будут совмещать свои главные занятия с депутатством. А для всех «аппаратчиков» ввести предельный срок работы на этом уровне в два года.

На базе такой демократии можно будет на 50% сократить число бюрократов.

Вторая проблема. Интеллектуализация города. Лицом Москвы должна быть ее интеллигенция, а не гастарбайтеры, лимитчики, строители, чиновники.

Для привлечения интеллигенции в Москву со всей страны и мира надо продавать ей жилье по ссудности, в кредит с длительной рассрочкой. А заслуженным врачам, учителям, ученым, артистам, спортсменам — вообще с большими скидками, а то и бесплатно. И не просто жилье — а коттеджи с участками земли.

Андрей Илларионов: Мы уже вспоминали историю Индии, там и тогда никто не знал, сколько времени займет процесс создания легитимной политической альтернативы, но они его начали. Чем раньше начнем, тем скорее получим результат. Просто не надо играть в наперстки с наперсточниками. То, что предлагается сейчас под названием выборов мэра Москвы, — это как раз такая игра.

Владимир Рыжков: Я согласен с Андреем в том, что нужно наращивать силы. Вопрос — как. Как из царства рабства перепрыгнуть в царство свободы? Была попытка сделать то, о чем говорит Андрей Илларионов, — выборгское воззвание после разгона I Думы в 1906 году. Царь распустил Думу, депутаты поехали в Выборг и оттуда призвали народ не платить налоги, не направлять рекрутов в армию, не подчиняться нелегитимному царскому режиму. В ито-

ге за ними не пошел никто. Кончилось это все пшиком. Вопрос в том, Андрей, готова ли страна к тому, что вы предлагаете. Я уверен, что нет. Чтобы из царства рабства перепрыгнуть в царство свободы, надо много работать. Надо, как я, ездить каждые выходные в регионы. Надо встречаться с людьми, надо искать сторонников, строить партию, побеждать на выборах, выдвигать кандидатов, вести огромную работу на земле и тем самым накапливать ресурсы, строить коалиции. Надо учиться объединяться, договариваться, выдвигать программы, подбирать людей. Андрей, я буду очень рад, если за вами пойдет вся Россия. А если не пойдет? Вы описываете фантастический сценарий: вот сейчас за Андреем Илларионовым встанет 100 миллионов человек, они перестанут платить налоги и посылать детей в армию. Вы верите в это?

А.И.: Я такого не говорил.

В.Р.: Вы предлагаете ждать, пока накопятся силы. А я говорю: давайте бороться сейчас!

А.И.: Я не предлагал — и это очень важно — не платить налоги или не отдавать детей в армию. Я предложил только одно: формировать органы, избираемые гражданами, которые заинтересованы в ином, свободном будущем нашей страны. Много из того, что вы говорите, можно и нужно делать — обращаться к сторонникам, создавать разные структуры, писать программы... Чего не нужно делать — так это играть в наперстки с наперсточниками. Не надо участвовать в фальсифицированных спецоперациях, которые называются выборами — мэра, Госдумы, президента.

В.Р.: На самом деле никто не мешает Андрею Николаевичу Илларионову и его единомышленникам избирать Координационный совет Москвы или

альтернативные местные советы.... Вперед, Андрей Николаевич! Но, с моей точки зрения, борьба на реальных региональных и местных выборах, которые позволяют обеспечить наше представительство в органах власти, — более эффективный путь. Я верю в то, что через строительство партий, коалиций, выдвижение людей, получение представительства в органах власти можно наращивать ресурс перемен. Как, впрочем, и через наблюдателей, через ловлю фальсификаторов, через суды... Это, как показал 2011 год, гораздо более эффективная вещь, чем то, что вы предлагаете. Вы предлагаете фактически не использовать парламентские методы борьбы за свободу. В этом наше расхождение. Цель у нас одна, мы просто расходимся в методах работы.

А.И.: У нас разные цели, и у нас два принципиальных различия.

В.Р.: Моя цель — демократия, правовое государство, свобода, права человека.

А.И.: У нас два принципиальных различия. Первое: вы передергиваете, я — нет. Потому что я никогда не говорил о том, что не надо быть наблюдателями на фальсифицированных выборах. Я никогда не говорил, что не надо участвовать в судах по расследованию фальсификаций. Конечно, это нужно делать. Мы говорим о неучастии в тех спецоперациях, которые называют выборами. И второе наше принципиальное различие. Вы готовы участвовать в этой фальсифицированной системе государственной власти, а мы — нет.

■

*Полная видеоверсия беседы —
на портале OnlineTV.ru*

Трижды избранный мэр Москвы Юрий Лужков с дважды Президентом России Владимиром Путиным

Назначенный мэр Москвы Сергей Собянин с трижды Президентом России Владимиром Путиным

ДМИТРИ АЗАРОВ/КОМЕРСАНТЪ

Время хоронить

Будущее Москвы, ее авторитет в стране, ее роль целиком зависят от превращения Москвы в город интеллектуалов.

Третья проблема. Проведение второго тура «раскулачивания» бюрократии. Первым была приватизация экономики и жилья. Вторым должна стать приватизация здравоохранения, образования, спорта, культуры и науки.

Нас бюрократия сознательно обманывает и запугивает. Она говорит о жестком выборе: или бесплатное (с нами, бюрократами), или без нас, но тогда платите за все — за детский сад, школу, поликлинику и т.д.

Такой альтернативы нет. Можно и нужно и бесплатно сохранить, и от бюрократии в качестве начальства и посредника избавиться.

У вас есть ребенок. Вы получаете талон на оплату его образования. Вы затем сами выбираете частную школу. Если хотите — ту, где требуется доплата к сумме талона. Школа будет зависеть только от денег родителей. И вопросы учебников по истории, и вопросы уроков по религии она решит сама, вместе с родителями.

За разгосударствлением экономики в России должно пройти разгосударствление всей неприводственной сферы. Бюрократия должна быть из нее изгнана. Тогда появится в России свободный средний класс.

Меня иногда упрекали в том, что в 1991 году я пошел на популистский шаг: сразу после победы на выборах отменил для пенсионеров плату за проезд на городском транспорте.

Это не популизм. Популизм — это забота о собственном авторитете. Когда лидеры катаются на горных лыжах, недоступных 99% граждан, — это популизм. А когда лидеры пересаживаются на вертолеты, это уже забота не о себе, а о миллионах граждан в автомобильных пробках, это уже социальная акция.

Отмена платы за проезд в 1991 году была именно социальным актом.

Я — человек не марксистско-ленинской, но все же по преимуществу социалистической идеологии, близок к социал-демократии. Я понимал, сколько бед принесет выход из бюрократического социализма неготовым к этому милли-

онам граждан. Пусть даже лично виноватым в том, что советский социализм сохранился десятилетия. Особенно будет трудно пенсионерам и тем, кто не сможет воспользоваться возможностями нового строя по возрасту.

И я искал пути облегчения их судьбы. Отмена платы за проезд — одна из мер. Был у меня и проект возмещения гражданам их денежных вкладов, «сгоревших» в Сбербанке, путем предоставления участков земли возле города или пакетов акций добывающих нефть и газ компаний.

Ну а что бы я сделал сейчас? Я бы отменил подоходный налог со всех, кто получает зарплату из бюджета: учителей, врачей, служащих, даже депутатов. Зачем перекладывать деньги: брать у людей и им же платить зарплату?!

Как я бы это сделал? Это мой секрет. В 1991 году мое предложение об отмене платы за проезд показало невозможным. Через пару дней Юрий Михайлович Лужков, тогда мой зам, сказал, что решение вырисовывается. А еще через пару дней он уже твердо заявил: получится. Вот и сейчас с махинацией

бюрократии — обирать тех, кому она же платит, — логично покончить.

Есть еще ряд важных проблем.

Превращение Москвы в электронный город, в котором на работу надо будет ездить пару раз в неделю. В котором покупки совершаются по Интернету.

Переселение москвичей, особенно пожилых, в благоустроенные коттеджные поселки с небольшими участками земли.

Объединение города и области.

Перенос столицы из Москвы в особый центр России.

Выборы мэра надо превратить в голосование по выбору путей развития нашего мегаполиса.

Если граждане поверят, придут активно голосовать — с Москвы начнется эпоха совершенствования российского постиндустриализма.

Если же бюрократия превратит выборы в косметическую процедуру, в России будет то же, что происходит в мире. Мы видим антиглобалистов. Антифинансистов. Антиевропейцев. Сторонников «исламской весны».

При всех их невероятных различиях у них есть одно общее — неприятие нынешнего общества. Шире — всей нынешней цивилизации.

И судя по 30% голосов, собранных «анти» на выборах в Италии, судя по победе на выборах мэра Рима — кандидата этих «анти», уже есть основания предположить, что в XXI веке главным станет не переход к развитому постиндустриализму, а такой же отказ от всей нынешней цивилизации, какой имел место в первой четверти XX века, когда сотни миллионов в России, Германии, Италии, Китае избирали государственно-бюрократический социализм. Переход или мирный, или — как предсказывал Элвин Тоффлер — XXI век станет веком антибюрократических революций.

Я как раз сейчас работаю над книгой, в которой рассматриваю обе перспективы: перспективу совершенствования постиндустриального строя и перспективу альтернативной цивилизации. Это будет десятая книга серии «Мне на шею кидается век-волкодав».

■

«...читать эти материалы вы можете на новом сайте газеты «Совершенно секретно» www.sovsekretno.ru»

■ Владимир АБАРИНОВ,
США

Скромно приняв аплодисменты, которыми наградили его члены Конгресса и публика в зале, комиссар полиции Бостона Эдвард Дэвис рассказал, как героически вели себя после взрывов 15 апреля жители города и как отлично взаимодействовали между собой специальные ведомства.

Но законодателей интересовало не то, что было после, а что было до. Именно с этой целью председатель Комитета нижней палаты по делам внутренней безопасности республиканец Майкл Маккол созвал публичные слушания.

Дэвис говорил, что выводы делать преждевременно: — Все, что мы сделали, должно быть проанализировано, чтобы это не повторилось. И мы находимся в процессе такого анализа.

ин кабинета поблагодарил гостя за помощь в расследовании теракта в Бостоне.

Пресс-служба МВД РФ этот факт подтверждает. Не совсем понятно, почему за информацию, исходившую от ФСБ, Холдер благодарит МВД, но дело, в конце концов, не в этом. А в том, что Россия на самом деле скрыла от США ключевой элемент этой информации.

О чем, собственно, Москва предупреждала Вашингтон?

Сведения о Тамерлане Царнаеве были почерпнуты из телефонного разговора матери братьев Царнаевых Зубейдат с неустановленным лицом в 2011 году, из которого был сделан вывод, что Тамерлан Царнаев «в корне изменился» и едет в Россию, чтобы установить связи с вооруженным подпольем. Почему прослушивался телефон Зубейдат Царнаевой, из предупреждения ФСБ было не понятно.

Зубейдат Царнаева могла знать, что Тамерлан едет в Россию, чтобы установить связь с радикальным подпольем

Братья Царнаевы: к террористической атаке все готово

Однако Маккол стоял на своем:

— Вот уже более десяти лет мы знаем, как опасно не уметь соединять разрозненные фрагменты информации. Краеугольный камень отчета независимой комиссии по 11 сентября — вывод о том, что спецслужбы не координируют свои действия, тем самым не позволяя нам увидеть зреющие террористические заговоры.

В числе прочих вопросов, которые задаются после теракта в Бостоне, и такой: как получилось, что ФБР и другие спецслужбы США не вняли предупреждению Москвы, которое, судя по официальной информации, последовало?

Напомню, 22 мая министр юстиции США Эрик Холдер встретился в своем washingtonском офисе с министром внутренних дел России Владимиром Колокольцевым. Как сообщает отдел Минюста по связям с общественностью, хозя-

ин кабинета поблагодарил гостя за помощь в расследовании теракта в Бостоне. Подробности о российском предупреждении сообщила, со ссылкой на неназванных должностных лиц, знакомых с материалами расследования, Wall Street Journal в номере от 10 мая.

Первое послание ФСБ пришло 4 марта 2011 года. Из Вашингтона его переслали в Бостон, где сотрудник местного офиса межведомственной оперативной группы по контртерроризму внес имя Тамерлана Царнаева в базу данных. Сообщение о Царнаеве было одним из тысячи аналогичных предупреждений, полученных бостонским офисом в течение 2011 года. Царнаевым, однако, заинтересова-

лись, поскольку он имел законный вид на жительство в США. Через пять дней ФБР запросило дополнительные детали, но никакого ответа из Москвы не получило.

— Существует определенная процедура обработки таких предупреждений, — объяснил мне сотрудник ФБР, просивший не называть его имя. — Агенты местного офиса бюро проверяют круг знакомств указанного лица, выясняют, не числится ли за ним правонарушений, предлагают ему — в сугубо добровольном, подчеркиваю, порядке — встретиться, ни в коем случае не для допроса, а для беседы. Беседа с Тамерла-

ном Царнаевым состоялась, ничего подозрительного не обнаружилось, и спустя три месяца, согласно служебной инструкции, дело было закрыто.

Но ФБР на этом не успокоилось. 8 августа 2011 года оно направило в Москву повторный запрос о Царнаеве, но и на этот раз ответом было молчание. Вместо ответа в конце сентября ФСБ послало предупреждение о Царнаеве ЦРУ. Но ЦРУ не работает на американской территории. Послание ФСБ было передано туда же, куда и предыдущее, — в ФБР. Круг замкнулся. 7 октября ФБР снова попыталось счастья и направило ФСБ

третью просьбу о подробностях, но Лубянка снова промолчала.

Тем не менее имя Тамерлана Царнаева осталось в контрольном списке. Когда он 12 января 2012 года заказал в «Аэрофлоте» билет в Россию, «красный флажок» сработал, но сотрудник Таможенной и пограничной службы США в Бостоне решил, что коль скоро Царнаев благополучно прошел проверку, то и беспокоиться не о чем. Никому другому в межведомственной группе он об этом не сказал.

— Комиссар Дэвис, — спросил бостонского полицмейстера конгрессмен Маккол, — если бы у вас была более подробная информация до взрывов, вы и подчиненные вам полицейские силы сделали бы что-то иначе?

— Это очень трудно сказать, — ответил Дэвис. — Мы, конечно, изучили бы информацию, поговорили бы с данным лицом. Насколько мне известно, ФБР сделало это и закрыло дело. Не могу утверждать, что я пришел бы к иному выводу на основании имевшихся тогда сведений.

Как выясняется теперь, Москва утаила от Вашингтона, что подозрения в отношении Царнаева были основаны на текстовых сообщениях, которыми Зубейдат Царнаева общалась с одним из своих родственников. Из них явствовало, что Тамерлан едет на Северный Кавказ, чтобы вступить в ряды радикальных группировок.

Почему ФСБ не стала вдаваться в эти детали? Все дело в специфике и своеобразной парадоксальности взаимоотношений ведомств двух стран: ФСБ ловит американских шпионов в России, ФБР — российских в Америке. Доверия они друг к другу не питают. Да и без шпионов взаимной подозрительности хватает. Майкл ди Преторо, бывший сотрудник контрразведки, а ныне специалист по корпоративной и финансовой безопасности, летом 1994 года прибыл в Россию, чтобы открыть в американском посольстве представительство ФБР.

Чеченизация Америки

ПОЧЕМУ ФСБ ПЕРЕДАЛО ФБР НЕ ВСЮ ИНФОРМАЦИЮ, КОТОРОЙ РАСПОЛАГАЛО?

По этому случаю в Москву тогда приезжала делегация правоохранительных органов США во главе с директором ФБР Луисом Фри. Он заявлял о том, что цель представительства — координация борьбы с организованной международной преступностью.

ФБР, по словам ди Преторо, беспокоила в первую очередь возможная утечка расщепляющихся материалов. Едва он подписал соглашение о сотрудничестве с МВД, как спустя считанные минуты ему позвонили с аналогичным предложением из ФСБ. «Мы полагаем, что сфера, где мы могли бы работать сообща, — контр-

терроризм», — сказали на том конце провода.

К концу года сотрудничество наладилось: ди Преторо раз в неделю встречался с представителем МВД и раз в две-три недели — с представителем ФСБ. Одним из результатов был, например, арест в 1995 году на Британских островах при пересадке с одного рейса на другой питерского хакера Владимира Левина, ограбившего американский «Ситибанк».

Но с контртерроризмом дело на лад никак не шло: американскую сторону интересовала прежде всего «Аль-Каида», российскую — чеченские сепаратисты. Однако ФБР, признается ди Преторо, избегало втягивания в чеченскую проблематику, если она никоим образом не касалась США.

В случае с Тамерланом Царнаевым связь была налицо, но тут уже Москва не пожелала делиться сведениями. Эксперты в таких случаях обычно говорят, что спецслужбы не любят раскрывать свои источники и методы работы. Даже собственным лидерам они стараются не давать детальной информации, поскольку политики ради красного словца «не пожалеют и отца». Джеймс Бэмфорд, автор единственной в своем роде книги об Агентстве национальной безопасности США (АНБ) «Ведомство секретов», говорил мне, что электронная разведка США прослушивала спутниковый телефон Усамы бен Ладена, подключенный к системе ИНМАРСАТ, которая передает и получает сигналы через спутник, принадлежащий Международной организации морской спутниковой связи. Но потом потеряла его.

— Он явно выяснил, что его международные переговоры по спутниковому телефону прослушиваются, и поэтому решил просто больше им не пользоваться, — сказал Бэмфорд. — В результате АНБ полностью потеряло его след и не знало, где он находится, до самого момента терактов 11 сентября.

— Есть версия, что Усама бен Ладен перестал пользоваться спутниковым телефоном после того, как узнал, что именно из-за такого телефона был в 1996 году убит Джохар Дудаев — сигнал запеленговали и направили в цель самонаводящиеся ракеты. Это так?

— Конечно, это могло быть фактором, — согласился Джеймс Бэмфорд. — Он понял, что может случиться. Я уверен, что это заставило его беспокоиться.

Как признаются Wall Street Journal собеседники издания в американских спецслужбах, информацию, раскрывающую источники и методы, не стали бы передавать Москве и они.

— Поскольку Царнаевы не жили в Российской Федерации, они в Россию-то приехали из Киргизии и здесь появлялись эпизодически, а жили в основном в США, то российские спецслужбы, к нашему большому сожалению, не могли предоставить нашим американским коллегам информацию,

которая имела бы оперативное значение, — так президент Путин объяснил нехватку информации о бостонских бомбистах.

Но журналисты еженедельника Time, отправившись в Дагестан, нашли такую информацию. Она лежала просто на поверхности. В Дагестане действует организация «Союз справедливых», лидер которой Магомед Карташов — дальний родственник Царнаевых. Бывший милиционер Карташов, пишет Time, занимает умеренные позиции «в ультраконсервативных салафитских кругах Дагестана». Его «Союз» занимается организацией акций протеста против произвола правоохранительных органов. Об этом произволе много говорит сам Карташов в своих публичных обращениях. Но все мероприятия проходят под лозунгом возвращения к исламским ценностям. Будучи в Дагестане, Царнаев не раз встречался с Карташовым и посещал собрания его «Союза».

Видимо, со слов представителей дагестанских властей Time утверждает, что «Союз справедливых» идеологически идентичен организации «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами», которая запрещена в России постановлением Верховного суда, однако Европейский суд по правам человека недавно принял к рассмотрению жалобу на неправомочность этого решения.

27 апреля 2013 года Карташов был задержан на трассе Махачкала — Кизляр в составе свадебного кортежа, украшенного исламскими знаменами. По мнению дагестанской полиции, свадьба была не чем иным, как несанкционированной акцией запрещенной организации. В июне Карташов все еще оставался под стражей. По словам его адвоката Патимат Абдуллаевой, 5 мая следователи центрального аппарата ФСБ допрашивали его о деталях его взаимоотношений с Тамерланом Царнаевым. Судя по всему, это было сделано по просьбе ФБР. Не исключено, что и задержали Карташова по настоянию Вашингтона.

А может статься, что дагестанские власти просто

сводят счеты с Карташовым при помощи бостонской истории. Во всяком случае, и он сам, и его соратники в один голос утверждают, что не они Царнаева, а Царнаев их «толкали к экстремизму».

Но существует и другая линия расследования. Как писали российские СМИ, ссылаясь на свои источники в дагестанском Центре по борьбе с экстремизмом, Тамерлан Царнаев впервые оказался под подозрением в декабре 2010 года, когда в республике был задержан гражданин Канады, уроженец России Вильям Плотников. Плотникова допросили на предмет его общения с радикальными исламистами, живущими на Западе. Он и назвал Царнаева в числе тех, с кем он свел знакомство через социальные сети определенной направленности.

В апреле прошлого года Тамерлана Царнаева видели

забыла о существовании Чечни и теперь заново открывает проблему. Конгрессмен-республиканец Дэн Рорабакер провел в Конгрессе слушание о чеченской угрозе. Открывая его, он сказал, что с Северного Кавказа исходит несомненная опасность для Соединенных Штатов:

— Истоки теракта в Бостоне привлекли внимание к региону, который изучен далеко не так, как он того заслуживает. Братья-террористы имели корни в Чечне, хотя они выросли в Америке и стремились получить американское гражданство... Есть данные о том, что чеченцы воюют в Афганистане против сил США и НАТО, и о чеченских сообществах в Европе. «Аль-Каида» сделала вербовку чеченцев своим приоритетом, и считается, что некоторые из них проходили подготовку в Пакистане.

планированием, координацией или финансированием терактов в Бостоне. Доку Умаров... подчеркнул, что его организация не состоит в конфликте с Соединенными Штатами.

Другой эксперт, профессор Университета Южной Калифорнии Эрролл Саутерс, тоже выражался осторожно и уверял, что братья Царнаевы — террористы «домашнего» происхождения:

— Взрывы на бостонском марафоне осуществлены террористами, выросшими на расстоянии нескольких миль от места трагедии, которую они учинили. Они были местными жителями, здесь они учились и работали. По этой причине они хорошо знали обстановку события, которое избрали мишенью. Им не требовалась подготовка для изучения места будущего теракта и предпринимаемых там мер безопасности. Говоря по-

Среди вопросов, которые задаются после теракта в Бостоне, и такой: как получилось, что ФБР и другие спецслужбы США не вняли предупреждению Москвы, которое, судя по официальной информации, последовало?

в обществе Махмуда Нидала, которого считали вербовщиком вооруженного подполья. В мае Нидал был убит в ходе спецоперации в Махачкале. А еще через два месяца среди убитых в другой спецоперации обнаружился и труп Плотникова.

Именно из-за связи Царнаева с Нидалем и Плотниковым телефон его матери был поставлен на прослушку. О содержании ее эсэмэсок в Бостоне узнали лишь через неделю после взрывов.

Джохар Царнаев оправился от ран, недавно говорил по телефону с матерью и сказал ей, что у него «все хорошо», на обед принесли курицу с рисом. Он продолжает утверждать, что никаких связей с террористическими организациями у него и брата не было, что действовали они по собственному почину. Следствие, судя по всему, не может доказать обратное.

Одно несомненно: взрывы в Бостоне произвели сдвиг в общественном мнении Америки. Она уже

тщетно приглашенные на слушание эксперты убеждали его в обратном.

Профессор Университета штата Джорджия Крейг Альберт, подробнейшим образом осветив историю возникновения и политику «Имарат Кавказ» во главе с Доку Умаровым, говорил, что его связь с «Аль-Каидой», если она и есть, не носит систематического характера.

— Внутри Чечни и окружающего ее кавказского региона, — утверждал профессор, — имеются исламистские элементы, однако их связь с какой-либо более крупной, глобальной джихадистской сетью остается под вопросом... Нападение «Имарат Кавказ» или каких-либо других чеченских или кавказских группировок на территорию США крайне маловероятно. Чеченцы, как правило, не интересуются Соединенными Штатами... Руководство «Имарат Кавказ» уже заявило, что не имеет ничего общего с

просту, Тамерлан и Джохар Царнаевы — наши собственные воинствующие экстремисты, а потому Бостон теперь вошел в братство городов мира, переживших теракты, замышлявшие и осуществленные их собственными жителями.

Но законодателям и публике трудно смириться с этой мыслью. До сих пор исламские террористы прибывали в США извне или по крайней мере проходили индоктринацию за пределами страны. Поэтому и сейчас следствие рьяно ищет корни бостонского теракта на Северном Кавказе и в чеченской общине США, а делегация Конгресса во главе с Рорабакером побывала в России. Американские законодатели встречались с сотрудниками ФСБ и видели оригинал послания этого ведомства ФБР, но ничего нового о связях Царнаевых с чеченским подпольем сообщить не смогли.

Тем не менее Рорабакер, известный своими симпатиями к путинскому режиму, остался при своем мнении: радикальные исламисты, мол, «взяли за глотку» обе страны, а потому спецслужбам надо укрепить сотрудничество. А другой член делегации, республиканец Стив Кинг, заявил, что, по его мнению, Тамерлан Царнаев приехал в 2003 году в США уже законченным террористом.

Кроме Москвы, делегация побывала в Беслане. Эту поездку организовал Стивен Сигал, большой друг Рамзана Кадырова.

Пока рано говорить о пересмотре позиции Вашингтона в отношении Чечни. Однако в Конгрессе уже звучат настоячивые призывы поддержать Россию в ее политике «чеченизации» конфликта. И на вызы беженцев чеченцам теперь рассчитывать не приходится.

Бостон: на месте теракта

«... дить этот материал вы можете на новом сайте газеты «Совершенно секретно» www.sovsekretno.ru»

Саид Амиров как образ жизни

КАЖДЫЙ, КТО СТАНОВИЛСЯ ПРЕЗИДЕНТОМ ДАГЕСТАНА, ОТПРАВЛЯЛ В МОСКВУ ПРОСЬБУ ИЗБАВИТЬ ЕГО ОТ МЭРА МАХАЧКАЛЫ. ДО ПОСЛЕДНЕГО ВРЕМЕНИ — БЕЗУСПЕШНО

■ **Вадим ДУБНОВ**

За год до того, как на центральной площади Махачкалы приземлился и почти сразу взлетел вертолет с мэром Махачкалы Саидом Амировым на борту, он в своем кабинете со всей возможной увлеченностью рассказывал про «Лазурный берег». Город, который, конечно, должен был называться именно и только так, готовился раскинуться между Махачкалой и превращающимся в ее город-спутник Каспийском. 15 отелей, пляжи на 10 с лишним тысяч человек, 80 тысяч населения — все говорило о том, что у мэра в запасе вечность.

«Лазурный берег» должен был увенчать эту удивительную судьбу, вырасти из необузданного прошлого, в котором для того, чтобы победить, каждому уважающему себя соискателю требовалась небольшая, но преданная армия, и у Амирова она была. За год до вертолета Амиров будто смирил бывшие амбиции и мои воспоминания о тех временах выслушивал с улыбкой мудрого правителя, приятно удивляющегося своему хулиганскому детству. И с той же улыбкой, когда речь пошла о людях, которые по первому зову могли прийти на площадь, он меня мягко прервал. «Почему — могли? Они и сейчас могут...»

Вертолет улетел. Люди не пришли.

Цена смирения

Рассказывают, что однажды Амирову, который с 17 лет трудился заготовителем, чабаны, взяв с него немалые по советским меркам деньги, дали мокрую шерсть. Так у Амирова появился заготовительский опыт, а у чабанов — чабанский: после того, как запылала кошара, с Амировым так никто больше не шутил.

Те 1990-е, которые для кого-то стали лихими, для Амирова начались еще в 1970-х, в степи. Поэтому к 1990-м он успел стать одним из тех, кто был к ним готов лучше других. Особенно в Дагестане. В Дагестане все было без обиняков. И в Дагестане многое было впервые. Здесь в те времена небритые молодые люди, поглаживая ствол «калашникова», обиженно сетовали: почему авизо называют чеченскими, их наши ребята придумали! Это было чистой правдой, схемы, как прежде ислам, пришли в Чечню из Дагестана, который всегда для Северного Кавказа был сродни античным истокам для Европы.

В 1990-е в Дагестане все было так, как положено при конкуренции, только в абсолютно диком поле. Окраина империи, со случайно нарезанными границами, с четырьмя десятками народов — это только тех, которые официально признаны, еще

больше языков, без чувства общности, с единственным объединяющим началом: каждый хотел быть властью.

Власти хотел аварец Гаджи Махачев — тоже дитя 1960—1970-х, только, в отличие от Амирова, свое отсидевший уже тогда. В 1990-е он вошел со стартовым капиталом в виде приватизированной «Дагнефти». Но по тем временам этого было мало, и потому его начальственный кабинет был еще и штабом Народного фронта аварского народа имени Имама Шамиля — время требовало цветистости, особенно здесь.

Хотели власти лакцы — братья Хачилаевы, один даже был министром, и они тоже боролись за права лакского народа. Но ему не повезло: всех троих братьев отстреляли в той бесконечной перестрелке.

Хотел власти даргинец Амиров, но он не боролся за права даргинского народа. У власти и так вечно и незыблемо стоял даргинец Магомедали Магомедов, уходить он совершенно не собирался, и Амирову оставалось только смириться и ждать. И готовиться к тому моменту, когда ждать уже не придется. Он пришел в новую жизнь начальником «Дагпотребсоюза», заготовительская сеть стала его первой оргструктурой, которая ему потом очень пригодилась. А вскоре он стал мэром Махачкалы. Цену за свое смирение он требовал непомерную.

Может быть, потому ее все и платили.

Проспект имени убитого врага

Он был человеком номер два, и, чтобы укрепиться в ожидании решающего боя, расслабляться не приходилось, потому что люди номер три, четыре и так далее тоже были своего рода романтиками и мечтателями. Они тоже хотели быть первыми и знали правила расширения и защиты отвоєванного политического и экономического пространства. В 1996 году у входа в дагестанский Минфин взорвалась настолько напигигованная взрывчаткой вазовская «шестерка», что накрыло поднимавшегося по лестнице министра Гамида Гамидова. Кажется, Амиров и не собирался публично оспаривать версию своего участия — в Дагестане и до этого, и после едва ли не все убийства приписывались ему, и такую репутацию надо было заслужить. Но было в местных сюжетах что-то кинематографичное. Вскоре после убийства именем Гамидова был назван один из проспектов Махачкалы. В Хасавюрте именем Гамидова назван Дворец спорта, в Каспийске проходит турнир борцов в его честь. А министром финансов стал младший брат убитого.

Поговаривают, что все эти мероприятия и назначения были частью договоренно-

Нахим Шифрин: «Я близок

■ Юрий ВАСИЛЬЕВ

Цитата из блога Нахима Шифрина: «Иногда прямо хочется развестись со всю лентою. Бывают дни, когда она становится ни белой, ни черною, ни радужною, а линияю лентою из соломенной шляпки вечной бабушки, которая судачит на скамейке у подъезда. И что бы она делала без этого изверга из верхней квартиры, его брошенки, а главное, той б**и, из-за которой и случился весь сыр-бор...»

У Нахима Шифрина — почти десять тысяч постоянных подписчиков в Фейсбуке, статус «тысячника» в Живом Журнале. Читатели идут не только к артисту Ефиму Шифрину, но и к свободно мыслящему — и при этом неизменно интеллигентному — собеседнику. Даже когда те или иные события в окружающем мире вызывают у Шифрина прямое и явное отторжение.

Почему Нахим Шифрин не только не ведет Ефима Шифрина на площадь — но и всячески сторонится гражданского протеста? Разговор об этом не мог не начаться с профессии:

— Я всегда ставил себе тройку. За то, что никогда не сумел бы сыграть себя. Потом я ловил себя на мысли, что оценка остается неизменной — а остальные цифры, как на электронном табло, вдруг побежали! Возраст, например. А я даже не приблизился к себе. Мне никогда не нравился этот человек в зеркале — с моей внешностью, манерой говорить — всегда неполным звуком, всегда перемежая слова междометиями и долгими паузами. Но мне всегда везло на фриков — никто, никогда не предлагал мне сыграть обыкновенного человека.

Вот это моя стихия: когда я не я — да я горы сверну, я все про этих людей расскажу, я голос свой на пленке не узнаю! И тогда мой фирменный эстрадный звук моментально все забудут, и, если появится новый фрик, я им зажгусь. Влезу в него, как вирус. И начну им командовать.

Хуже другое: мой жанр отнял у меня право говорить о большом искусстве. О том, что читаю, слушаю или смотрю. Право, которым наделены все кто угодно, — и хрен всем в руки... то есть флаг. Прямо как в армейском анекдоте: вот вы сначала матом ругаетесь, а потом этими же руками за хлеб беретесь. Артистам легкого жанра, начиная с Тимати и кончая Пугачевой, заказано говорить о фестивальном кино и крутых инсталляциях. Ни-ни. Об этом может рядить только злая блогерша, которая в последний раз недолго жила в искусстве, прочитав на выпускном Эдуарда Асадова.

— Ну вы и как блогер можете.

— О да, в блогах я могу говорить о чем угодно, пока совпадает с этой блогершей. Скажите, есть ли еще слово «диссидент»?

— В активном словарном запасе — пожалуй, уже нет. Но все еще можно понять, о чем оно.

— Так вот... В ЖЖ и Фейсбуке принято, как лососю, плыть против течения — и в результате все плывут по течению. Это называется «новый мейнстрим». Общий стон, камлания, стенания про режим, «жизнь закончилась» — и это в нынешние-то тучные годы...

— Кому как, нет?

— Мне 57 лет. Что такое тощие годы, я очень хорошо знаю. У соседа есть настольный футбол, а у меня его не будет никогда. И так и не появилось. Где-то на просторах страны — мои тети, дяди и двоюродные братья, детям которых идут посылки с моими игрушками, цигейковой шубкой и валенками. Всю донашивали друг за другом. Я — от брата, Игорек — от меня, от Игорька уходило Толику... Путешествия цигейковой шубки по стране — это почище «Шапки» Войновича; это тянет на целый почтовый роман...

Читал сейчас дневники Аллы Демидовой — и вдруг меня гвоздем цапнуло вот это умильное интеллигентское свойство не замечать ничего советского в советском. Например, ей очень нравился вид из окна — пока кто-то не обратил ее внимания на то, что напротив был лозунг «Вперед, к победе коммунизма!». Для многих протестующих человек с такой позицией сейчас — не замечать этого дерьма, жить своей жизнью, своей работой — это хуже, чем пособник режима, это — враг.

В тощие годы такая позиция была принята всей интеллигенцией по умолчанию — иначе не будет тебе ни разрешенной фронды в Театре, ни залетных западных режиссеров, ни славы интеллектуалки в актерском цеху. Нарушится равновесие власти и обслуги элиты культурной.

— Хорошая оговорка, мне нравится.

— «Обслуживающая элита»... Нет, все же. Хотя мои самые первые впечатления от Таганки 1970-х: ровно полпартера — нужные врачи, директора универмагов, функционеры с проезда Серова — там, где был ЦК ВЛКСМ, партийные и советские чиновники. Нужные, полезные и облеченные властью люди — против которых, казалось бы, и боролся этот театр. И Александр Михайлович Вилькин читал им прямо в лицо эти страшные смелые строчки: «Уберите Ленина с денег!» Андрея Андреевича Вознесенского.

ПОПУЛЯРНЫЙ АРТИСТ. НЕ МЕНЕЕ ПОПУЛЯРНЫЙ БЛОГЕР. «ЧЕЛОВЕК С БОЛОТНОЙ» ПО ВСЕМ ПРИЗНАКАМ — ОПЫТ, МИРОВОЗЗРЕНИЕ, ДРУЗЬЯ. ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНЫЙ КРИТИК ПРОТЕСТНОГО ДВИЖЕНИЯ

К БЕГСТВУ ОТ СВОИХ»

В тощие годы я выступал в бесконечных НИИ — но нигде не видел такого количества неработающей публики, как сейчас. Армия Даш и Насть, вооруженных планшетами, айфонами — тут же отправляет файл по стрелочке: «Вам на емейл или сразу в Фейсбук?» Даши и Насти точно знают, где находится кнопочка, чтобы отвалилась третья ступень. А про устройство самой ракеты они не знают ничего. И вечером они занимают веранды и открытые пространства — где подают шампусик и суши — и тут же протестуют: сегодня в Фейсбуке или завтра — на площади! Сжимая древко от знамени, я должен идти с ними. Но... не сжимается и не идет.

— Чем объясняют это ваши читатели в социальных сетях?

— Что мною движет страх. Что я выжидаю, чтобы получить что-то от власти. Что я близок к Кремлю. Тут, кстати говоря, чистая правда: близок. От Котельнической набережной, где я живу, до Красной площади — рукой подать. Но там, внутри, я никого не знаю. Никому не представлен и их доверием вовсе не обременен. Я выпал даже из светского круга. А уж в кремлевской мышеловке никакого сыра для меня нет. Когда мне твердят про мой эскапизм, я начинаю понимать, что убегаю я не от Охотного Ряда, не от «черной сотни», как бы она сегодня ни называлась и за кем бы ни гналась. Я близок к бегству от тех, с кем я мог бы поговорить. И не могу понять, что тут не так.

— В вас — или в них?

— В себе я более-менее понимаю. Просто... ну вот, смотрите: сейчас возродился жанр открытых писем. Он существовал всегда, а теперь пришел на ту территорию, где до этого хватало личного дружеского общения, глаза в глаза. На крайний случай — был телефон. Открытой почтой на этом пятачке никто не пользовался. И вдруг все перестали запечатывать конверты. Каждое частное письмо стало орать: «Прочти, прочти меня...» Я не понимал, почему так. Но недавно нашел ответ у одного из подвижников этого жан-

ра: когда частный разговор имеет общественную значимость — не о кулинарии, не о доме, а о чем-то гражданском, — его, оказывается, не только возможно, но и должно опубликовать.

И тут я начинаю тихо умирать. Я — как в бою, я теряю друзей. У меня нет надежды на то, что любая частная беседа в узком кругу не попадет на всеобщее обозрение. Вижу тысячи лайков и сотни комментариев у одной светской девушки — я

В ЖЖ и Фейсбуке принято, как лосося, плыть против течения — и в результате все плывут по течению. Это называется «новый мейнстрим»

ее прекрасно знаю по многим совместным проектам — под статусами, где она обнародует во имя этих несчастных лайков приватные разговоры или оброненные в частной беседе ее друзьями фразы. И понимаю, что теперь не могу делить с этими людьми пространство, на котором мне еще недавно было так хорошо. Непостижимый кошмар, закрученный по спирали. Любое общественное брожение, любая революционная буча в России всегда учиняла эту холодную гражданскую войну. Разворошишь мемуары белой эмиграции, пассажиров всех этих пароходов — философского и нефилософских, — увидишь то же самое. Я останусь с теми, от кого не жду ни внезапности предательства, ни драки на миру.

— Вполне возможно, что так теперь будет в любое время — «военное» ли, совсем ли мирное. Сеть располагает к подобного рода откровенности и быстрому выяснению отношений.

— Возможно. Теперь еще объясните, почему с этим выяснением надо подождать, пока не столпятся зрители.

Так, что еще... Вот что: раньше власть назначала нам в каждую галактику по своему солнцу. Мы понимали, что Аркадий Райкин, Муслим Магомаев, Людмила Зыкина — помимо того, что это светила сами по себе — еще и сертифици-

рованные небесные тела, разрешенные кремлевской обсерваторией...

Сейчас же культура разделилась на миры и антимир. В каждом из них есть главный тенор, главный шутник и т.д. — назначенные Интернетом или телевизором.

— Вопрос о том, кто назначает сам телевизор, не рассматривается?

— Все та же обсерватория. Но по части теноров и телевизионных шутников — за ними хоть представи-

красная мишень, не попасть невозможно: толстый красный директор. Воплощенный архетип советского начальника. Но какой же он охранитель? Не сберет все, что охранял...

— Публика не в сети тоже требует протестной активности?

— О нет. Прежде всего, нет уже бывшего понятия «публика». Это уже не тот монолитный коллектив, который плачет и смеется над общими героями. Советский концерт ко Дню милиции, честно сказать, не очень отличался своей публикой от мхатовской премьеры. Да, студенты и ИТРы запол-

няли галерку и задние ряды, но партер всегда оставался неизменным. Сейчас — расслоение пролегло прямо по дорогам к клубам. Хочешь — слушай стихи, хочешь — пой karaoke, хочешь — иди в «Жан-Жак», а хочешь — в клуб имени Красной Синьки. Столько ячеек в этих сотах, по которым люди растеклись... Да, кто-то не собирает прежних залов — но со своим ульем у него все в порядке, на его мед слетаются все те же пчелы.

Правда, сейчас человека, который работает на сцене лет пять, дают народного — а раньше с похожими текстами или песенками худсовет и вовсе разжаловал бы из артистов. В 1990-е звания давали едва ли не через день: сегодня — заслуженный, завтра — народный. В Театре эстрады мне еще в 1988-м предложили податься на заслуженного — я на смех поднял: только что мы с советской системой званий простились, помахали ей рукой — и опять «заслуженный»? Потом в концертном зале «Россия» сказали: «Фимочка, ну неудобно выходить без звания, давай похлопочем». Я — опять на смех. А оно чудесным образом вернулось, это комичное уважение. Кем заслуженный, чей народный, кто здесь народ — вот те двое, которые бумагу подписали? Хорошо, десять. Абсурд же.

— Чрезвычайно укорененное явление, если что. Например, Владимир Мирзоев уверен, что абсурд в России — не тот, который со званиями, а на сцене и в литературе — прямое продолжение традиции юродивых.

— А для меня абсурд — это еще и обретение свободы. Буйные пятна на холсте, поэтическая несусветица Велимира Хлебникова и Алексея Крученых, фантазия, выводящая тексты Даниила Хармса за границы душевного здоровья...

— Он в них и сам, похоже, редко пребывал.

— Это да. Но нам, здоровым людям — а мы ведь здоровы, да? — это нравится. На самом деле это нездоровье называется свободой. Мы по рукам и по ногам связаны этикетом, условностями, приличиями, нашим знанием о культуре. И иногда эти условности принимаем за саму культуру. Порой взрослых людей надо отпускать в песочницу — так, как туда отправляет своих артистов Володя Мирзоев. Искусство может быть завораживающим в своей детскости. Конечно, мы обставили «измами» и эту волную лыжню. Но человек, который пускается в такое путешествие — переворачивает стулья, превращает всех в носорогов, ждет, пока старухи начнут падать из окна или поджидает все никак не приходящего Годо, — понимает, что этот путь ведет к свободе. Ты оставляешь пути условностей, которыми тебя повязало чужое знание, чужая воля, чужой вкус.

Но ведь должны же были когда-то мотивы классической венской школы обернуться отсутствием всяких мотивов у композиторов новой венской школы: Арнольда Шенберга, Антона Веберна, Альбана Берга...

— Какая-то все это недобрая свобода подбирается. Точнее, с отсутствием опыта добра в ее пределах.

— Зло — за стеклом, в качестве зрелища, — о, это тоже дидактика. Мы смотрим шекспировские хроники, где все тонет в злодействе. И во-первых, расстасемся с частью страха в нас самих, а во-вторых, когда мы обнаруживаем зло в литературных героях, в повороте башки Иуды, мы напоминаем его очертания...

С добром хорошо устремляться в нирвану, давать место бесплотности. А для меня блаженство всегда связано с биением сердца, но не с умиротворением, не с покоем. В состоянии нирваны я, пожалуй, не выдам ни одной приличной мысли.

— Вы боитесь возраста? Стать благородным стариком?

— Как раз благородным — не боюсь. Когда смотришь на Владимира Михайловича Зельдина, понимаешь, что это красиво, почетно и тшеславно; почему нет? Но такие случаи старости единичны. Мы сидим в сотке на Котельнической, где за каждым окном — страшная тайна. Здесь жил советский истеблишмент. Когда нарыли архив хлопот и заявлений по поводу квартир, распределяемых в этом доме, всплыло много всяких историй. На одного доносили, другого просто подставляли — мол, есть у него жилплощадь в Нижних Серунах... Орденосцы вели себя, как подонки. Лучше бы этим архивам оставать-

ДОСЬЕ

Аи́фри́н Нахи́м Залма́нови (родился 25 марта 1956 года в Сусумане Магаданской области. После реабилитации отца — Залмана Шифрина — семья переезжает в Юрмалу. Учился на филологическом факультете Латвийского государственного университета, в училище циркового и эстрадного искусства на курсе Романа Виктюка. В 1985 году окончил ГИТИС. В 1990 году основал «Шифрин-Театр», функционирующий до сих пор. В том же году появился моноспектакль «Я играю Шостаковича». Первый лауреат премии «Золотой Остап» (1992). Среди театральных и телевизионных работ — «Пьеса для муз чины» по рассказам Даниила Хармса, роль Бургомистра в «Драконе» Евгения Шварца, «Контракт» Славомира Мрозека (ж. Владимир Мирзоев), «Я тебя больше не знаю, милый», «Любовь с придурком», «Путаны», «Оза, или Кто такая Сильви» (ж. Роман Виктюк).

тельная народная выборка. Этот мир выбирает страна вообще, большая ее часть. Я по ней езжу и могу сказать, что пока в стране за МКАДом рулит не Интернет, а все же телевидение.

Не то, однако, в наших антимирах — где назначения происходят согласно политическим убеждениям. Здесь можно стать хорошим режиссером, трендовым артистом либо художником, лишь сообразуясь с отношением к режиму и власти. Вот же, все время вертелись перед глазами люди — на съемках, на репетициях, — у которых один спектакль был ничего, с другого дружно валил народ, а третий и вовсе не доживал до выпуска. И вдруг я вижу, что наш маленький антимир командирует в светила артистов, режиссеров, писателей, которых невозможно или трудно держать за лавов толстых или станиславских. А самое печальное — что нет между мирами и антимирами никого, кто бы примирял тех и других.

— С ходу: Михаил Жванецкий.

— Михаила Михайловича дружно обшипели, когда он имел неосторожность получить от Путина орден. Он «обернулся» разрешенным сатириком и еще бог знает кем.

— То есть либеральный террор существует?

— Еще не террор, нет. Но когда слово «либерал» произносится с насмешкой и иронией — вновь, как век назад и раньше, — ты понимаешь, что у тогдашней и сегодняшней усмешки над либералами общие корни. И черта, за которой либерал становится смешным, по-прежнему все та же.

— А государственный охранитель — когда он становится смешным?

— Они реже сбиваются на фальш. Эти смешны другим: своей косностью, косноязычием, неповоротливостью... Сердюков, например, сам по себе пре-

ся где-нибудь в пыли. Так вот, за каждым окном здесь остановилась старость. И в большинстве случаев она была совсем незavidна. История бриллиантов Людмилы Зыкиной будет еще долго блескать — в гонорах сценаристов, актеров; эти камни так сразу не погаснут, но тут умирали и она, и Марина Ладынина, и Лидия Смирнова, и Василий Аксенов, и Андрей Вознесенский, и Борис Новиков. Много людей дожили здесь до не-зельдинской старости — некрасивой, больной, зависимой от кого-то; хорошему детективщику тут работы — на всю жизнь.

Делаешь раз в год УЗИ — а потом вдруг почувствуешь, как шарик на животе замер: «А тут что? Минуточку-минуточку...» Очень не хочется. Когда уходят твои ровесники — Абдулов, Арлазоров — и уходят несправедливо, посреди жизни цветущей: много-много могли бы еще сделать, и сколько им до зельдинских лет было жить да жить; да что жить — хотя бы еще пару лет поездить в коляске инвалидной... не вышло: «ваша остановка, выходите». Боишься не старости, а того, что уже знаешь из приобретенного опыта ухода за родителями или за дедом... За всем, что влечет не-зельдинская старость — с серыми больничными простынями, с какама, с писями, с подниманием с унитаза, когда этот мешок — вчерашнего человека — не можешь на себе нести. Когда пропадает ощущение безгравитности, и ты понимаешь, что тебя уже не волнуют запахи — просто надо довести до конца, чтобы тебе самому не было совестно в момент расставания. Отупения старости, боли старости, зависимости старости — очень не хочется. Я и так-то зависеть не очень люблю. Да еще от этой дуры...

Да, третий или четвертый год я сталкиваюсь с тем, что даже мои, очень невинные тексты редуют при выходе к телезрителю. Смотрю — тут предложения хватились, а здесь целый абзац утек. Электронный монтаж. Поди пойми. Можно было бы сказать: «Ах так?! Тогда я уйду на канал «Дождь» — где меня никто не жлет. Нет. Я думаю, что и в усеченном виде что-то могу. Хотя страсть: а вдруг однажды эти электронные ножницы вместе с фразой отхватят и исполнителя? Я же помню, как в советские годы можно было сделать судьбу безвестной. Год, два тебя нет в эфире — и ты Мулерман, которого уже никто не помнит. Хорошо, если ты есть на старой пленке в ютубе. Понятно, что этих роликов для вечности маловато — но не хочется как-то совсем бесследно. Даже от реактивного самолета на какое-то время полоска остается, а тут целая жизнь — и в белую дымку; несправедливо.

И понимаешь, что протест против человека, который тебя сократил, мало что значит. Ты теряешь не деньги на новые фильмы, не снисхождение власти — ты теряешь саму работу. Всю! Потому что она тебя — в том числе — и в этом ящике. Сократили реплики, сократят и тебя...

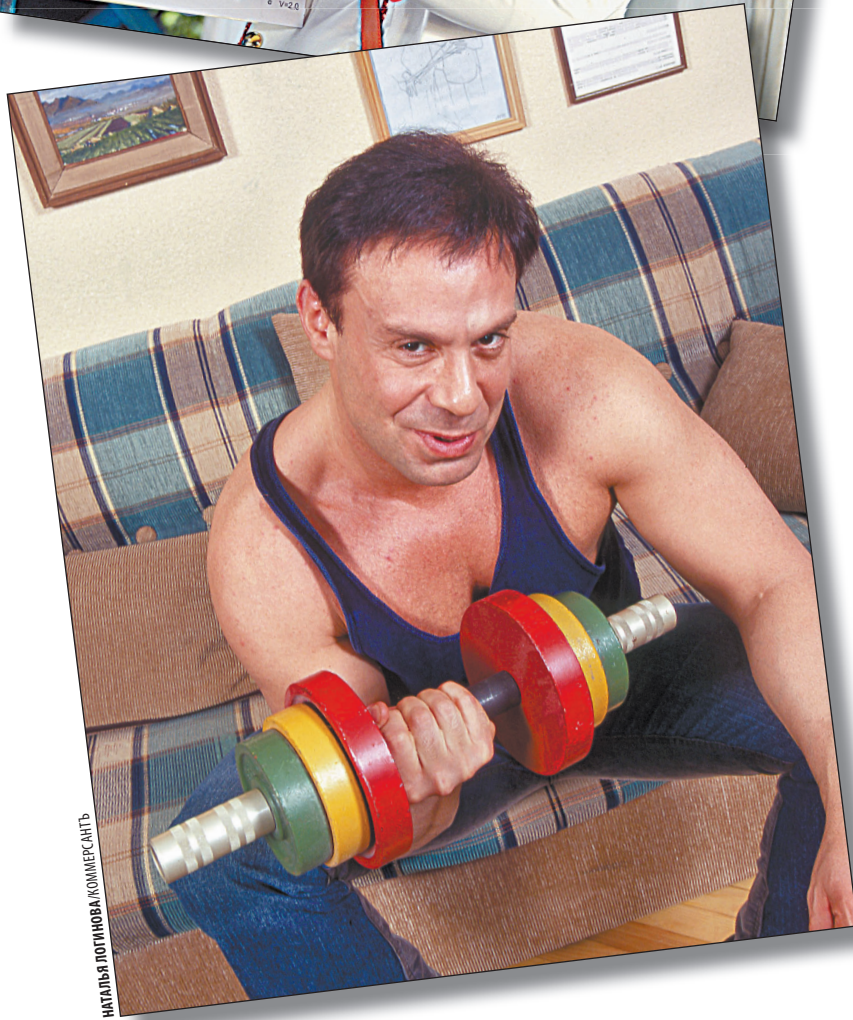
PHOTOXPRESS

ЕВГЕНИЙ МИТЯКОВ

БЕРТОВ СЕРГЕЙ PHOTOXPRESS

НАТАЛЬЯ ПОПОВА КОММЕНТАРИЙ

В 1990-х, когда все раз-решенно заговорили, на концерт ко Дню милиции, где в зале сидели все, от Чубайса и выше, к тебе приходили за кулисы и просили «поострее». Когда Ельцин приехал на «Юморино» в Кремль, нас не то что не предупредили — не дали никаких наводок по поводу репертуара. И я читал в его присутствии «Сексанфу» — монолог Семена Альтова про деревенскую пару, которой попала в руки тибетская брошюра о сексе. Сейчас этот монолог многие знают наизусть, но я понимаю, что в сетке правительственного концерта он невозможен никак.

И вот, после такой вольницы, любой большой концерт вновь приобрел эту со-сковую статусность. Сейчас «датский» концерт — это так: треть — про войну, над-рывно, минорно, шаблоно. Треть — запятая класси-ка. Треть — голимая попса, которая нравится женам из истеблишмента. Или владе-лицам тринадцатикомнат-ных апартаментов; бог его знает, кто теперь определяет вкусы. Одно слава Богу: та-кой дремучий концерт со-всем растерял телевизион-ные рейтинги.

— Будто над недремучим концертом сатиры и юмора тут же не погдумится интел-лектуальная публика. Обид-но, да?

— Как раз нет. Я очень хо-рошо понимаю, на чем дер-жится недоумение людей, смотрящих такой концерт по телевизору, — экран от-секает, убирает атмосферу такого зрелища. Когда я с чашкой кофе в правой и с Хайдегером в левой руке поворачиваю взгляд на Пав-ла Волю, Евгения Ваганови-ча или, на худой уже конец, Шифрина — я не понимаю, кто этих людей в зале за-ставляет над ними смеяться. Это, наверное, люди-сво-лочи, крайне невежествен-ные... Тем временем камера выхватывает в зале лица пришедших на бенефис это-го самого Шифрина. Среди них — лица Владимира Зель-дина, Римаса Туминаса, Ро-мана Виктюка, Сергея Ма-ковецкого. Хохочут так же, как их соседи — старушка, токарь или студент. Они ох-вачены общей атмосферой. У них нет цели написать критическую статью. Вот и поди возрази Михаилу Бах-тину: смех — штука карна-вальная, иногда довольно простая и грубая.

Понятно, что у тех, кто принципиально не включа-ет «зомбоящик», — другой, интеллектуальный смех: уже перемололи в блогах на муку своего Путина и не знают, что делать дальше...

— Посмеяться над ним, на-пример?

— Ну нет. Для них Путин — это Ричард III, злодей. Смешным он у них не вы-ходит. Медведев — да. Тут и маленький рост, и по-пытка приосаниться, и детское выражение лица... А этого и по поясу раздели, и встретили вынырнувш-го с помытыми амфорами — а хохотать все равно не получается. С раз-ных сторон обступали деятели культуры, по-разному пробовали его рисовать — мышью,

молью, Мефистофелем. Сейчас в социальных сетях популярны старые снимки Путина при Собчаке — с угодливым (допустим) вы-ражением лица... А не по-лучается.

— Опять же, кому как. С прошлогодного путинского полета со стерхами посмея-лись изрядно.

— Ржали, да. Но тут чи-сто стилистическая оши-бка вышла: сам наряд стер-ха подкачал. Животное-то смешное, длинноногое. Дело благородное, почти «Гринпис» — а вот просчи-тались технологи. И то: поржали — и перестали. На-верное, потому что сам со стерхами полетел и сам за теми же амфорами нырнул. Или когда доктор ему плечо рассматривает — каждый ли 60-летний человек на каме-ру разденется? Не «мистер Вселенная», конечно, но стыдиться совсем нечего.

Для меня ряд правителей города Глупова он пока не замкнет. Для меня он пока не Органчик, у него пока не шедринская фамилия. Впрочем, Синявский-Терц считал и фамилию Пушкин смешной...

Не знаю, правда, каков Путин в глазах молодого человека, не обладающего комплексом страхов моей поры. Мой приятель Женя Харитонов — его не печата-ли, после смерти вышел двухтомник — показывал гостям, в том числе и мне, дырку в стеклянной двери. Он прошиб ее, когда, бу-дучи здоровым мужиком, упал в обморок — лишь от-того, что к нему в дверь по навету соседей позвонил милиционер. Показывал со смехом. Можно понять, что это был за смех... У меня нет особенных скелетов в шкафу, но и я, когда вижу с балкона входящего в подъ-езд милиционера, не очень хочу, чтобы он поднялся на мою лестничную клетку. Даже для того, чтобы взять у меня автограф...

В эту жизнь я вошел не с датой из собственной ме-трики. Моя история нача-лась 19 августа 1938 года — в ночь, когда в Орше аресто-вали Залмана Шифрина, моего отца. Я могу разыграть эту ночь по секундам... Вижу там себя, в папиных очках, читающего «Боги жаждут» Анатоля Франса. Тогда, в три предрассветных часа, началась моя жизнь. Тогда задышала моя клетка — за-долго до того, как я открыл глаза, появившись на свет. В этой клетке все и заключе-но: и страхи, и отношение к власти, и к протесту, и к жиз-ни, и к смерти — ко всему! Сдернули с человека очки, вынули шнурки из ботинок, срезали пуговицы со штанов — повели через город на ули-цу Ленина, в Центральную тюрьму. Я с этим роликом в башке живу, до дыр зацара-пал эту пленку...

Кстати, у Путина еще есть шанс стать смешным. Еще три срока — и брежневские «сиськи-маськи» пока-жутся детским лепетом.

«Дать этот материал вы можете на новом сайте газеты «Совершенно секретно» www.sovsekretno.ru

«Дробмаш» подает пример

В СТОЛИЧНОМ «КРОКУС-ЭКСПО» ПРОШЛА ВЫСТАВКА «СТРОИТЕЛЬНАЯ ТЕХНИКА И ТЕХНОЛОГИИ – 2013». В РАМКАХ ВЫСТАВКИ НИЖЕГОРОДСКОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ ЗАО «АВТОКОМПОЗИТ» (ТМ «ДРОБМАШ») ПРОВЕЛО ПРЕЗЕНТАЦИЮ СВОЕЙ НОВОЙ ТЕХНИКИ И ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

По итогам презентации председатель совета директоров компании, член Общественной палаты РФ, член правления РСПП **Виктор Ключай** рассказал о предприятии и его продукции:

— Наш завод дробильно-сортировочного оборудования в г. Выксе (Нижегородская область) был основан еще в 1933 году. Несмотря на войну, несмотря на многочисленные кризисы, завод никогда не менял специализацию. Однако к 2010 году компания, которая владела заводом, практически обанкротилась. Мы купили завод с аукциона и полностью восстановили производство за два с половиной года. Конечно, мы приобрели бесценный опыт. Превратили предприятие-банкрот в современный завод, выпускающий конкурентоспособную технику.

— **Что именно вам удалось сделать за это время?**

— Мы полностью перевооружили литейное производство, провели большую работу по модернизации техники и старой линейки оборудования, которую традиционно выпускал «Дробмаш». Но главное — запустили в серию образцы новой техники. Сейчас наши машины составляют конкуренцию ведущим мировым производителям. Уже полгода предприятие является прибыльным. Понятно, что это был инвестиционный проект, мы не смогли бы сделать такого рывка на пустом месте. В «реанимацию» предприятия было привлечено более миллиарда рублей инвестиций.

— **Руководство Нижегородской области вас поддержало?**

— Этого проекта просто не было бы, если бы не поддержка правительства и губернатора Нижегородской области. Наши возможности просто не хватило бы. Надо отметить, что региональное правительство под руководством губернатора Валерия Шанцева в целом очень внимательно относится к проблемам промышленности. Цифры говорят сами за себя: индекс промышленного производства в Нижегородской области выше, чем в среднем по Приволжскому федеральному округу и составляет по итогам 2012 года 104,4 процента (по ПФО в среднем — 104,1, в среднем по России — 102,6).

— **Насколько эффективно сейчас работает ваш завод?**

— Из наших цехов ежемесячно выходит по 6–7 машин плюс запасные части. В денежном выражении это 80–90 миллионов рублей. Потенциально мы можем

утроить или даже учетверить эти показатели. Однако сложность заключается в том, что мы входим на рынок с новой линейкой техники — покупатели пока к ней присматриваются, проявляют понятную осторожность. Но мы уверены: наша продукция быстро завоюет рынок, отзывы о ней самые благоприятные. Сейчас наша машина будет участвовать в реконструкции цехов столичного «Красного Октября» — там необходимо обеспечить переработку железобетонных конструкций. Это пример того, как может работать наша новая техника, — такая машина перерабатывает строительный мусор, железобетон в товарный щебень и металл для переплавки. То есть она быстро и качественно превращает «отходы» в доходы.

— **Насколько известно, вы работаете и на экспорт?**

— Да, мы поставили технику в Германию, Катар, Казахстан. Хочу сказать подробнее о Германии. У нас подписан контракт с компанией «Гайгер». Этот контракт — далеко не самый крупный для российского производителя, но весьма символичный, ведь обычно мы покупаем у стран Запада сложное оборудование, а не наоборот. Поставлять технику в Германию — мекку современного машиностроения — это значит не просто идти в ногу с мировыми лидерами, но и в чем-то превосходить их. Заместитель министра промышленности и торговли России **Алексей Рахманов** при посещении выставки отозвался о продукции «Дробмаша» с одобрением: — Это тот самый симбиоз хорошей инженерии и производственных возмож-

ностей, который проложил российским производителям дорогу на западные рынки. Сейчас надо сформировать государственные программы, которые позволят поддерживать не только это предприятие, но и целый сегмент отечественной промышленности.

Губернатор Нижегородской области **Валерий Шанцев** также оценивает работу «Дробмаша» чрезвычайно высоко: — Для каждого региона важно, чтобы создавались высокопроизводительные производства, рабочие места с высоким уровнем производительности труда, с высокой зарплатой. Это дает хорошую налогооблагаемую базу и увеличивает внешний товарооборот. Мне очень нравится, что на «Дробмаше» сегодня проделана такая масштабная работа. Машины, которые там производят, уходят с конвейера сразу к потребителю. О чем это говорит? О том, что технические характеристики, производительность, качество — лучше, а цена на 20 процентов ниже, чем у конкурентов. Это то, что мы ожидали. Не на всех предприятиях сразу это получается, это трудный процесс. Сейчас на основе разработок «Дробмаша» формируются областные программы, например по утилизации строительного мусора, переработке отходов деревообрабатывающей промышленности, производству пеллет (топливных гранул из отходов древесины). Подобная техника поможет нам решить многие проблемы, которые не решались десятилетиями.

РУСПОЛИМЕТ

Кулебакский металлургический завод

Наша цель - превосходить ожидания потребителей

ОТ НАДЕЖНОГО ПОСТАВЩИКА: ТЕПЕРЬ И ИЗ СОБСТВЕННОГО МЕТАЛЛА КОЛЬЦЕВЫЕ ЗАГОТОВКИ И НЕ ТОЛЬКО...

ПРОВЕДЕННАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ ПОДТВЕРДИЛА
ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС РУСПОЛИМЕТА,
ГОТОВОГО РЕШАТЬ ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ЗАДАЧИ НА ВЫСОКОМ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ И КАЧЕСТВЕННОМ УРОВНЕ,
АКТИВНО ОСВАИВАЮЩЕГО НОВЫЕ РЫНКИ

ОТ ПРОИЗВОДСТВА СТАЛИ И СПЛАВОВ ДО ГОТОВОЙ ПРОДУКЦИИ:

ПОКОВКИ-штанги круглого и квадратного сечения диаметром от 100 до 570 мм и со стороной квадрата от 80 до 370 мм.
СЛИТКИ гладкие круглого сечения диаметром до 900 мм; ЭШП и ВДП.
КОЛЬЦА цельнокатанные и сварные из листов и горячекатаных профилей диаметром: цельнокатанные от 200 до 6000 мм; сварные из листов от 200 до 1500 мм; из горячекатаных профилей от 300 до 2400 мм.
ДИСКИ с отверстиями и без, диаметром до 1200 мм.

ЗАГОТОВКИ ПОД ФЛАНЦЫ плоские и воротниковые для запорной арматуры и трубопроводов.
ПРУТКИ из жаропрочных, нержавеющих и титановых сплавов.
ФЕРРОТИТАН высокопроцентный, ферросплавы.
УСЛУГИ ПО ГАЗОСТАТИРОВАНИЮ.
СОРТОВОЙ ПРОКАТ.
ВСЕ ВИДЫ КОНТРОЛЯ и испытаний продукции.
МЕХАНИЧЕСКАЯ ОБРАБОТКА колец (дисков) диаметром от 200 до 2500 мм и слитков (поковок) диаметром 600 мм.

Россия, 607010,
Нижегородская обл.,
г. Кулебаки, ул. Восстания, д.1
www.ruspolymet.ru

Ингушетия: политическая стабильность или кризис власти?

Суламбек Котиев,
Орхан Джемаль,
Магомед Хазбиев,
Магомед Аушев,
Людмила Телень

АЛЕКСАНДР КУЩЕНКО / СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

В РЕДАКЦИИ ГАЗЕТЫ «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО» ПРОШЕЛ «КРУГЛЫЙ СТОЛ», ПОСВЯЩЕННЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ

К участию в дискуссии были приглашены представители власти и оппозиции, правозащитники и журналисты. Основной темой полемики стал вопрос о выборах президента Ингушетии. Нужно ли республике прямое голосование или в интересах стабильности разумнее передоверить выбор местному парламенту?

Представители республиканской власти, которых редакция пригласила на «круглый стол», в Москву не приехали. Тем не менее разговор состоялся. Живой и острый. Выдержки из него мы предлагаем вниманию читателей нашей газеты. Вела дискуссию главный редактор газеты «Совершенно секретно» Людмила Телень.

В «круглом столе» приняли участие:

Магомед Хазбиев — руководитель регионального отделения РПР-ПАРНАС;
Орхан Джемаль — обозреватель газеты «Известия»;
Александр Брод — правозащитник, член Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека;
Суламбек Котиев — общественный деятель;
Багаутдин Маматов — правозащитник, представитель движения «За права человека»;
Руслан Мерджоев — гражданский активист;
Батыр Богатырев — журналист, общественный деятель;
Магомед Аушев — представитель Ассоциации «Всеингушский гражданский совет» (ВГС);
Якуб Местоев — бывший работник администрации главы РИ, общественный деятель;
Дауд Хучиев — президент Межнациональной футбольной лиги.

Суламбек Котиев, общественный деятель: Ситуация, сложившаяся в республике в последнее время, тревожна. Это связано с отказом от прямых выборов президента Ингушетии. Народ воспринял это однозначно — как знак недоверия к избирателью.

Суламбек Котиев напоминает участникам «круглого стола», что до сих пор не решены самые болезненные вопросы республики, главная из которых — проблема Пригородного района. По его мнению, сегодня ингушский народ нуждается в поддержке всех россиян.

Орхан Джемаль, журналист: Вместе с Ингушетией лишаются права на обычные, нормальные выборы еще ряд республик Северного Кавказа. Почему не доверяют Кавказу? Если мы проанализируем ситуацию в других северокавказских регионах, то мы поймем, что у Москвы не было никакой необходимости отменять там выборы. Если Москва хочет иметь своего человека в этих республиках, то везде этого можно добиться. Этого можно добиться в пылающем Дагестане, этого можно добиться в Карачаево-Черкесии, в Кабардино-Балкарии, про Чечню вообще не говорю. Да, это будет немного дороже, чем предыдущие назначения, но не так уж значительно... Да, нужна более изощренная работа, но тем не менее всегда можно провести своего человека.

Есть только одна республика, где это было невоз-

можно: это Республика Ингушетия. И, собственно, весь Кавказ, где отменили выборы, пострадал из-за Ингушетии. Потому что очевидно, что если выдвинется Руслан Аушев, то, скорее всего, он победит. По крайней мере, таково было предположение Москвы. И именно это соображение делало невозможными выборы в Ингушетии.

Орхан Джемаль напоминает, что в Ингушетии было собрано более 60 тысяч подписей в поддержку Руслана Аушева как кандидата в президенты. Далее он сказал:

Руслан Аушев действительно очень популярная фигура, абсолютно неприемлемая для Кремля. Между тем ингуши помнят, что в тот период, когда второй срок Аушева подходил к концу, он вовсе не был таким обожаемым и популярным. У Аушева было, на мой взгляд, очень много недостатков, которые были продолжением его достоинств... Он великолепный вояка со всеми воинскими добродетелями, которые отнюдь не являются добродетелями для мирной гражданской работы. Он немножко солдафон, немножко автократ, он доверяет именно своему окружению и многое ему прощает.

Напомню: когда Юнус-Бек Евкуров пришел к власти, он пользовался, несмотря на то что был назначен Москвой, фантастическим доверием! Он пришел как избавитель от эпохи президента Зязикова.

Чего ждала Москва от президента Евкурова? Первое — он должен был завершить муниципальную реформу, но так, чтобы на территории Пригородного района не были сформированы муниципалитеты — то есть чтобы на этой территории у ингушей не оказалось собственных органов власти. Также он должен был — по замыслу Москвы — справиться с коррупцией. Под Евкурова в республику должны были прийти определенные финансовые вливания. Ну и кроме того, Евкуров обещал прекратить силовой беспредел в республике.

Сегодня мы можем оценить то, что Евкуров в реальности сделал. Он прекрасно выполнил задачу Москвы, он «сдал» Пригородный район в юридическом плане. Отдадим ему должное — в обмен на эту «сдачу» он пытался добиться возвращения ингушей в свои дома, но это у него не получилось.

Далее. Он действительно взялся за борьбу с коррупцией, правда, довольно гуманно по отношению к коррупционерам. Он не сек шашкой головы направо и налево, а позволял людям сдаваться, покаяться, вернуть деньги. Но это был очень короткий период. Через какое-то время эта работа была свернута. Я не буду говорить, что, скажем, он и его семья превратились в коррупционеров, но, вне всякого сомнения, новое поколение коррупционеров появилось и в окружении самого Евкурова.

И самая страшная социальная болячка Ингушетии — людей в республике больше, чем рабочих мест, причем намного.

Так чем же отличается Аушев от Евкурова, почему его так боится Москва? При Аушеве была такая политика, когда федеральные силовые структуры фактически не допускались для неконтролируемой деятельности в республике. Аушев был избранным президентом Ингушетии, а не наместником, и он готов был защищать ингушей от всех. И он это делал в меру своего понимания, он не сдавал ингушей, как хороший комбат не сдает своих солдат. Он сам их отлупит, но чужим в обиду не даст. Никому — в том числе и людям из Кремля. Зязиков, а теперь и Евкуров занимают другую позицию. И это принципиально важно.

Магомед Хазбиев, руководитель ингушского отделения партии РПР-ПАРНАС: Почему Москва боится именно Аушева? Неправильно ставить вопрос так. Аушева никто не боится, боится народа, боится того общества, которое созрело в Ингушетии, гражданского общества.

Якуб Местоев, бывший глава администрации президента Ингушетии Руслана Аушева: Я возглавлял инициативную группу, которая занималась в последнее время сбором подписей в поддержку Руслана Аушева. Мы считаем, что провели своего

Трагедия Пригородного района до сих пор выводит на улицы жителей Ингушетии

KAVKAZ-IZEL.RU

рода референдум. Да, негласный, необъявленный, но референдум. Референдум ингушского народа, который нам однозначно сказал, что он за прямые выборы, народ хочет избирать и быть политически активным.

Какие были аргументы против прямых выборов в Ингушетии и на Северном Кавказе в целом? Один из основных — общественно-политическая ситуация в этих субъектах Федерации. Тема нашего «круглого стола» звучит так: стабильность или кризис власти? Но если власть заявляет, что общественно-политическая ситуация не позволяет проводить выборы, вывод напрашивается: в Ингушетии кризис. Это не мы говорим, заметьте, это власть говорит и подтверждает своими действиями. В 2004 году, в связи с известными событиями в Беслане, прямые выборы глав субъектов Федерации были отменены. Нам сказали, что механизм назначения местных лидеров позволит стабилизировать ситуацию на Кавказе. Прошло почти 10 лет, и сегодня выясняется, что выборы опять-таки проводить нельзя! Получается, что ситуация по сравнению с 2004 годом не улучшилась.

Ситуация, конечно, очень сложная. Но надо помнить, что любые выборы — это не просто выражение симпатии к кому-либо, это выражение позиции народа по самым главным проблемам, которые волнуют общество. Избранный лидер на эту позицию обязан опираться. Кроме того, сама процедура выборов позволяет, грубо говоря, выпустить пар, дать возможность людям прямо высказать все то, о чем они думают. Если мы закрываем этот клапан, то должны понимать: рано или поздно произойдет взрыв.

Мне как жителю Ингушетии неважно, кто станет руководителем республики, мне важно, каким образом это произойдет.

Дауд Хучиев, президент Межнациональной футбольной лиги (МФЛ): Насколько перспективны наши усилия вернуть прямые выборы — вопрос, к сожалению, очень и очень спорный. Ингушский народ устал, он не хочет заниматься политикой, он не хочет стать субъектом гражданского общества. Простые люди не верят ни президенту, ни общественным деятелям, ни предпринимателям.

Трагедия ингушского этноса, народа с его сегодняшней больной государственностью, — это не продукт последнего десятилетия. К сожалению, при каждом новом руководителе республика представляет собой не конституционный субъект Российской Федерации, а акционерное общество, где руководители решают собственные сиюминутные задачи, а самые большие проблемы Ингушетии так и не решаются...

Нигде на просторах Российской Федерации так наглядно и демонстративно не попираются гражданские права людей. Речь прежде всего о праве на свои территории, свои дома, — о трагедии Пригородного района.

Когда такое вопиющее пренебрежение проявляется со стороны власти к людям моей национальности, я думаю: почему? Мы в первых рядах приветствовали приход великой империи к отрогам гор. И с того самого дня отличались исключительной *притерпелостью*. Это слово запало мне в душу с тех пор, как его использовал в перестроечном «Огоньке» по отношению к русскому народу Виталий Коротич.

У нас есть некий предел требований друг к другу, когда дело касается политики. Поясню. Отказываться сесть за один стол с подлецом, который торгует интересами народа, у нас не принято. Если человек не обидел твою семью, не украл у тебя теленка, не разрушил твой дом — какие к нему могут быть претензии? Политика — это для большинства нечто абстрактное. И этим объясняется то, что мы так гибки, когда дело касается не конкретного человека, а в целом интересов народа.

Сейчас среднестатистический ингушский гражданин нам говорит: не надо дергать тарелку, она и так полна, только расплескаете и обожжетесь. Потерпим. Мы привыкли. И правда привыкли. Такая история. С 1905 по 1914 год в официальных сводках Ингушетии проходила как субъект, где происходят самые тяжелые репрессивные акты администрации царской России. Нас спасла Первая мировая война. И когда надо было пойти за царя-батюшку воевать, ингуши вдруг перестали представлять угрозу для империи, стали верными,

прекратились все репрессии, и те, кого называли абреками, возвращались с фронтов с грудью в крестах. И подобного в истории нашего народа было много. Отсюда и это качество — *притерпелость*.

Магомед Хазбиев: Говорить о том, что творят, творили и будут творить с ингушским народом, можно долго. До тех пор пока сам народ не поймет, что к нему относятся, как к быдлу. Как, впрочем, и к самому русскому народу. До тех пор пока народ не созреет как гражданское общество, до тех пор пока народ не поймет, что он и есть власть, до этих пор все беды будут продолжаться.

Об отмене выборов... Выборы не нужны тому, кто боится, тому, у кого нет авторитета. И съезд, который был проведен в республике, — это была театральная постановка, шоу.

Если говорить о самом съезде, то надо вспомнить закон «О Съезде народа Ингушетии». Делегатов должно быть 358, они избираются в каждом административном округе. Так почему на этом съезде их оказалось 240? Куда делись 118 — непонятно. То решение, которое принято этим съездом, незаконно.

И решение, принятое парламентом, незаконно.

К сожалению, людей — оппозиционеров, правозащитников, готовых публично выступать против отказа от выборов, — немного. В массе народ, действительно, устал от того, что происходит. Он не просто устал, он запуган.

Магомед Хазбиев напоминает участникам дискуссии многочисленные случаи, когда оппозиционные политики, правозащитники, журналисты подвергались моральному давлению и физическому насилию.

Александр Брод, правозащитник, член Совета по развитию гражданского общества и правам человека при Президенте РФ: Я помню, что, когда Юнус-Бек Евкуров стал президентом, правозащитники и оппозиция в Ингушетии смотрели в будущее с оптимизмом. Сейчас, я так понимаю, период разочарования. И все-таки имеют ли сейчас возможность правозащитники, оппозиционные политики, журналисты встречаться с руководством республики, с депутатами и

АЛЕКСАНДРА БРОДА/КОМЕРСАНТЪ

Съезд народа Ингушетии выступил за отказ от прямых выборов президента республики. Нынешний глава Ингушетии Юнус-Бек Евкуров — в президиуме Съезда (второй справа)

обсуждать острые проблемы, о которых вы говорите?

Магомед Хазбиев: Сейчас диалог оппозиции с властью, диалог правозащитников с властью практически нет.

Александр Брод: Республике Ингушетия, ее проблемы нужно рассматривать в контексте общих проблем Северного Кавказа. Создается впечатление, что Кавказ — это какая-то особая территория, где не действуют ни законы, ни власть, где нет ни справедливости, ни порядка.

Я вижу серьезный кризис региональной власти и, как результат, — возрастающие протестные настроения. Мой знакомый муфтий недавно вернулся из Саудовской Аравии, где побывал в нескольких учебных заведениях. Его очень расстроило, что там немало молодых людей из республик Северного Кавказа, и, к сожалению, они по отношению к традиционному исламу настроены крайне агрессивно. И не менее агрессивно — к Российской Федерации. Они вернутся в свои республики, и что они будут нести людям? Мы должны содействовать тому, чтобы формировалось новое поколение общественников, правозащитников, духовных лидеров, интеллигенции, которые могли бы на Северном Кавказе противостоять радикализму. Пока таких людей очень мало, и давайте думать о том, как помогать им вставать на ноги.

Руслан Мержоев, гражданский активист: Я представитель молодежи. Подавляющее большинство моих сверстников испытывает чувство глубокой безнадежности. Вы можете закончить хоть МГУ, хоть МГИМО, но работу вам никто не даст — у вас должны быть либо связи, либо деньги. Разве удивительно, что в этой ситуации начинают нарастать радикальные настроения?

О проблемах молодежи говорили и другие участники дискуссии. Они выражали озабоченность тем, что в условиях высокой безработицы и пронизывающей структуры власти коррупции молодежь чувствует свою невостребованность. Это та почва, ко-

торая позволяет радикалам успешно вербовать молодых людей. И в радикализации настроений молодого поколения — большая опасность не только для Ингушетии, но и для всей России, отмечали выступающие.

Правозащитник Багаутдин Маматов, представляющий Общероссийское общественное движение «За права человека», обратил внимание участников дискуссии на связь внутриреспубликанских и общероссийских проблем. И эта связь прослеживается во всем — в организации выборов кампаний, в размахе коррупции, в давлении на правозащитников.

Магомед Аушев, общественный деятель: Я представляю Общественный совет гражданского общества (ОСГО) в Республике Ингушетия. Общественный совет гражданского общества РИ входит во «Всеингушский гражданский совет» (ВГС) Республики Ингушетия, который является оппозиционным.

Я хотел бы сказать о социально-экономической ситуации в республике. По отчетам республиканского Минэкономразвития, промышленное производство в Ингушетии падает. Добыча нефти снизилась на 4,8 процента, прибыль крупного предпринимательства снизилась на 18 процентов. Поголовье крупного рогатого скота снизилось на 23 процента.

В послании Народному собранию Республики Ингушетия в феврале 2013 года президент Евкуров отрапортовал, что в Ингушетии принято в эксплуатацию более 50 объектов промышленности. На самом деле — 25. Однако сметная стоимость на строительно-монтажные работы, на закупку оборудования превышена в 2—3 раза.

Магомед Аушев полагает, что социально-экономические проблемы республики объясняются масштабной коррупцией, от которой страдает Ингушетия.

Участники «круглого стола» выразили надежду на то, что их голоса будут услышаны властями Ингушетии и дискуссия продолжится с их участием.

Полная видеoversия «круглого стола» на тему «Ингушетия: политическая стабильность или кризис власти?» — на сайте газеты «Совершенно секретно»: www.sovsekretno.ru

Российский ВПК, кузница

ВОЕННАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ЗАДЫХАЕТСЯ ОТ НЕХВАТКИ КАДРОВ. КОТОРЫЕ ЕЙ НЕ НУЖНЫ?

■ Владимир ВОРОНОВ

Весне 2013 года руководители государства вдруг в унисон заговорили о кадровом голоде в российской оборонной отрасли. Министр образования Дмитрий Ливанов даже написал целую работу: «Как преодолеть кадровый голод в ОПК?». Что же вдруг произошло такого, чего в этой сфере не происходило раньше?

Кадровый голод о мечает юбилей

Средний возраст работников военно-промышленного комплекса — 55–57 лет, вдруг выяснили в Госдуме в мае 2013 года, проведя по этой теме круглый стол. А свыше 30 процентов этих тружеников уже перешагнули 60-летний рубеж. Молодежь от такого варианта трудоустройства отказывается. Да что возраст — ВПК задыхается от острой нехватки инженеров-технологов (не хватает 17 процентов), инженеров-конструкторов (нехватка 22 процента) и квалифицированных рабочих (40 процентов). По сути, это настоящая кадровая катастрофа, грозящая обернуться крахом обороноспособности страны, — некому разрабатывать новые системы вооружений и некому их делать.

Но почему вспомнили об этой проблеме лишь сейчас? Владимир Путин на Всероссийском совещании работников ВПК 21 марта 2000 года, будучи и.о. президента, сообщил, что средний возраст работников этой отрасли увеличился до 58 лет и потому «...через три–пять лет работать будет некому». «Весь огромный научный и технологический потенциал, о котором мы говорим, — еще десять с лишним лет назад утверждал глава государства, — постепенно исчезнет... Поэтому задача, которую надо решать немедленно, — это создание условий для привлечения в ВПК молодых специалистов». Полтора года спустя, 30 октября 2001 года, на совместном заседании Совета безопасности и президиума Госсовета, Путин вновь заговорил о том, что «мы начинаем терять и кадровую преемственность... отдельной темой обсуждения должна стать проблема подготовки кадров для ОПК», что «структура оборонно-промышленного комплекса... все еще архаична, не отвечает современным военно-политическим задачам государства». Поэтому «государство должно провести детальную инвентаризацию этой отрасли и четко сформулировать и свои интересы, и свои приоритеты в сфере ОПК».

Первое лицо и дальше время от времени будет произносить речи о поддержке «кадрового потен-

циала» ВПК, потому что там «продолжается отток кадров, снижается квалификация персонала», о надвигающейся угрозе свертывания разработки и производства новых систем вооружения «вследствие выхода на пенсию основного состава конструкторских кадров, утраты квалификации производственного персонала...». И так — до бесконечности. За все время пребывания на постах президента и премьера Владимир Путин поднимал эту тему как минимум 15 раз. Одних лишь указов о «повышении эффективности мер государственной поддержки» работников ВПК было не меньше семи. Не говоря уж об обсуждениях на заседаниях правительства, Совета безопасности, Госсовета, Военно-промышленной комиссии при правительстве, Совета Федерации и Госдумы.

При отсутствии какой-либо концепции финансовые вливания в эту отрасль направляли исправно. Помнится, Дмитрий Медведев, будучи еще при президентских полномочиях, сообщил, как в одном лишь 2009 году — только по графе «антикризисные меры» — в ВПК влили 175 миллиардов рублей. Тогда же курировавший отрасль вице-премьер Сергей Иванов заявил о необходимости специальной, целевой федеральной программы реформирования отрасли — с финансированием «примерно в объеме 100 миллиардов рублей в год...». И эти «антикризисные меры», и «реформирование» ВПК, разумеется, не единственные статьи финансирования: позже Владимир Путин огласил цифру грядущих вливаний в ВПК — 23 триллиона рублей.

Дворники могут гордиться

Итак, военной промышленности позарез нужны инженеры. Например, требуются они омскому Производственному объединению «Полет», входящему в состав ФГУП «ГКНПЦ имени М.В. Хруничева». Объединение — один из ведущих производителей ракетной техники: ракеты-носителя «Космос-3М», космических аппаратов «Надежда», «Стерх», «Университетский» и носителя «Ангара» (который не могут запустить в серию вот уже много лет). Судя по вывешенному на его сайте списку вакансий, «Полету» позарез нужны: инженеры-технологи, инженеры по инструменту, инженеры-сварщики, инженеры-металловеды, специалисты по электронике и мастера с высшим техническим образованием. Причем лишь с опытом работы на производстве. И платить таким профессионалам готовы более чем щедро — целых 10 тысяч рублей. Если повезет, сумма вырастет до 12 тысяч.

Гендиректор «Ижмаша» Владимир Гродецкий (рядом с Путиным) любил показывать товар лицом. Сейчас его обвиняют в мошенничестве в особо крупных размерах

Кочегару и то больше сулят — от 12 до 15 тысяч рублей. Фрезеровщикам, токарям, операторам станков с программным управлением зато обещают от 15 тысяч, слесарям — от 10 до 12 тысяч рублей. И от всех обязательно требуется опыт работы на производстве. Впрочем, наличие производственного опыта не обязательно для тех, кто согласен наняться контролером станочных и слесарных работ за 7 тысяч рублей. Следует ли на фоне таких зарплат считать сенсацией очередную новость о неудачном космическом пуске?

На Амурском судостроительном заводе инженеру-технологу обещают 17 тысяч рублей в месяц — чуть больше, чем рубщику проволоки, которому обещано 15 302 рубля. Еще меньше — по 13 тысяч рублей — обещано слесарям-монтажникам. Зато плотник получит больше инженера — 20 тысяч рублей, оператор станков ЧПУ — 20–25 тысяч, как и фрезеровщик, а мастеру-монтажнику кла-

дут целых 27 тысяч рублей. Это, конечно, посolidней, чем на омском ракетостроительном, но не для Комсомольска-на-Амуре — с его заоблачными ценами и всем привозным. Именно со ступеней этого самого Амурского судостроительного завода и сошла злополучная субмарина К-152 «Нерпа», во время испытаний которой 8 ноября 2008 года в результате аварии погибли 20 человек. По одной из версий, вместо одного вещества в системе пожаротушения оказалось другое, ядовитое, — по вине то ли поставщика смеси, то ли судостроителей...

Как живет «Курганмашзавод», можно примерно узнать из его годовых и ежеквартальных отчетов. Из отчета за 2010 год (за последние годы на официальном сайте размещены лишь ежеквартальные отчеты) следует, что там трудилось 5596 работников, а среднемесячная зарплата — 14 575 рублей. В 2011 году средняя зарплата колебалась от 11 до 15 тысяч рублей. На на-

чало же 2012 года на заводе трудилось уже лишь 5111 человек, средняя зарплата — 14 331 рубль. Но в конце III квартала 2012 года работников стало всего 4778, правда, средняя зарплата составила 21–22 тысячи рублей. При этом, невзирая на то что вплоть до начала 2009 года информация о численности сотрудников завода являлась секретной в соответствии с Законом РФ «О государственной тайне», по другим отчетам можно узнать, что на 31 декабря 2008 года там трудилось 6247 человек. И подсчитать: за пять лет с завода уволились в общей сложности не менее пяти тысяч человек — проще говоря, за это время кадровый состав «Курганмашзавода» обновился полностью. Что неудивительно.

«Ижмашу», крупнейшему производителю стрелкового оружия, тоже требуются инженеры — по испытаниям, по строительству, инженеры-конструкторы. И платить им готовы 12–14 тысяч рублей в месяц. Ин-

СОСТОЯНИЙ

женерам-технологам оружейного производства для начала предлагают 7600 рублей, а инженеру-проектировщику — 7550 рублей. Даже начальникам отдела предлагают зарплату московской уборщицы — 20 тысяч рублей, начальникам же бюро сулят доход столичного дворника-гастарбайтера — 11 580 рублей. Дефектоскописту рентгеноагмаграфирования за работу в обнимку с радиоактивной аппаратурой обещаны 10 тысяч рублей — и пусть он себе ни в чем не отказывает...

He Sako

Генеральный директор «Ижмаша» Владимир Гродецкий в феврале 2008 года, когда Дмитрий Медведев в качестве кандидата в президенты побывал на предприятии, рассказал ему, что создателям «калашниковых» платят целых 15 тысяч рублей в месяц. Дмитрий Анатольевич, вместо того чтобы обрадоваться такой щедрости, удивился: так мало? Он, очевидно, остался в счастливом неведении, что реально заводчане получали тогда около 7 тысяч рублей, а к осени того же года выплаты упали до 4–5 тысяч. Да и те задерживались месяцами. Обычно, когда такое происходит, впоследствии выясняется, что деньги прокручиваются на каких-то неведомых счетах.

Вот выдержка из одного из «ижмашевских» отчетов: «Крайне низкая производительность труда... Выработка на одного работающего на оружейном производстве «Ижмаша» в ~ 20 раз ниже, чем на оружейной фирме Sako (Финляндия)». Так ведь и платили ижмашевцам не как на Sako...

В мае 2011 года из-за срыва гособоронзаказа сняли Владимира Гродецкого. Вместо него гендиректором

был назначен «эффективный управленец» Максим Кузюк, который до этого момента занимался, как следует из его биографии, «импортом, дистрибуцией и ритейлом дорогой электроники». Ну, еще вывел «на российский рынок бренды класса «люкс»... Особо ценной для оружейников была информация о том, что новый директор «предпочитает активный отдых: виндсерфинг, велосипед, горные лыжи» и очень «гордится спортивными достижениями старшего сына в горных лыжах». В июне 2012 года Кузюк покинул «Ижмаш», радостно сообщив, что «все предприятия группы «Ижмаш»... уже находятся в процедуре банкротства...».

Российский ВПК страдает от острой нехватки инженеров-технологов, инженеров-конструкторов и квалифицированных рабочих. По сути, это настоящая кадровая катастрофа

«Брендмейстера» сменил Александр Косов, подолгу ни на одном из своих прежних мест работы не удерживавшийся. Не задержался и на этот раз — покинул «Ижмаш» ровно через полгода. Взамен него в декабре 2012 года из Москвы прибыл Константин Бусыгин — экс-глава управы столичного района «Солнцево», ни к какому производству, не говоря о вооружениях, ранее отношения не имевший, зато сумевший всего за квартал настроить против себя и рабочих, и инженеров «Ижмаша», о чем свидетельствуют публикации в СМИ.

С осени 2012-го «Ижмаш» буквально балансирует на грани забастовки, митинги работников идут нескончаемой чередой. В мае 2013 года оружейни-

ки добрались и до Москвы — пикетировали штабквартиру госкорпорации «Ростех», требуя, чтобы зарплаты подняли хотя бы до... 10 тысяч рублей.

Сколько же тогда они получают реально? Заходим на ресурс «Независимой профсоюзной организации НПО «Ижмаш» или на страничку зампреда этого профсоюза Андрея Некрасова: судя по вывешенным там расчетным листкам, в марте 2013 года работники, например, 103-го цеха получили в среднем по 5000–5400 рублей на руки. Инженеры-конструкторы — примерно столько же. Хотя есть на «Ижмаше» цеха, где и таким деньгам были бы безмерно рады — там людям выдали по 3 тысячи рублей.

В аких кадров в дос а ке

В уставе ОАО «Научно-производственное объединение «Ижмаш» (туда сейчас

экспорту высокотехнологичной промышленной продукции». Выходит, «прибыль Государственной корпорации «Ростехнологии», полученная в результате ее деятельности, подлежит направлению исключительно на достижение цели, указанной в части 1 настоящей статьи». Но государство ни за что не отвечает, сведя свою роль к регулярным жалобам на «кадровый голод».

Бедственное положение «Ижмаша» не слишком мешает процветанию «эффективных менеджеров». Еще в декабре 2010 года замгендиректора госкорпорации «Ростехнологии» Игорь Завьялов, говоря об «Ижмаше», сообщил: «Некомпетентность зачастую шла рука об руку с нечистоплотностью, а в некоторых случаях и с криминалом». Он также утверждал, хотя и не называя прямо имени Гродецкого, что гендиректор предприятия довел все до предбанкротного состояния, а проверка,

переводят основные активы «Ижмаша») записано: «Основной целью создания и деятельности Общества является извлечение прибыли путем осуществления предпринимательской деятельности».

Прибыль — это нормально, но кто хозяин? Тот же устав гласит: «Единственным акционером Общества является Государственная корпорация по содействию разработке, производству и экспорту высокотехнологичной промышленной продукции «Ростехнологии». Но «Ростехнологии» — это же госкорпорация. И, согласно п.1 ст.3 Федерального закона «О государственной корпорации «Ростехнологии», целью ее деятельности является «содействие разработке, производству и

по словам Завьялова, и вовсе выявила «вопиющие факты незаконного заключения сделок по отчуждению целых сегментов бизнеса и приобретению долгов компании, сформировавшихся в результате вывода имущества». Руководство «Ижмаша», по словам того же Завьялова, оказывается, вывело «все производственные активы... в десятки «дочек» и «внучек»: «обнаружены факты нецелевого использования бюджетных средств руководством ряда предприятий». В частности, необходимое для производства новейших видов вооружения оборудование закупалось по многократно завышенным ценам, были созданы схемы реализации продукции и поставок сырья через компании, аффилирован-

ные с менеджментом предприятия. И, «разумеется, конечной целью подобных «наработок» была вовсе не оптимизация поставок или логистики, а личное обогащение отдельных управленцев». Яснее и не скажешь. Когда Гродецкого убрали с «Ижмаша», оказалось, что концерн задолжал кредиторам и партнерам свыше 19 миллиардов рублей.

Тогда же «вдруг» выяснилось: из уставного фонда ОАО «Ижевский машиностроительный завод» выведен целый ряд активов. ОАО «ИжАвто» (ОАО «Ижмаш-Авто») оказалось в собственности самарской группы «СОК», активы ДОО «Деревообрабатывающий завод «Ижмаш» попали в руки некоего ООО «Лесстройконтракт», выведены «как непрофильные» и проданы — за бесценок — такие объекты, как Дворец культуры «Ижмаш», легкоатлетический манеж, санаторий-профилакторий «Ижмаш», гостиница «Ижмаш», коммерческий центр «Ижмаш», ООО «Сельхозпредприятие «Машиностроитель»...

Дальше события развивались, правда, нетривиально: в апреле 2013 года Гродецкий был арестован — ему предъявлено обвинение в мошенничестве в особо крупных размерах (ч.4 ст.159 УК РФ). По версии следствия, он, будучи членом совета директоров ОАО «Сарапульский радиозавод», «в целях хищения денежных средств вступил в преступный сговор» с руководством завода. И «на счета ряда фирм-однодневок, зарегистрированных в Москве, неоднократно по заведомо подложным документам перечислялись денежные средства за якобы приобретаемые комплектующие изделия». Так «было совершено хищение мошенническим путем денежных средств ОАО «Сарапульский радиозавод» в сумме свыше 35 миллионов рублей».

Тогда же МВД заявило о подозрениях в причастности его и к «фактам хищения имущества ОАО «Ижмаш». Например, как сообщил со ссылкой на МВД ряд изданий, через цепь подконтрольных организаций была заключена сделка, в результате которой некоей кипрской компании ушел весь пакет акций ЗАО «СинтезПроект Финанс» всего за 70 тысяч рублей. Хотя одно лишь здание этого ЗАО в Москве стоило свыше 72 миллионов рублей. А тем «киприотом», если верить СМИ, оказался сын Гродецкого, которому достался и выведенный из активов «Ижмаша» деревообрабатывающий завод. Общую же сумму «оптимизированного» Гродецкий на «Ижмаше» оценили, со ссылкой на «Ростех», в пять миллиардов рублей. Текст с упоминанием этой суммы и поныне доступен на сайтах МВД и госкорпорации.

Возможно, квалифицированных кадров в военном-промышленном комплексе не хватает как раз потому, что в избытке мастера специфического финансового менеджмента?

Зарплаты оружейников столь низки, что о качестве их работы говорить не приходится

«...дать этот материал вы можете на новом сайте газеты «Совершенно секретно» www.sovsekretno.ru

Новый закон о трансплантации:

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО ТРАНСПЛАНТОЛОГА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА ДМИТРИЙ СУСЛОВ РАЗОШЕЛСЯ В ОЦЕНКАХ С ГЛАВНЫМ ТРАНСПЛАНТОЛОГОМ МИНЗДРАВА РФ СЕРГЕЕМ ГОТЬЕ

ГРИГОРИЙ СЫСОВ/РИА «НОВОСТИ»

■ **Галина СИДОРОВА**

В Российской Федерации обсуждается проект нового закона «О донорстве органов, частей органов человека и их трансплантации (пересадке)», который, как считают в Минздраве, обеспечит бесперебойное развитие этого направления высокотехнологичной медицины.

В США ежегодно проводится 25 тысяч операций по пересадке органов, в России — 1300. Сможет ли новый закон о трансплантации в том виде, в каком он предлагается сегодня, изменить ситуацию или еще больше ее запутает?

Главный трансплантолог Минздрава **Сергей Готье** («Совершенно секретно», № 5, 2013) выделил несколько очевидных, с его точки зрения, плюсов проекта:

- введение так называемой трансплантологической координации, для чего планируется учредить новое специальное ведомство;

- фактическая замена презумпции согласия на донорство (по ныне действующему закону 1992 года она имеет силу, если сам умерший при жизни другого мнения не высказывал или его родственники заранее не предупредили об этом при поступлении больного в стационар. — Г.С.);

- а также система трех регистров. В первый войдут все граждане России, согласные или несогласные с изъятием у них после смерти органов с целью последующей трансплантации; во второй — больные, нуж-

дающиеся в таком лечении; в третий — умершие, и в этом регистре фиксируется, было ли предложено члену семьи при жизни стать донором органов, отказался он или нет, и если отказался, то почему.

Однако оптимизм разделяют не все эксперты. В числе скептиков — **заместитель главного трансплантолога Санкт-Петербурга Дмитрий Суслов**:

— Проект подразумевает, что отныне все граждане России должны четко сказать «да» или «нет», отвечая на вопрос о посмертном донорстве своих органов, и зафиксировать это официально. Притом что механизм получения этого согласия, на мой взгляд, прописан весьма туманно. Авторы уповают на создание федеральных регистров — доноров, реципиентов, лиц, перенесших трансплантацию. Под эту процедуру и на новое федеральное ведомство, естественно, выделят бюджет, который традиционно можно будет пилить, так что процесс, скорее всего, затянется. Станет ли от этого больше доноров? Сомневаюсь.

— Разве это плохо — федеральный регистр? Учет — то, с чего начинается работа.

— В том виде, в каком его предлагают создать, этот регистр работать не будет. У нас уже есть не слишком положительный опыт с федеральным регистром пациентов с пересаженными органами. Что касается новых регистров, непонятно, кто будет в них вносить данные, как регулярно, каковы гарантии, что все данные

внесены? В проекте это не отражено. Не говоря уже о таких «мелочах», как сохранение конфиденциальности информации. К тому же, при нынешнем состоянии компьютеризации нашей отрасли донорским службам где-нибудь в Томской, Омской или Хабаровской области, да и в Петербурге, чтобы получить доступ к заветному регистру, придется часы проводить у компьютера. В этой ситуации проще было бы обязать регионы создать такие регистры на своей базе и, к примеру, несколько раз в год вводить свои списки в единый федеральный банк данных, который был бы доступен для главного специалиста, для министерства, чтобы они имели общее представление о ситуации в стране.

Нет работы или работать некому?

— Тогда логично предположить, что больные из регионального списка будут там же и оперироваться. Но разве в регионах есть для этого возможности? Во многих местах само слово «трансплантация» даже для медиков до сих пор звучит, как нечто из научной фантастики...

— Сейчас уже не совсем так. Есть динамично развивающийся Краснодар, хорошо обстоят дела в Кемерово, в Новосибирске.

Естественно, этого недостаточно: и надо не очередную федеральную структуру создавать, а идти в регионы. Посмотрите на тот же Центральный федеральный округ — кроме Москвы, центров трансплантации нет нигде. У нас

вообще в стране процветает «донорский паразитизм» — донорством органов занимаются только регионы, в которых есть центры трансплантации. А они есть в 30 регионах, донорство в той или иной степени развито в 23, а в Федерации 87 субъектов. Но московских или петербургских, краснодарских или новосибирских донорских органов на всех не хватит. Мы в Питере только пытаемся наладить сотрудничество с некоторыми регионами Северо-Запада. Они там учатся проводить диагностику смерти мозга, и в случае наличия подходящего донора из Питера вылетает специальная хирургическая бригада по изъятию органов.

— Не то что центров, специалистов по вашему профилю мало, тех, кто реально может оперировать...

— Их и не станет больше, если не будет достаточно работы. Новый закон, боюсь, как раз приведет к тому, что количество транс-

плантаций у нас уменьшится в разы — а оно и так невелико. Кто захочет готовиться работать в сфере, где нет потребности в специалистах? Не знаю, как сейчас обстоят дела в Москве, но по Питеру могу сказать точно: у нас трансплантологи в основном в возрасте от сорока до пятидесяти. И для того объема операций, который есть сейчас, их хватает. Куда деваться молодым?

— Разве закон, о котором идет речь, не имеет целью все привести к общему знаменателю, ввести более строгий порядок?

— Ныне действующий закон в 1992 году писали люди очень грамотные. Они взяли за основу 10 принципов Всемирной организации здравоохранения и адаптировали их к российским реалиям. Сегодня можно было бы обойтись изменением редакции некоторых статей, внести дополнения, к примеру, касающиеся детского донорства. Кстати, положение о нем прописано в принятом в ноябре 2011 года Федеральном законе «Об основах охраны здоровья граждан в РФ». Оно предполагает обязательно испрошенное согласие родителей на изъятие органов у умерших детей, что должно исключить любую возможность использования в качестве доноров детей-сирот. Однако регламентирующие документы до сих пор не приняты — инструкция по констатации смерти мозга у детей лет пять как лежит в министерстве без движения. Мы плодим новые законы, не давая себе труда выполнять имеющиеся. У меня вообще возникает крамольный вопрос: а нужен ли отдельный закон о трансплантации? Подобные законы существуют отнюдь не во всех странах. И у нас нет ведь закона об оказании акушерской помощи, о помощи детям, о хирургической помощи.

— Может быть, потому, что трансплантация в большей степени связана не только с медициной, но и с общими нормами морали и этики...

— Сама по себе трансплантация с этикой никак не связана. Камень преткновения — диагностика смерти и использование органов после смерти. Мы диагностикой смерти не занимаемся. Этим у нас занимаются анестезиологи. В ныне действующем законе есть положение, согласно которому «изъятие органов возможно только после констатации смерти на основании смерти мозга». В редакции нового закона записано: «на основании смерти».

— И что меняет эта формулировка?

— Она делает возможным изъятие органов у людей, к примеру, с необратимой

ДОСЬЕ

Дмитрий Николаевич Суслов, заместитель главного трансплантолога Санкт-Петербурга, заведующий лабораторией экспериментальной хирургии Санкт-Петербургского государственного медицинского университета им. академика И.П. Павлова. В течение нескольких лет возглавлял городскую службу по изъятию донорских органов

ПЕТР КОВАЛЕВ/ИТАР-ТАСС

«да» или «нет»?

остановкой сердечной деятельности. Европейские коллеги справедливо считают, что раз список людей, которым необходима трансплантация, растет, надо искать дополнительные возможности получить здоровые органы для таких пациентов. Но там используются различные современные технологии для работы с такими донорами. Нам для этого придется менять всю систему скорой помощи, да и, наверное, всего здравоохранения. В нашей сегодняшней реальности такая формулировка означает не шаг вперед, как в Европе, а возвращение назад — по старинке забирать органы у больных с остановившимся сердцем, причем не всегда полноценные — ведь кровообращение в них нарушалось. А значит, подвергать реципиента дополнительным рискам и впустую тратить деньги федерального или регионального бюджетов — результат пересадки таких органов весьма сомнителен.

— Почему трансплантологи стали ориентироваться на смерть мозга?

— Потому что, когда мозг умер, другие органы еще работают, кровообращение сохранено. Сердце будет биться ровно столько, сколько у него осталось резерва и сколько его будут поддерживать медикаментами. Как писал Шопенгауэр, «самая же смерть для субъекта наступает лишь в то мгновение, когда исчезает сознание, потому что тогда прекращается деятельность мозга. То оцепенение, которое распространяется затем и на остальную часть организма, это уже, собственно, явление посмертное. Итак, в субъек-

тивном отношении смерть поражает одно только сознание». Эта концепция была принята в 1940—1950-е годы во Франции и уже в 1960-х получила всемирное развитие. Академик Валерий Иванович Шумаков в 1992 году настоял на внесении в российский закон положения о диагностике смерти мозга — тогда как раз сердце начинали активно пересаживать.

Парадокс системы в том, что у нас диагностики смерти мозга у больных с тяжелыми поражениями разной природы нет, хотя это прописано в утвержденном в конце прошлого года Минздравом и Минюстом порядке оказания неврологической помощи. Это фактическое указание реаниматологам, как надо себя вести с больным, что делать. Но делать этого они не хотят. Хотя во всем мире диагностикой смерти мозга занимаются в первую очередь, а использование органов от таких пациентов для трансплантации — это уже вторично.

Не довести до донорства
— Диагностировать смерть мозга не умеют или разучились?

— Скорее, не хотят. Потому что для этого надо такими больными заниматься дополнительно. А в ходе этого процесса много лишнего может всплыть. Человек может находиться в атонической коме по нескольким причинам. В том числе из-за ненадлежащего лечения. Я сам несколько раз был свидетелем того, когда такой осмотр позволял заподозрить, что больному не все нужно было сделано, и дополни-

тельная диагностика помогла найти и устранить причины комы, пациенту становилось лучше, его, что называется, не доводили до донорства. А вот в ситуации, когда диагностикой смерти мозга заниматься не обязательно, шанса на возвращение к жизни могут лишиться как сами потенциальные доноры, так и не состоявшиеся реципиенты.

— Вы сказали, что сегодня количество трансплантологических операций в Питере не растет. Почему?

— Как раз потому, что доноров нет. У нас открыли кучу сосудистых центров. Реанимационных мощностей в них хватает только на «перспективных» больных. То есть — поступает человек с инсультом. Его оценивают — видят, что он «перспективный», может дышать сам, со стороны внутренних органов все более или менее в порядке, — и его кладут в реанимацию, а человека «бесперспективного», с тяжелыми поражениями, кладут в обычную палату, где он благополучно умирает, потому что там за ним, по всей видимости, нет надлежащего ухода. Соответственно, этот больной мог бы стать потенциальным донором, но он им не становится, так как умирает без пригляда. Денег на эти центры в заявленном количестве не дают, должным образом они не укомплектованы...

— Как, по-вашему, такую ситуацию можно было бы разрешить?

— Изменением системы. Открывать полноценную реанимацию — рассматривать этих больных как пусть потенциальных, но доноров, хоть может и звучит дико — но ведь такой

человек, умерев, может продлить четыре-пять жизни. Диагностика смерти мозга должна быть таким же рутинным диагнозом, как диагностика инфаркта миокарда в реанимации. Если человек поступил с черепно-мозговой травмой, значит, будьте любезны провести ему весь комплекс диагностических мероприятий. А новый закон позволяет этого избежать.

Есть и еще одна проблема, которую мы пытаемся решить, — добиться, чтобы больницам компенсировали лечение, — хотя лечением в прямом смысле это уже назвать нельзя — поддержание функций жизненно важных органов после диагностики смерти мозга до момента изъятия. Сегодня получается, что до того, как она была диагностирована, человек подпадает под систему ОМС, а как только его отключают от аппаратов — медикаменты ему уже не положены. Зачем? Он же умер. Соответственно, органы не всегда «доживают» до приезда специальной бригады по их забору.

— Мы обсуждали идею отказа от презумпции согласия, переход к принципу общеобязательного «да» и «нет». Авторы проекта, видимо, изучили опыт других стран...

— В США, Германии действует информированное согласие. В Австрии, Бельгии, Франции и ряде других стран — презумпция согласия. Изымать органы нельзя в случае, если родственники против или предупредили при поступлении больного в стационар, что человек при жизни выражал несогласие стать донором.

У нас презумпцию согласия предлагают отменить якобы в интересах детей. Ведь в случае с детским донорством согласие действительно испрашивать необходимо, причем только у ро-

дителей. Но зачем при этом убирать презумпцию согласия у взрослых? Даже в Соединенном Королевстве, на которое так любят ссылаться наши продвинутые депутаты, сегодня обсуждается вопрос о том, чтобы как раз ее ввести.

А вообще, авторы нынешнего проекта не учли, что некоторые сегодняшние европейские положения на российской почве просто неприменимы.

— Что особенного в нашей почве?

— Доверие к медицине в России испытывают, дай бог, 30 процентов граждан. В Европе — порядка 80—90 процентов. Взять то же согласие на донорство — даже в благополучной Испании, которая имеет больше всех доноров на душу населения, порядка 15 процентов отказов. У нас мы будем иметь этот показатель, помноженный на пять. Поэтому все эти регистры с прижизненным согласием пока не для нас.

— Когда проект собираются вносить, рассматривать?

— Это неизвестно. Мы у себя в Питере намерены обратиться к юристам за экспертным заключением относительно соответствия проекта Конституции и основам законодательства. Мы считаем, что он защищает прежде всего здоровых людей, но при этом возникают серьезные опасения, что права пусть и меньшинства больных, которые нуждаются в трансплантации, окажутся серьезно ущемлены, так как доступ к этому лечению для них будет еще более затруднен, чем сейчас.

«... «дуть этот материал вы можете на новом сайте газеты «Совершенно секретно» www.sovsekretno.ru»

Актуальная проблема

Артериальная гипертония является одним из наиболее распространенных заболеваний в России.

Мы беседуем с профессором кафедры внутренних болезней и поликлинической терапии Омской медицинской академии доктором медицинских наук Д.И. Труханом.

— Чем объясняется актуальность проблемы артериальной гипертонии?

— Россияне боятся гепатита, рака и СПИДа, а умирают от сердечно-сосудистых заболеваний. На сегодняшний день самым распространенным из них является артериальная гипертония, которой страдают около 40% взрослого населения страны.

Артериальная гипертония не имеет собственных характерных симптомов, чаще всего повышение АД проявляется головной болью. Что делает большинство людей при появлении головной боли? Принимает лекарство от боли. В итоге артериальная гипертония диагностируется уже на 2-й стадии, когда есть изменения со стороны «органов-мишеней» (сердца, сосудов, ЦНС, почек) и для нормализации давления бывает недостаточно одного препарата, а

требуется комбинированная терапия. Поэтому я бы посоветовал запомнить: болит голова — измерь давление.

— С какими проблемами при лечении артериальной гипертонии сталкивается врач?

— Прежде всего это нерегулярный прием лекарственных препаратов. На сегодняшний день доказано, что их постоянный прием существенно снижает риск развития инсульта и инфаркта, увеличивает продолжительность жизни. Пациенты часто объясняют нерегулярный прием препаратов тем, что, измерив АД утром и получив нормальные цифры, они не принимают препарат, поскольку боятся, что его прием снизит давление. Основная цель лечения артериальной гипертонии — обеспечение нормального АД в течение 24 часов. И современные лекарственные препараты для лечения обоснованно называют «антигипертензивными», поскольку они предотвращают повышение АД и не снижают нормальное. В качестве доказательства этого «на бытовом уровне» можно вспомнить криминальные новости и детективные сюжеты, в которых фигурируют «клофелинщицы» и отсутствуют «индапциды», «амлодипинщицы» и т.п.

— С какого препарата можно начинать лечение артериальной гипертонии?

— Согласно европейским рекомендациям — с любого из 5 основных групп антигипертензивных препаратов. Американские рекомендации, при прочих равных условиях, отдают предпочтение

диуретикам. Я обычно назначаю своим пациентам тиазидоподобный диуретик — Индап. В отличие от других диуретиков, например гидрохлортиазида, он является метаболически нейтральным и не оказывает отрицательного влияния на уровни холестерина, глюкозы, мочевой кислоты и калия. Для пациента удобен прием препарата — 1 раз в день утром, он эффективен и при монотерапии, а при необходимости хорошо сочетается с качественными препаратами из других групп антигипертензивных препаратов: диуретическим, лозопом, фелодипом, короналом.

Препарат производится компанией-производителем на собственном заводе в Праге в соответствии со стандартами Евросоюза и уже в течение 16 лет используется российскими врачами. Это один из первых препаратов в России, который в исследованиях, проводимых под эгидой Всероссийского научного общества кардиологов, показал свою терапевтическую эквивалентность с 2 формами оригинального препарата. Помимо эффективности и высокой безопасности, Индап имеет еще одно преимущество — доступную цену. Купить его может пациент практически любого уровня достатка. Но несмотря на высокий уровень безопасности, этот препарат, как и все лекарственные средства, имеет ряд ограничений к приему и нюансов применения, поэтому, прежде чем его принимать, необходимо получить консультацию врача-специалиста, который установит режим дозирования, длительность курса лечения и т.д.

Как показал международный опрос «StatisFACTS» по сексуальному потенциалу мужчин в современном обществе, каждый 2-й мужчина не удовлетворен имеющимися отношениями, что связано главным образом с неудовлетворительной сексуальной жизнью (опрос проходил в Германии, Италии, Бразилии, Канаде, России и Турции). Несмотря на то что эректильная дисфункция (нарушение потенции, ЭД) довольно распространено заболевание по всему миру, 21% опрошенных никогда бы не обратились за консультацией к врачу. Традиционный способ приема лекарственного препарата — проглатывание таблетки и запивание ее водой — не всегда удобен. Недавно в аптеках появился новый препарат для лечения ЭД в виде таблетки, которая за секунды растворяется на языке и ее не нужно запивать водой. Специалисты отмечают, что новое средство поможет мужчинам вернуться к более естественным сексуальным отношениям, представляя удобный и гибкий способ лечения ЭД.

www.selzink.ru

СЕЛЦИНК® ПЛЮС
Селен, цинк, витамины А,С,Е
для мужского здоровья

PRO.MED.CS
Praha a.s.

Представительство ПРО.МЕД.ЦС Прага а.о. в Москве
Тел./факс (495) 665-61-03 E-mail: promeds@promeds.ru

РЕГ.УД. № РУ.77.99.13.003.Е.000825.01.11 ОТ 14.01.2011 Г. БАД. НЕ ЯВЛЯЕТСЯ ЛЕКАРСТВЕННЫМ СРЕДСТВОМ

■ Михаил ШЕВЕЛЕВ

В мае 2013 года сборная России по футболу до 17 лет завоевала звание чемпиона Европы. Больше половины этой команды — ученики московской футбольной школы «Чертаново», в последние годы стремительно превращающейся в одно из лучших футбольных учебных заведений страны. Директор «Чертаново» Николай Ларин рассказал корреспонденту «Совершенно секретно» о цене этого успеха и о том, почему его тревожит будущее новоиспеченных чемпионов.

«Чертаново» — футбольная школа, построенная на юге Москвы почти пятьдесят лет назад. В 1980-м на нее свалилось большое богатство — собственный крытый манеж (два демонтированных и перевезенных на новое место пищеблока для участников Олимпиады). Звезд с неба школа не

Российская
сборная
по футболу
до 17 лет —
чемпионы
Европы 2013 года

Николай Ларин: «Мы не против

КАК РОССИЙСКИЕ ФУТБОЛИСТЫ СТАНОВЯТСЯ ЧЕМПИОНАМИ ЕВРОПЫ, И ЧТО С НИМИ ПРОИСХОДИТ ПОТОМ

хватала, но и в отстающих не была, регулярно снабжая советский футбол квалифицированными кадрами.

Девяностые «Чертаново» — бюджетная организация в подчинении у Москомспорта — переживала больно и долго. Черная полоса закончилась в 2007-м, хотя выяснилось это не сразу. Тогда директором «Чертаново» стал тридцатипятилетний Николай Ларин, до того работавший в этой школе тренером. Прошло шесть лет, и теперь уже мало кто сомневается, что это назначение получилось удачным: чемпионаты, кубки, турниры, контракты выпускников с солидными клубами — «Чертаново» всплывало со дна футбольной жизни медленно, но уверенно. Сейчас это уже признанное имя в российском футболе. Футболе детском и юношеском, без которого не может быть успешным футбол взрослый.

Успешным, как выяснилось, не может, но вполне обходиться без детско-юношеских школ и их выпускников отечественный футбол научился.

— Сборная — чемпион Европы, в составе которой шестеро учеников «Чертаново», — это просто самое заметное достижение. Судя по количеству кубков, выставленных в коридоре школы, команды других возрастов тоже развиваются успешно. И куда теперь будет двигаться футбольная школа «Чертаново» после этих, таких успешных пяти лет?

— Если внимательно проанализировать, что происходит с выпускниками футбольных школ, в том числе и с «золотым составом» 2006 года (речь о победе сборной России до 17 лет на чемпионате Европы семь лет назад. — Ред.), станет ясно — очень многие, на самом деле подавляющее большинство, оказываются для большого футбола потерянными. Их

WWW.CHERTANOV-FOOTBALL.RU

охотно берут в дубль большие клубы, и после этого, как правило, они перестают развиваться. Поэтому сейчас наша мечта — создать свой клуб второй лиги, где мы могли бы своих выпускников доводить до уровня уже основных составов клубов премьер-лиги. И ребята готовы отказаться от очень соблазнительных контрактов, поскольку они понимают, что мы предлагаем, и доверяют нам.

— Клуб второй лиги — это дорогое удовольствие?

— Годовой бюджет — около тридцати миллионов рублей. С нашими ребятами, которые мотивированы не только деньгами, сумма может оказаться и меньше.

— Почему дубль больших клубов становится таким болотом, из которого большинство молодых российских игроков не могут выбраться?

— Основные проблемы описываются так: легионе-

«Чертаново» —
конкурент
больших клубов

ры, первые большие деньги, соблазны. Но главная проблема состоит в том, что мало кто ставит задачу довести этих ребят до более высокого уровня мастерства. Практически везде отношение к ребятам в дублях уже как к состоявшимся профессионалам. Победы в соревнованиях дублеров становятся приоритетной задачей. Набрал большое количество молодых футболистов и подписав с ними контракты, клубы берут в основном количеством, а не качеством. Работа строится по методу «кто выживет, тот и выживет». К сожалению, без правильной индивидуальной работы и без возможности постоянно получать игровую практику выживают немногие. К счастью, в последнее время, в том числе и благодаря идеям руководителя спортивного департамента РФС Николая Писарева,

многие клубы создают в своей структуре команды второй лиги. Это хороший знак, и именно с этим можно связывать определенные надежды на будущее. А вообще все решают люди, их мысли и их решения. Именно они решающий фактор успеха. И только на втором месте инфраструктура, деньги, регламенты и все остальное.

— Как выглядит экономика этого процесса? Школе выгодно возиться с молодыми ребятами, доводить их до уровня основного состава премьер-лиги?

— Сейчас — нет. Если какой-то клуб заключает контракт с нашим выпускником, школе полагается в качестве компенсации смешотворная сумма в триста тысяч рублей. Будет профессиональный клуб — суммы станут принципиально иными, тогда уже в контрактах будут фигурировать другие цифры. И это деньги, которые идут в казну клуба. Если клуб существует на бюджетные дотации, значит, будут компенсированы расходы налогоплательщиков и появятся новые возможности для развития нашей школы.

— Схема выглядит логично. Но почему тогда в стране почти нет спортивных школ, которые опирались бы на профессиональные клубы?

— Любая, самая логичная схема не работает, если нет для ее реализации людей. Не секрет, что в российском футболе довольно много персонажей, которые все разговоры о необходимости подготовки своих высококлассных игроков считают блажью. Главное — деньги, причем быстрые и легкие, дальше — не их забота. Не получится — бабы, как говорится, новых нарожают.

— Глядя на то, как развивается школа «Чертаново», можно представить себе такую последовательность событий: сегодня вторая лига,

послезавтра — премьер-лига, потом Лига чемпионов?

— Мы не против, но, пожалуй, это несбыточная мечта. Сейчас для нас главное — это подготовить реально высококвалифицированных спортсменов для российского футбола. Без собственной команды второй лиги сделать это намного тяжелее. Об этом все наши мысли.

— Где взять деньги на такие амбиции?

— Мне кажется, что преувеличенное внимание к деньгам — одна из корневых проблем российского футбола. Бывает, что такое гипертрофированное отношение возникает из-за бедности. Наш случай иной, нас губит переизбыток денег в футболе. Причем часто это деньги непонятные, возможно, неучтенные. И это развращает всех.

— Как быть?

— Большие деньги выгнать из футбола уже не получится. Нельзя запретить людям зарабатывать. Но здесь ключевое слово — «зарабатывать». А не наживаться на махинациях. Взять ту же проблему легионеров. В Англии, например, нет лимита на легионеров, но хотел бы я посмотреть на агента, который попытается устроить в английский клуб иностранца, не сыгравшего хотя бы несколько матчей за свою сборную. А у нас молодые способные ребята не могут пробиться в основной состав, потому что за восемь миллионов долларов привозят игрока, чья квалификация, мягко сказать, выглядит сомнительно. И все понимают, в чем смысл этого контракта...

— Советская и российская системы подготовки футболистов — это разные вещи?

— Очень разные. В советское время были национальные школы — украинская, московская, грузинская, — каждая со своим стилем. Теперь стиль один — вези по-

ГРИГОРИЙ СЫСОВЕРЯГА «НОВОСТИ»

Кто реально играет в российских клубах?

Лиги чемпионов»

больше непонятных легионеров. Кроме того, советская система подготовки была все-таки нацелена на комплектование клубов. Сейчас детские школы практически полностью оторваны от клубов. Они воспринимаются как экономическая обуза: игроков почти не дают, а деньги проедают. Они и не дадут при таком-то к ним отношении. В Испании, на-

пример, детские команды клуба всех возрастов готовятся по единой методике и по одной тактической схеме. И клуб вправе потребовать от своей детской школы в конкретные сроки подготовить ему футболиста такого-то игрового амплуа.

— И «Чертаново» свой клуб второй лиги нужен для того, чтобы попытаться воспроизвести такую схему?

— Она единственная, которую можно назвать осмысленной с экономической, спортивной и социальной точек зрения. Сейчас ситуация выглядит абсурдно. Клубам свои детские школы не нужны, в лучшем случае клубы относятся к ним как к социальной нагрузке — чтобы ребята по улицам не шныряли, а занимались спортом. Нам

— государственной, бюджетной организации — свой клуб нужен как воздух, но у нас его нет. Вот эти ребята, которые сейчас выиграли чемпионат Европы: если их сейчас растащат по дублям, их можно считать потерянными поколением, что и произошло с командой 2006 года. Если удастся сохранить их единой командой и дать им возможность набираться игровой практики — тогда надежда есть.

— И можно противостоять большим деньгам, которыми их сейчас будут соблазнять?

— Мы с ними разговариваем, как со взрослыми людьми. Приводим примеры — к сожалению, многочисленные — того, что шальные деньги делают в этом возрасте. Мне кажется, они это понимают и — самое главное — доверяют нам.

— В «Чертаново» больше московских ребят или тех, кого взяли из регионов?

— Зависит от возраста. Мы недавно начали перестраивать работу школы, поэтому в старших возрастах больше немосквичей. Кто в каком-нибудь 2008 году отдал бы перспективного парня в какое-то «Чертаново»? Вели традиционно в «Спартак», ЦСКА, «Локомотив». Со временем, когда появились и результаты, и репутация, ситуация изменилась. В младших возрастах сейчас москвичей много.

— Не жалеете, что пять лет назад ушли с тренерской работы и занялись административной?

— Сначала очень жалел, а сейчас чувствую себя котом из анекдота про пылесос: «Купил пылесос, моему коту он сначала страшно не понравился, но потом ничего — втянулся». Теперь, когда появились первые существенные успехи, стало ясно, что этот шаг был правильным.

«Дать этот материал вы можете на новом сайте газеты «Совершенно секретно» www.sovsekretno.ru

Уважаемые читатели! Продолжается подписка на ежемесячную газету «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО» на 2013 год

В любом почтовом отделении: объединенный каталог «Пресса России» и каталог «Агентство Роспечать» — индекс на полугодие — 32209; каталог «Почта России» — индекс на полугодие — 99265 www.vipishi.ru

Кроме традиционной подписки в почтовых отделениях, можно оформить подписку через альтернативные подписные агентства, получив всю информацию об издании и узнав стоимость подписки не выходя из дома. Достаточно позвонить или зайти на сайт агентства.

Москва: 000 «Интер-Почта-2003»: www.interpochta.ru, тел: +7 (495) 580-95-80, 500-00-60; ЗАО «МК-Периодика»: www.periodicals.ru, тел: +7 (495) 684-50-08, 681-91-37; 000 Агентство «Артос-ГАЛ» (только для юридических лиц): тел: +7 (495) 603-27-31/32; **Новосибирск:** агентство печати «Медиа Курьер»: www.podpiska.su, тел: +7 (383) 2-277-890; **Екатеринбург:** агентство подписки ЗАО «Урал-Пресс»: www.uralpress.ur.ru, тел: +7 (343) 26-26-543, 26-25-395, 26-27-996.

Оформить подписку с доставкой в любую страну мира можно в агентстве "Nasha Pressa": Агентство "Nasha Pressa", тел.: +49 241 515 87 60, факс: +49 241 168 69 07, e-mail abo@nasha-pressa.de, www.nasha-pressa.de

Ф. СП-1

Министерство связи РФ

АБОНЕМЕНТ на газету

(индекс издания)

Количество комплектов

на 2013 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
---	---	---	---	---	---	---	---	---	----	----	----

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

Доставочная карточка

на газету

(индекс издания)

Стоимость

руб. коп.

Количество комплектов

на 2013 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
---	---	---	---	---	---	---	---	---	----	----	----

Куда

(почтовый индекс)

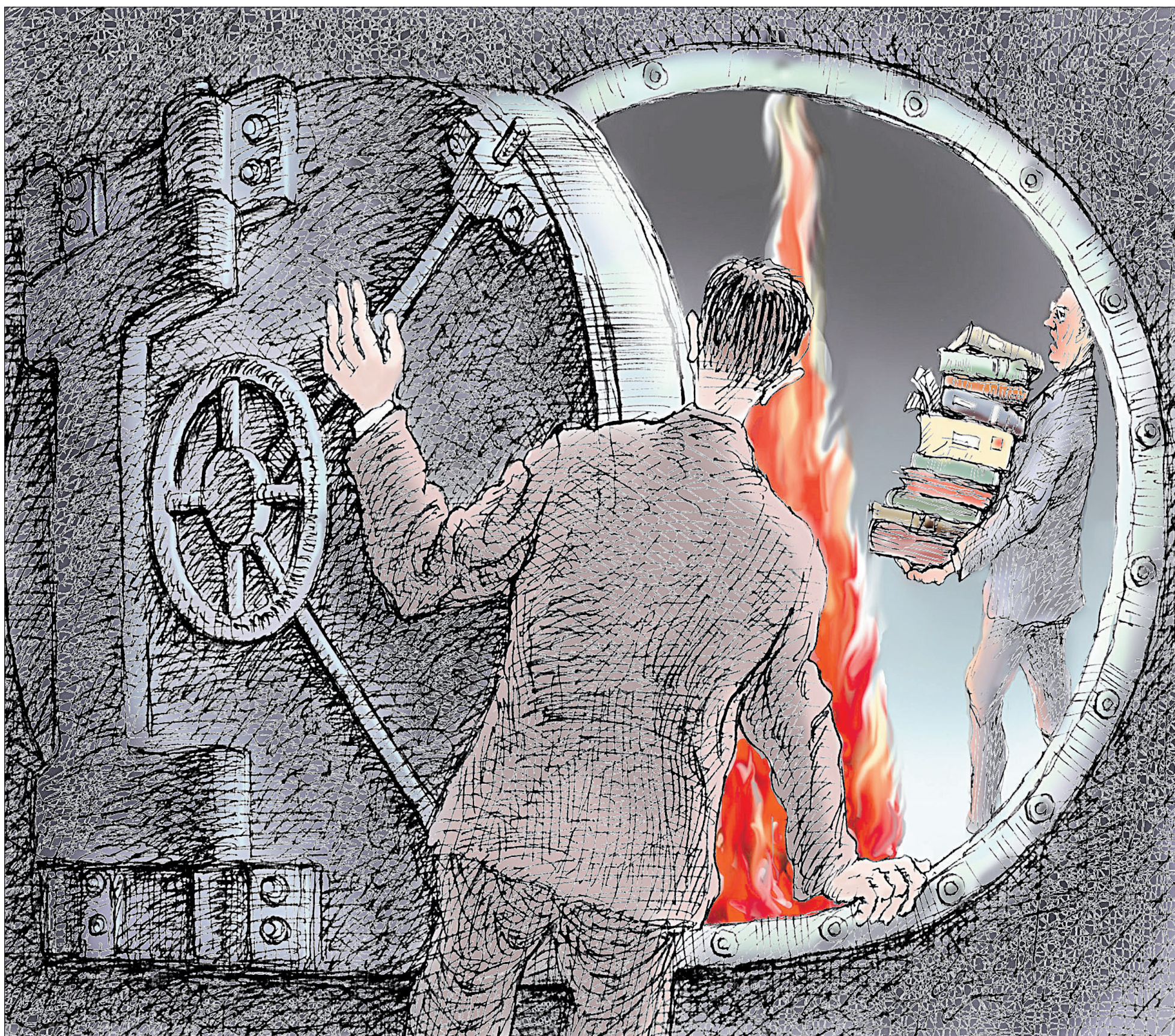
(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

Российские архивы: от погрома до беды

ПЕРЕЖИВ ОЧЕНЬ КОРОТКИЙ ПЕРИОД ОТКРЫТОСТИ, ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ АРХИВЫ
ВЕРНУЛИСЬ В СВОЕ ИСХОДНОЕ, СОВЕТСКОЕ СОСТОЯНИЕ

■ **Владимир ЛАВРОВ**,
доктор исторических наук,
главный научный сотрудник
Института российской истории РАН

Игорь КУРЛЯНДСКИЙ,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Института российской истории РАН

Даниил ПЕТРОВ,
кандидат юридических наук,
вице-президент Фонда поддержки
исторических традиций «Возвращение»

Простой россиянин мало знает о российских архивах и редко задумывается, насколько от доступа к архивной информации зависит повседневная атмосфера в стране. Но именно архивная информация (если она рассекречена) влияет на содержание школьных и вузовских учебников, на содержание документальных телепередач и публикаций в газетах и журналах, то есть

влияет на формирование общественного мнения, от которого зависит и политика государства в целом.

70 лет зачистки

Советские 70 лет имели тяжелые последствия для архивов страны — массово уничтожались исторические документы как дореволюционной эпохи, так и последующей. А на документах советских учреждений

массово ставились грифы секретности. Причем открытые советские архивные фонды несут в себе такое количество ложной информации, что отличить ее от правды без глубоких научных исследований бывает невозможно. Ведь в таких документах фиксировались и ложные обвинения советских граждан в не совершенных ими преступлениях, и преувеличение достоинств

социалистического строя. Кроме того, очень многое граждане СССР выражали и эзоповым языком, на что вынуждала их обстановка всеобщей слежки и цензуры, доносов и преследований.

Масштаб трагедии, произошедшей в советский период, до сих пор не осмыслен. Приведем всего один пример. Только в 1923 году в Твери было уничтожено около 20 тонн (!)

документов дореволюционного тверского нотариального архива. В том же архиве, в фонде Тверской и Кашинской епархии, во многих описях (перечнях дел) находим сохранившиеся лишь около 20 процентов дел. Остальные — беспощадно уничтожены в советское время. Причем ужасно не только уничтожение исторических до-

кументов, сохранившихся еще дореволюционными архивистами. Беда и в том, что это уничтожение было целенаправленным. Уничтожали то, что расходилось с коммунистическим представлением о порочности старого строя, в том числе с представлением о религии как «опиуме для народа».

В результате советского архивного погрома мы не найдем во многих дореволюционных фондах ходатайства крестьян об открытии православных храмов, проведении крестных ходов, документы о росписи иконостасов и т.п. Однако негативные моменты дореволюционной жизни представлены в полном объеме. Пример из Тверского архива: «О причинении дьячком священнику ругательных обид» (1826), «Об удалении от церкви священника за небрежность» (1864), «О нетрезвости священника» (1889), «О повенчании священником матроса без разрешения начальства» (1878) и тому подобное. В Российском государственном историческом архиве, как и в десятках региональных советских архивов, производилось уничтожение тысяч дел до самого конца советской власти.

Безжалостность коммунистической власти к архивному наследию еще в большей степени распространялась на советские фонды. Они должны были подтверждать пропагандистские мифы о государстве всеобщего благоденствия в СССР и об ужасах капиталистического мира. Наибольшей «чистке» подверглись документы, касающиеся тотального проникновения государства в повседневную жизнь граждан. Даже уже в горбачевское время по поистине преступным приказам председателя КГБ Крючкова уничтожены сотни дел по агентурному наблюдению за нашими великими соотечественниками, в том числе поэтессой Анной Ахматовой, академиком Андреем Сахаровым и другими.

Другим инструментом борьбы с объективной историей советского общества стало засекречивание огромного количества дел. И грифы секретности с большей части этих документов не сняты до сих пор. В России XXI века существуют сотни тысяч дел даже далеких 1920-х годов,

закрытых для исследования грифами секретности. Какие аспекты безопасности современной России в таких случаях защищаются, сторонники усложненной процедуры рассекречивания объяснить не могут. Вот несколько примеров архивных дел, процедуру рассекречивания которых пришлось инициировать одному из авторов этой ста-

тее. Недавно возбужденное в Архангельске и затем стыдливо спущенное на тормозах мягкого приговора дело против историка Супруна и архивиста Дударева (их подвергли преследованиям за распространение информации о репрессированных в 1940-е годы советских немцах) было возбуждено как раз под предлогом «защиты личной тайны».

Даже материалы по публичным судебным ре-

шениям многие архивы стараются не выдавать исследователям, а что уж говорить об архивах силовых ведомств. Уже 10 лет как ученые-историки практически потеряли доступ к документам о незаконных репрессиях против советских граждан. Теперь право на ознакомление с указанными документами до истечения 75 лет со дня их создания имеют только сами эти граждане или их родственники, доказавшие родство, или те немногие исследователи, которые смогут получить нотариально оформленные доверенности от самих потомков репрессированных. Этот порядок, установленный в 2003 году, успешно саботирует развитие российской исторической науки.

Еще одна беда — узаконенное право архивов, в том числе ведомственных, в определенных случаях уничтожать часть своих документов. Так, документы по личному составу (например, личные дела) после достижения ими 75-летнего возраста проходят «экспертизу ценности», в результате которой многие могут быть уничтожены. Сохраняют в первую очередь дела больших начальников и

знаменитостей, но история творится не только ими. И мы не привыкли учитывать растущий интерес граждан к своим родословным. «Неуважение к своим предкам есть первый признак безнравственности», — писал Пушкин, а мы их зачастую даже не знаем, не подозреваем о непростых судьбах предков на исторических поворотах. Или другой печальный пример из современной практики: от материалов последней переписи населения СССР в 1989 году решено сохранить только 5 процентов именных переписных листов! Остальные 95 процентов подлежат уничтожению. Повторяется история с царской переписью 1897 года. Сейчас от последней сохранилась лишь малая толика исходной информации, а ведь в тех же родословных поисках она бесценна.

В начале XXI века стало ясно: современная Россия унаследовала от СССР пренебрежительное отношение и к архивному фонду, и к полноценному изучению российской истории, особенно ее советского периода.

Или другой печальный пример из современной практики: от материалов последней переписи населения СССР в 1989 году решено сохранить только 5 процентов именных переписных листов! Остальные 95 процентов подлежат уничтожению. Повторяется история с царской переписью 1897 года. Сейчас от последней сохранилась лишь малая толика исходной информации, а ведь в тех же родословных поисках она бесценна.

В начале XXI века стало ясно: современная Россия унаследовала от СССР пренебрежительное отношение и к архивному фонду, и к полноценному изучению российской истории, особенно ее советского периода.

МНЕНИЕ

История, государствообразующая наука

В интервью «Совершенно секретно» один из авторов публикации Владимир Лавров расскажет о том, что может спасти российскую архивистику:

— «еобходимо глубокие, неимитационные перемены в самом подходе государства к архивной отрасли. А начать следует с улучшения материально-технического и кадрового обеспечения деятельности архивов: например, дополнить только премировать докторов, кандидатов наук и сотрудников, исполняющих архивные запросы, разбирающих не введенные в оборот фонды, вернуть архивам право хранить у себя 100 процентов документов, полученных от разрешенной деятельности, приносящей доход».

— «аконо атель может как-то помочь российским архивам?»

— «Знаете, конечно. Нужны законодательные гарантии хранения архивного фонда. В первую очередь — запрет уничтожения любых документов по политическим, идеологическим, религиозным и социальным мотивам и уничтожения документов до истечения определенного срока со дня рассекречивания всех документов соответствующего периода. Следует также дать только ввести право родственников тех, чьи документы подлежат уничтожению, получить их бесплатно в свои личные архивы. Невостребованные и подлежащие утилизации документы имеют смысл предлагать на продажу исследователям; документ в частной собственности лучше, чем уничтоженный».

— «оссийские архивы перешли на цифровые технологии?»

— «Вызывает недоумение лишь частичное использование технических средств, ставших широко доступными и не очень дорогими в XXI век. Следует ввести нормы о предварительном сканировании (создании электронных аналогов) подлежащих уничтожению документов. Пора принять правильное решение о создании Единого электронного архивного фонда России, то есть совершать перевод в электронную форму (сканирование) всех архивных документов страны, начиная с наиболее востребованных, с доступом к

ним через Интернет, как это сделано, например, с базой данных «Мемориала».

— «ак, на ваш взгляд, должен регулироваться доступ к российским архивам?»

— «Необходимо прекращение превратного толкования и, по сути, отмены Межведомственной комиссией по государственной тайне при Президенте Российской Федерации — /прямой нормы Закона о гостайне (ст. 13, 15), в соответствии с которой по истечении 30 лет все грифы секретности снимаются автоматически, а продление срока секретности происходит каждый раз по особому решению. Указанная комиссия толкует закон ровно противоположно: сроки секретности продлеваются автоматически, а после 30 лет лишь можно поставить вопрос о начале непростой процедуры снятия грифов. Следует упростить саму процедуру снятия грифов секретности — разрешить проводить рассекречивание архивных фондов и описей комплексно, без прежнего длительного полистного просмотра всех дел. Период личной тайны должен быть ограничен сроком жизни человека».

— «Зачем появления объективных, основанных на полноценном комплексном

исторических источников трудов историков требуется беспрепятственный доступ исследователей в ведомственные архивы, которые осуществляют хранение крупнейших комплексов документов по истории советской эпохи. Это Архив Президента Российской Федерации, Архив внешней политики Российской Федерации, Архив МВЗ — Ф и другие. В указанных хранилищах следует установить такие же правила работы исследователей, какие существуют в государственных архивах страны. Необходимо отменить давно устаревший порядок, когда сами ведомственные архивисты вместо вас подбирают вам дела по заявленным темам, самовольно решая, что вам давать, а что нет. Научно-справочный аппарат ведомственных архивов (описи, каталоги) должен быть открыт исследователям, а сами они должны получить право творческого поиска в указанных архивах по тематике их исследований. Только тогда будет дан мощный толчок развитию исторической науки, без которой трудно представить себе процветающее цивилизованное государство».

■ Алексей БОГОМОЛОВ

Размах коррупции в России вызывает у некоторых ностальгию: при Сталине, говорят они, такого не было. Было. Просто публично об этом, как правило, не говорили. Все подробности оседали в «персональных делах», многие из которых до сих пор засекречены. С одного из таких дел гриф «секретно» снят только что. Автор этих строк стал первым журналистом, получившим к нему доступ. Речь о человеке, который более 10 лет занимал должность заместителя, а потом первого заместителя Генерального прокурора СССР. Звали его Константин Андреевич Мокичев.

Первый звонок и плечо друга

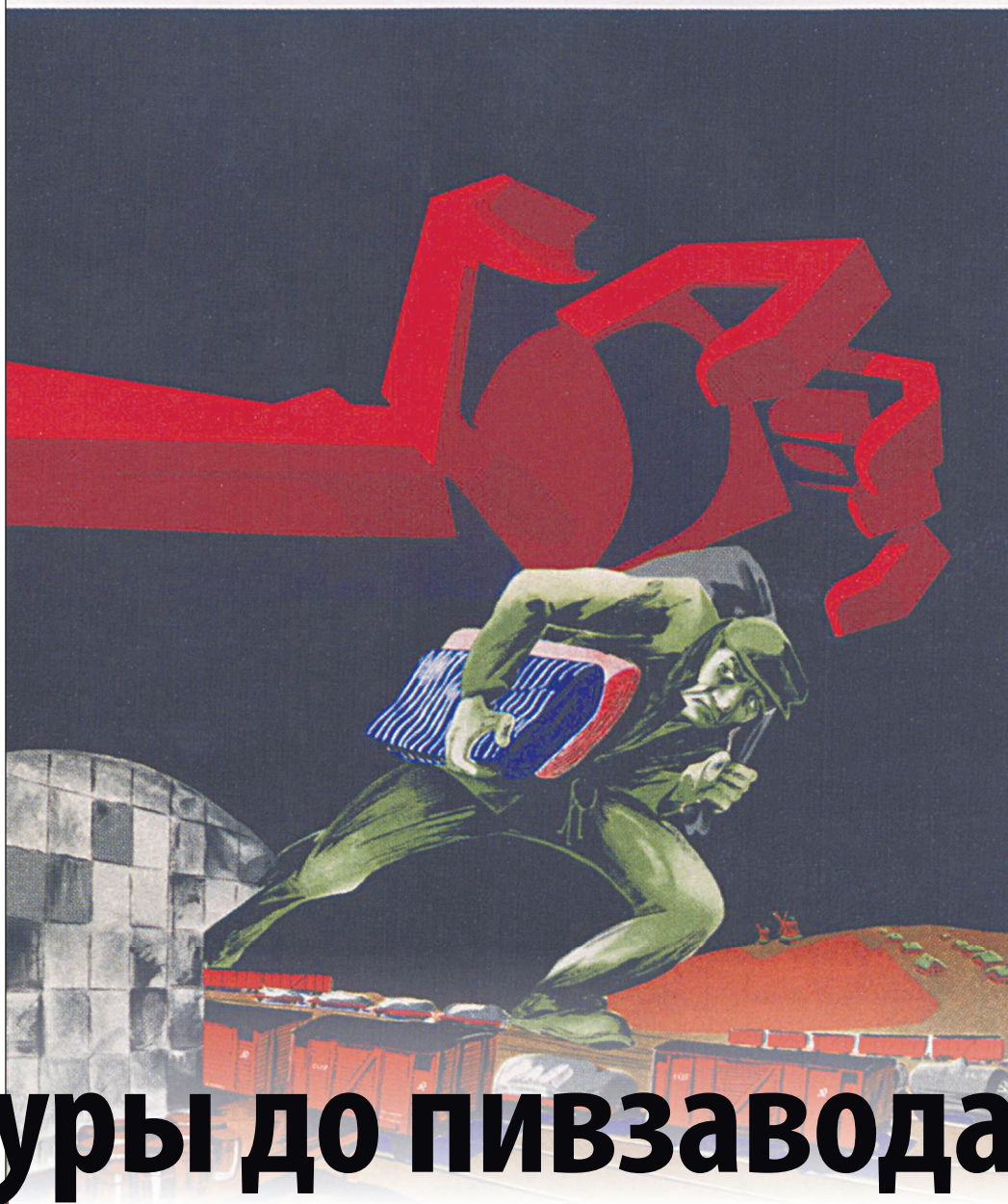
Константин Мокичев был в прокуратуре человеком уважаемым. Попал он туда еще в марте 1941 года, последовательно занимая должности заместителя трех глав Прокуратуры СССР — Бочкова, Горшенина и Сафонова. Уже в 1943 году он стал государственным советником юстиции I класса и позднее был награжден двумя орденами Ленина. И вот в таком, казалось бы, безупречном человеке вдруг засомневалось партийное руководство. А началось все это с обычной анонимки, посланной на имя секретаря и начальника Управления кадров ЦК ВКП(б) Георгия

Зульгат систематической дачи Мокичевым незаконных указаний по гражданским делам.

Мокичев незаконно получает несколько полных ставок, например, ставки зам. прокурора и зав. кафедрой ВЮЗИ (*Всесоюзный юридический заочный институт. — Ред.*). Одновременно получает два литературных снабжения.

Работники торговой сети, рядовые артистки, подружки жены Мокичева — вот клиентура зам. прокурора, являющегося вместе с ныне снятым зам. прокурора Шаховским — рассадником взяточничества в органах прокуратуры».

Конечно, письмо было анонимным, но осведомленность автора о делах заместителя генерального прокурора, его имуществе и связях показывает, что писал его человек весьма информированный. Скорее всего, именно по этой причине послание рассматривалось вообще. Схема реагирования высших партийных органов в данном случае оказалась традиционной: Георгий Маленков переслал документ Матвею Шкирятову, заместителю председателя Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б). Но как раз в это время Маленкова сняли с поста секретаря ЦК и отправили руководить спецкомитетом (*назначили председателем Совета по радиолокации ГКО, известного*

БЕСПОЩАДНАЯ БОРЬБА
С РАСХИТИТЕЛЯМИ
ОБЩЕСТВЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ!Константин Мокичев:
от генпрокуратуры до пивзавода

ЧЕЛОВЕК, ЗАНЯТЫЙ СТРОИТЕЛЬСТВОМ ДАЧИ В РАЗГАР ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ, ОСТАВАЛСЯ В ВЫСОКОМ КРЕСЛЕ ДОЛГИЕ ГОДЫ

Маленкова в первой половине 1946 года...

Из анонимного письма «О фактах неправильных действий со стороны т. Мокичева»:

«В трудные годы Отечественной войны Мокичев построил на ст. Малаховка дачу-особняк, оборудованную всевозможными удобствами, с большим количеством комнат и подсобными помещениями, стоимостью почти миллион рублей.

Квартира Мокичева в Москве обставлена недавно приобретенной за большие деньги обстановкой, купленной в комиссионных магазинах. Ценности, дорогие меха, золотые украшения, — все это получает жена Мокичева.

Откуда все эти богатства? Мокичев незаконно строил дачу трудом заключенных, при помощи директора подсобного хозяйства Прокуратуры СССР и начальника лагеря з/к при подсобном хозяйстве. Подбирались и оставлялись осужденные специалисты по строительству домов, которых заставляли строить особняк Мокичева.

При бесплатном труде материалы приобретались по рыночной стоимости за большие деньги. Крупные деньги у Мокичева — ре-

как спецкомитет № 3; затем руководителем спецкомитета № 2 — по развитию ракетной техники. — Ред.). Поэтому дело положили в долгий ящик. Практически не проводя расследования, Шкирятов 21 декабря 1946 года отправил письмо с визой Маленкова «для проверки» Генеральному прокурору СССР Константину Горшенину.

Результат «проверки» предугадать было несложно: Горшенин и Мокичев были довольно близки. Они познакомились в 1937 году, когда Мокичев был директором Московского юридического института, а будущий генпрокурор — начальником управления учебных заведений Наркомата юстиции СССР. Поэтому генеральный прокурор охотно подставил свое мощное плечо, чтобы помочь другу и коллеге. Ответ Константина Горшенина партийным контролерам был весьма и весьма лаконичным: «1. По поводу дачи проведена проверка. Дача построена до войны. 2. По другим вопросам конкретных данных не добыто».

Судя по всему, никаких «конкретных данных» никто в прокуратуре «добывать» и не собирался. Это подтверждают сотни стра-

ниц материалов Комиссии (а потом Комитета) партийного контроля по «делу Мокичева». Но тогда, в 1946 году, заместителю Генерального прокурора СССР удалось избежать партийных санкций.

Через полтора года (в июле 1948 года Маленков снова стал секретарем ЦК ВКП(б)) события вокруг Мокичева стали разворачиваться с новой силой. К Маленкову поступило заявление (без подписи), «в котором сообщаются компрометирующие данные на заместителя Генерального прокурора СССР т. Мокичева». И вот тогда началось настоящее расследование Комиссии партийного контроля с созданием следственных бригад, проведением тотальных проверок и опросом свидетелей. Длился этот процесс более трех лет, в течение которых Мокичев из простого заместителя стал первым заместителем Генерального прокурора СССР (1948 год), а также одно время исполнял обязанности генпрокурора и даже вел дело бывшего министра госбезопасности СССР Виктора Абакумова, докладывая о его ходе лично товарищу Сталину.

Близость к телу

Как и положено крупно-

му советскому руководителю, товарищ Мокичев проявлял неустанную заботу о простых людях. Но почему-то именно о тех, которые обслуживали его лично. Например, шофер, который возил заместителя Генерального прокурора СССР, побил все рекорды по нарушениям правил. Шеф регулярно выручал его из сложных ситуаций.

В письме Административного отдела ЦК ВКП(б), направленном секретарю ЦК Георгию Маленкову, приведены данные о нескольких историях, связанных с упомянутым номерным водителем. Первая из них — самая тяжелая. «В 1945 году шофер Прокуратуры СССР Евдокимов, обслуживающий т. Мокичева, нарушив правила уличного движения, заставил автомашину женщину, за что был осужден к 2 годам лишения свободы. Отбыв по приговору 7 месяцев лишения свободы в подсобном хозяйстве Прокуратуры СССР, Евдокимов по протесту т. Мокичева был освобожден из-под стражи с заменой неотбытого срока условным наказанием». Любопытна аргументация, которая использовалась заместителем генпрокурора при подготовке протеста.

Главным обстоятельством, на основании которого был освобожден шофер, стало то, что он только-только получил новый автомобиль «Мерседес», который оказался «спортивным автомобилем» и имел, соответственно, увеличенную мощность, был более приемыстым. Ну а поскольку Евдокимов не привык еще к нраву этого авто, то он и сбил насмерть женщину, переходившую дорогу.

Снова цитируем письмо Административного отдела ЦК ВКП(б) Маленкову: «Вскоре после освобождения из-под стражи Евдокимов вновь стал шофером персональной автомашины т. Мокичева и работал с ним до 1951 года».

В деле Мокичева есть еще один любопытный документ, касающийся его шофера. В письме начальника ГАИ управления милиции Московской области, направленном на имя Мокичева, сообщалось: «Госавтоинспекция Управления милиции УМГБ МО сообщает, удостоверение шофера и вкладной талон к нему у водителя были изъяты за неоднократные нарушения правил движения. Так: 26 сентября 1949 года на Ярославском шоссе произвел обгон впереди идущего транс-

События июля

1 июля 1927 — заместитель наркома юстиции РСФСР Николай Крыленко направил записку в Политбюро ЦК ВКП(б) с предложением создать чрезвычайные суды при ОГПУ СССР, поскольку «такая форма расправы обеспечивает целиком необходимую жестокость репрессии и быстроту производства».

2 июля 1953 — открылся Пленум ЦК КПСС, посвященный обсуждению «дела Л.П. Берии».

3 июля 2003 — скончался известный российский журналист Юрий Щекочихин. Предположительно, он был отравлен.

4 июля 1942 — немецкие войска заняли мыс Херсонес, где оборонялись последние защитники Севастополя.

5 июля 2003 — две чеченские смертницы взорвали пояса со взрывчаткой возле касс фестиваля «Крылья» на Тушинском аэродроме в Москве. Погибли 20 человек, более 40 были ранены.

6 июля 1928 — боевик Русского Обще-Воинского Союза Радкевич взорвал бомбу в бюро пропусков ОГПУ на Лубянке. Покончил с собой, будучи блокированным в Подольске.

7 июля 1954 — к смертной казни приговорен один из самых жестоких следователей сталинской госбезопасности — полковник Михаил Рюмин.

8 июля (26 июня по ст. ст.) 1833 — в местечке Ункяр-Искелеси между Россией и Турцией подписан договор о мире, дружбе и оборонительном союзе.

9 июля 1933 — почти возле причала в Ярославле затонул баркас «Четвертый» с более чем 300 пассажирами на борту, многие из которых не сумели выбраться из трюма. Официально считаются погибшими лишь 46 человек, хотя было выловлено не менее 98 тел.

10 июля 1953 — газета «Правда» опубликовала сообщение об исключении Лаврентия Берии из КПСС как «врага Коммунистической партии и советского народа».

11 июля 1926 — Феликс Дзержинский направил Сталину записку, утверждая, что Польша готовит нападение на СССР и необходимо срочно проверить состояние Красной Армии.

12 июля 1938 — резидент НКВД СССР в Испании, главный советник республиканского правительства по внутренней безопасности и контрразведке майор госбезопасности Александр Орлов бежал из Испании в США (через Францию и Канаду).

13 июля (1 июля по ст. ст.) 1878 — завершился Берлинский конгресс, отнявший у России плоды ее побед над Турцией.

14 июля 1941 — советские войска неожиданно для противника перешли в контрнаступление в районе городов Сольцы (Новгородская обл.) и Порхов (Псковская обл.), окружив немецкую 8-ю танковую дивизию.

15 июля 1939 — в своей квартире в Брюсовом переулке зверски убита актриса Зинаида Райх, жена режиссера Всеволода Мейерхольда, арестованного НКВД 20 июня 1939 года. Полагают, что актриса убита сотрудниками НКВД.

16 июля 1960 — из-за резкого ухудшения советско-китайских отношений из КНР по приказу Кремля отозваны все советские специалисты.

Проливы: заветные и несбыточные

ГИГАНТСКИМИ УСИЛИЯМИ РОССИЯ ОВЛАДЕЛА БОСФОРОМ И ДАРДАНЕЛЛАМИ. И ВЫЯСНИЛА, ЧТО ЭТОТ ГРУЗ ЕЙ НЕ ПО СИЛАМ

В память пребывания русских войск на берегу Босфора был установлен памятник и выбиты медали

■ Владимир ВОРОНОВ

События того дня император Николай I мог справедливо полагать венцом своей дипломатии: он добился того, чего еще не смог достичь ни один из российских властителей, — установил контроль над Босфором и Дарданеллами. 26 июня (8 июля по новому стилю) 1833 года близ Константинополя, в местечке Ункяр-Искелеси, Османская империя подписала союзный договор с Россией. В «отдельной и секретной» статье этого документа турки брали на себя уникальное обязательство: по первому же требованию России закрыть Дарданельский пролив для любых иностранных военных кораблей. При этом военные корабли под Андреевским флагом, напротив, имели право беспрепятственного прохода через проливы. Добился этого триумфа Николай I не войной. Хотя и совсем уж без силового давления не обошлось: пять месяцев в Босфоре стояла эскадра Черноморского флота, а возле Константинополя высадились русские войска. Правда, российские корабли с десантом на борту вошли в Босфор по просьбе османского султана.

Дорога на Царьград

Интрига возникла, когда египетский паша Мухаммед Али (или, как его называли в России, Мегмед (Мегмет)-Али-паша) восстал против султана Махмуда II. В течение 1832 года Мухаммед Али, поручивший командование войсками своему приемному сыну Ибрагим-паше, нанес целый ряд сокрушительных поражений Османской империи, овладев Палестиной, Ливаном, Сирией, и, совершив переход через Таврские горы, ворвался в самое сердце Анатолии. Турецкая армия разваливалась и таяла на глазах. 21 декабря 1832 года в битве при Конье — в самом центре Анатолии — армия египетского паши наголову разгромила султанскую. И теперь на всем протяжении от Коньи до Константинополя турецких войск больше не было, дорога на столицу Османской империи была открыта. Казалось, что судьба Махмуда II предрешена.

Петербург это должно было если и не радовать, то уж точно не огорчать: вековой враг при последнем издыхании — самое время вынуть из нафталина давно лелеемые планы раздела Османской империи.

Однако Николай I вдруг счел иначе. Командируя со специальной миссией в Константинополь и Александрию генерал-лейтенанта Николая Муравьева, император заметил ему: «Надобно защитить Константинополь от нашествия Мегмед-Али».

Дело было в том, что мятеж египетского паши, как свидетельствуют со-

временники, вовсе не был стихийным и случайно вспыхнувшим — за ним стояла Франция, имевшая весьма сильные позиции (и большие интересы) в Египте. Подталкивали французы египетского пашу к продолжению войны вплоть до захвата Константинополя очень активно, обещая и военную помощь, и признание. Лучшими кораблями египетского флота командовали французские и английские офицеры. Мухаммед Али не был французской марионеткой в прямом смысле слова: в своих действиях он был достаточно самостоятелен, но в схватке против султана паша однозначно делал ставку на Францию. Для России его победа не сулила ничего хорошего, означая прежде всего отказ новых властей от выгодного россиянам Адрианопольского мирного договора 1829 года. Как доносил военному министру графу А.И. Чернышеву командир Отдельного Кавказского корпуса барон Г.В. Розен, «Мегмет-Али-паша явно разглашает, что главная цель его восстановить славу мусульман и отомстить за постыдный для них мир, заключенный султаном с Россиянею. По всей вероятности, слухи сии распространяются им для того, чтобы более склонять к себе народ, исполненный фанатизма и ненависти к иноверцам, особенно к русским».

Крах Адрианопольского договора Петербург допустить не мог: не для того победно воевали с турками в 1828—1829 гг., чтобы русские торговые корабли потеряли только что полученное право прохода через проливы. За счет чего резко поднялся экспорт русского зерна и мануфактуры, что сильно ударило, прежде всего, по английским интересам в Азии: низкие цены на русский хлеб буквально обрушили там английскую зерновую торговлю. Потому Петербургу перспектива британского и французского контроля над Босфором и Дарданеллами не нравилась категорически.

«С завоеванием Царегграда мы будем иметь в соседстве гнездо всех людей бесприютных, без отечества, изгнанных всеми благоустроенными обществами, — обозначил свою позицию генералу Муравьеву император Николай I. — Люди сии не могут остаться в покое; они ныне окружают Мегмед-Али-пашу, наполняют флот и армию его. Надо низвергнуть этот новый зародыш зла и беспорядка, надобно показать влияние мое в делах Востока». И затем сделал существенное добавление: «Между тем скажу тебе, что впечатления, произведенные разгласениями Египетского паши, становятся очень сильны, так что мои Крымские Татары, доселе всегда спокойные, ныне тревожатся; между ними распушены песни с пророчествами о скором прибытии Мегмед-Али-паши, как заступника

православных мусульман. Я прежде обходился шестью батальонами в Крыму, теперь же этого мало; надобно будет усилить там число войск».

И уж совсем прямо суть проблемы обрисовал министр иностранных дел Российской империи граф Нессельроде, пояснивший генералу Муравьеву: «Нашествие Египетского паши грозило падением Турецкой империи, коей слабое и разоренное состояние было самым лучшим поручительством спокойствия наших южных границ». И «завоевание Турции Мегмед-Али-пашою... могло бы возродить новые силы в сем упадающем царстве и отвлечь внимание и силы наши от дел Европы, а потому государя особенно занимало удержание султана на колеблющемся престоле его», поскольку с его падением мы «приобретали именно то, чего опасались, т.е., вместо султана, соседа сильного и беспокойного».

Яснее и не скажешь: в интересах России было иметь в качестве ближайшего соседа слабую, уже не представлявшую серьезных угроз Османскую империю, не отвлекавшую от дел более насыщенных, нежели мощную державу, которая не дала бы русским кораблям выходить в Средиземноморье и попутно отвлекала бы на себя внешнеполитическую и военную активность России.

Между пашой и султаном

Цель секретной миссии генерала Муравьева, командировавшего сразу и к султану, и египетскому паше, была сформулирована императором предельно ясно: остановить продвижение египетского паши, приняв все меры «к сохранению владычества султана». «Россия, непоколебимая защитница прав своих, приобретенных Адрианопольским трактатом с Портою, силою оружия поддержала бы их против всякого нарушителя», — гласила полученная генералом инструкция. «На меня, — как позже написал Муравьев, — возлагалось защищать не султана, а трактат Адрианопольский».

38-летнего генерал-лейтенанта Николая Николаевича Муравьева для этой миссии Николай Павлович выбрал не случайно: это не просто был военачальник с огромным боевым опытом, отличившийся в ходе целого ряда военных кампаний (войны 1812 года, Заграничного похода, войн с Персией и Турцией, штурм Варшавы), но и военный разведчик, в активе которого были крайне удачные экспедиции в Хиву и на восточный берег Каспия.

Турецкому султану Муравьев повез предложение военной помощи, завуалированное, однако не оставляющее сомнений, что именно Россия предлагает. При этом «спецпредставитель императора» — вместе с русским посланником в

Константинополе Аполлинарием Бутеневым и прибывшим туда позже чрезвычайным посланником Алексеем Орловым — должен был создать иллюзию того, что султанский двор сам запросил эту помощь.

А вот египетскому паше представитель русского императора должен был дать понять, что дальнейшее продвижение войск не в его интересах. Причем в территориальный передел между Турцией и Египтом государь вмешиваться категорически запретил, заметив: «...это дело их, а мне все равно, даже если б Египетскому паше была уступлена вся Сирия». Но до паши нужно было донести, что если движение к Константинополю продолжится, то в Босфоре появятся русские военные корабли и войска. Да и эскадра Балтийского флота, уже крейсировавшая в Эгейском море, не ограничится одной лишь демонстрацией флага.

«Странные события! — восклицал Муравьев. — Россия, природный и давний враг Турции, поддерживает упадающее царство сие, и Турция должна положить лучшие свои надежды на Россию. Падение неизбежно, и хотя предпринимаемые ныне меры отсрочат на некоторое время разрушение Оттоманской империи, но они не останавливают общего стремления, к коему влекут самые обстоятельства. Убеждение это всеобщее в Европе; оно поражает помышления и самих Турок. Но кто предречет, и какие новые царства заменят владычество султана в Европе...»

Но в Александрии посланник русского императора понимания не встретил: паша, любезно пообещав незамедлительно замиритесь с султаном, продолжил марш по Малой Азии, приближаясь к проливам. Пришлось прибегнуть к дипломатии канонерок. Впрочем, упрощивать султанский двор о принятии военной помощи особо не потребовалось; визирь султана сам заговорил о ней, спросив Муравьева, не согласится ли Николай I прислать «от двух до трех сот артиллеристов, которых бы одели в турецкое платье и употребили бы на береговых батареях». Но сераскир (военный министр) тут же заметил, что «трех сот будет мало и что их надобно более». Дальше — больше: «Махмуд, предвидя гибель свою, — писал Муравьев, — отверг лживые и обманчивые обещания Французов, склонявших в то же время Ибрагим-пашу к продолжению наступательных действий, и решился наконец предаться покровительству России. ...Он просил Бутенева послать за флотом и ходатайствовать у Государя о присылке 20-ти или 30-ти тысячного корпуса сухопутных войск».

Разумеется, никаких иллюзий относительно русской «филантропии» турки не питали. Высокопоставленный представитель султана прямо «обнаружил догадки свои, что Правительство наше имело целью удержать на Турецком престоле слабого Султана Махмуда, предпочитая такого соседа бодрому и деятельному Мегмед-Али, угрожавшему покорением Царя-Града». Но выбора у турок не было: или русские войска на Босфоре, или — египетский паша. Им пришлось выбирать из всех зол меньшее.

Недолгий триумф

5 (17) февраля 1833 года посланник Бутенев получил просьбу султанского двора о посылке флота. И уже 8 (20) февраля «эскадра наша показала у верховья Босфора», не без умысла бросив якоря «в виду французской и английской миссий». Столь стремительное и совершенно неожиданное для всех прибытие русских к «вратам Царьграда» объяснялось дипломатической хитростью: хотя Оттоманская Порта формально просьбу адресовала лишь 5 (17) февраля, контр-адмирал Лазарев, начальник штаба Черноморского флота, сообщение о султанской просьбе получил от Буте-

Генерал
Николай
Николаевич
Муравьев
(1794–1866)

нева еще...
1 (13) февраля,
на следующий
же день вывела
эскадру в море.
Экспедиционная
эскадра была готова
выступить к Босфору еще
осенью 1832 года. И в условиях,

мягко говоря, не слишком оперативной связи между Константинополем и Петербургом император, понимая, сколь дорого может обойтись промедление, передал право принять решение о моменте выступления штабу Черноморского флота, переведя Севастополь на прямую связь с посланником в Константинополе. Шаг рискованный, но в данном случае механизм этот сработал.

От появления русских военных кораблей в Босфоре шок испытали прежде всего французы и англичане. Как писал хорошо информированный о закулисной стороне тех событий генерал-фельдмаршал князь Остен-Сакен, «когда узвано было, что Россия предложила Порте помощь, то английский и французский посланники, являсь к Султану, советовали ему, чтобы он не принял сие предложение, ибо в противном случае это будет знаком войны, и что они берут на себя быть посредниками к примирению Султана с Пашою». Султан тут же «получил от французского посла обещание, — это уже Муравьев, — умерить требования Мегмед-Али, если флот наш возвратится».

Паша вроде бы умерил, и вскоре турецкое командование деликатно попросило русскую эскадру на время удалиться в Сизополь (Созополь), «где бы она стояла в готовности и ожидании новых приказаний прибыть в Царьград, в случае надобности». Русские согласились, но «ветер стоял северный, и эскадра не трогалась». Босфор эскадра так и не покинула, что в конечном счете сыграло на руку и русским, и туркам. Потому что войска египетского паши возобновили свое наступление на проливы. И 13 (25) марта Порта направила очередную просьбу: прислать русские сухопутные части, поскольку удерживать проливы силами одного лишь флота было нереально. 16 (28) марта вторая эскадра Черноморского флота с 5-тысячным десантом на борту отплыла к Босфору. «Высадные» войска прибыли в Константинополь 23 марта (4 апреля) 1833-го. Экспедиционный отряд расположился полевым станом в Ункяр-Искелеси, в местечке Терапия, — опять-таки прямо напротив резиденций послов Франции и Британии.

Правда, для возможных боевых действий против войск египетского паши пятидесятичного контингента было мало, и 6 (18) апреля 1833 года к турецким берегам отправилась третья эскадра — со вторым десантным отрядом на борту, достигшим Константинополя 11 (23) апреля. Численность русских сухопутных войск на Босфоре достигла 10 тысяч человек, хотя в пропагандистских целях был распушен слух, что высадился 33-тысячный корпус.

Большая игра продолжалась. Не горя желанием воевать с русскими войсками, Ибрагим-паша остановил движение к Константинополю. И вопрос уже стоял об условиях его ухода из Малой Азии. Николай I объявил, что войска и эскадра «останутся в Босфоре до тех пор, пока Ибрагим не очистит Малой Азии, не перейдет обратно за Тавр и пока Египетский паша не удовлетворит всем требованиям Махмуда». Свои контрмеры предприняли и французы

с англичанами, которых совершенно не устраивало, что «мы распространяли влияние свое без кровопролития и овладевали проливами без победы», и что «Турция охраняла для нас доступ к Черному морю», последствием чего «было непосредственное господствование России в Черном море и неотъемлемая возможность вторгнуться внезапно в Средиземное море с большими морскими силами». Не говоря уже о том, что «мы, — как трезво заметил генерал Муравьев, — становились соперниками для Англичан по торговле их в Азии; устья Дуная, Трапезунт — исключительно переходили в распоряжение наше. Такие ощутительные выгоды возбуждали соревнование иностранных держав...»

Поэтому французы подвели свой флот — четыре линейных корабля, два фрегата, корвет, бриг — к Смирне, откуда рукой было подать до Дарданелл. Ожидалось прибытие еще двух линейных кораблей и, главное, присоединение к французам британской эскадры из восьми линейных кораблей.

Ван или поздно инцидент должен был случиться: по французской шхуне, попытавшейся вопреки запрету турок прорваться через Дарданеллы, открыли огонь береговые батареи — пока еще турецкие. Но русские представители в Константинополе однозначно заявили, что, если французы войдут в проливы, «мы займем Дарданельские замки войсками, и тогда неминуемо возгорится война во владениях Султана». Поскольку, как признал французский посланник, Париж не давал приказа овладеть Дарданеллами, инцидент замаяли.

В июне к острову Тенедос в Эгейском море, что буквально возле входа в Дарданеллы, подошла уже английская эскадра — не менее трех одних лишь линейных кораблей. И «английский адмирал настоятельно требовал позволения войти в Босфор с эскадрой, и что он намеревался даже сделать вторжение это без всякого разрешения, — вспоминал Муравьев, — но был удержан в своем намерении единственно убеждениями лорда Понсонби (*британский посол в Константинополе. — В.В.*). В противном случае легко могла бы возгореться война в Европе».

Осознав, что русские точно не уйдут с Босфора, пока войска египетского паши остаются вблизи проливов, французы уговорили египтян, и те стали покидать Малую Азию.

Попутно Николай I разом решил давно заботивший его вопрос усиления корабельного состава Черноморского флота: «Эскадре нашей Балтийского флота, находившейся в Греческих водах, приказано было возвратиться, но не в Балтику, откуда она вышла, а в черноморские порты, где суда должны были поступить в состав Черноморского флота...» А чтобы ввести в заблуждение англичан и французов, которые буквально рвались в Черное море, маневр придумали простой, но эффективный: кораблям Балтийской эскадры приказали проходить через Дарданеллы поодиночке и с интервалом в несколько дней, «чтобы общая цель не была заметна».

А пребывание русских войск на Босфоре завершилось сразу после подписания договора в Ункяр-Искелеси: 28 июня (10 июля) 1833 года, погрузившись на корабли увеличившейся Черноморской эскадры, десант отбыл домой. За время экспедиции от разных болезней умерло 82 человека, дезертировали и бежали 45 «нижних чинов».

Так Россия воцарилась на Черном море. Но ненадолго: оборотной стороной этого триумфа стало резкое обострение отношений сразу с несколькими европейскими державами. И, не обретя спокойствия на южных рубежах, Российская империя оказалась в международной изоляции, балансируя на грани войны за проливы. Поскольку баланс сил, особенно военно-морских, складывался явно не в пользу России, Николай I решил уступить Европе — в 1841 году Ункяр-Искелесийский договор был денонсирован. Россия лишилась возможности держать под контролем проход военных кораблей третьих стран в Черное море.

События июля

17 июля 1939 — Верховный суд СССР объявил вне закона бывшего советского полпреда (посла) в Болгарии Федора Раскольникова, в 1938 году отказавшего вернуться в Москву.

18 июля 1929 — Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «О контрреволюционной организации в военной промышленности», якобы созданной еще в годы Гражданской войны: «Предредить расстрел руководителей контрреволюционной организации вредителей в военной промышленности, а сам расстрел отложить до нового решения ЦК о моменте расстрела».

19 июля 1953 — Советское правительство официально отказалось от территориальных претензий к Турции.

20 июля 1990 — городу Владикавказу возвращено историческое наименование (с 1931 по 1944 год и с 1954 года по 1990 год город именовался Орджоникидзе, в 1944–1954 годах — Дзауджикау).

21 июля (8 июля по ст. ст.) 1906 — указом императора Николая II распущена первая Государственная дума, просуществовавшая всего 72 дня.

22 июля 1941 — по обвинению в «трусости» и допущении «развала управления войсками» расстрелян бывший командующий войсками Западного фронта генерал армии Дмитрий Павлов.

23 июля 1939 — в ходе боев в районе Халхин-Гола японцы предприняли очередное мощное наступление на советские позиции.

24 июля 1942 — в «Красной звезде» опубликована статья Ильи Эренбурга «Убей!» с призывом «Убей немца!».

25 июля 1998 — указом президента Бориса Ельцина Владимир Путин назначен директором ФСБ.

26 июля (13 по ст. ст.) 1915 — Владимир Ленин опубликовал статью «О поражении своего правительства в империалистической войне», призвав к поражению своей собственной страны.

27 июля 1953 — подписанием соглашения о перемирии завершилась Корейская война. В тот же день истребители ВВС США сбили над территорией Китая советский военнотранспортный самолет Ил-12. Погиб 21 человек.

28 июля (15 июля по ст. ст.) 1904 — эсеровский бомбист Евгений Созонов убил министра внутренних дел Российской империи Вячеслава Плеве.

29 июля 1953 — советские истребители сбили над Японским морем близ Владивостока самолет-разведчик ВВС США RB-50. Из 17 членов экипажа выжил только один.

30 июля (17 июля по ст. ст.) 1907 — в Санкт-Петербурге подписано русско-японское соглашение, включившее секретные статьи о разделе Маньчжурии на сферы влияния России и Японии.

31 июля 1957 — ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли совместное постановление «О развитии жилищного строительства в СССР», положившее начало массовому строительству типовых панельных домов — в народе эти дома прозвали «хрущевками».

История с привидением

■ Генри КЕЙН

— Мисс Сильвия Трой, — сказала секретарша и закрыла за собой дверь.

— Питер Чеймберс, — представился я. — Присаживайтесь, пожалуйста.

Она была невысокой миловидной женщиной лет тридцати. Больше всего мне понравились большие темно-карие глаза. Их можно было бы назвать красивыми, если бы в них не было неприкрытого страха.

— Большое спасибо, — поблагодарила мисс Трой и села на стул. Она положила на стол 300 долларов. — Это ваш гонорар. Извините, но больше у меня нет.

— Все зависит от того, что вы от меня хотите.

— Я хочу, чтобы вы высладили привидение.

— Что?..

— Привидение, которое уже убило одного человека и угрожает убить еще двух.

Чтобы скрыть замешательство, я принялся шарить по карманам в поисках сигареты.

— Мисс Трой, я не слежу за привидениями, — сообщил я, выпуская к потолку клубы дыма. — Вам следует идти в полицию...

— Я не могу обратиться в полицию.

— Почему?

— Потому что если я расскажу им эту историю, то обвиню себя саму и своих братьев в... убийстве.

Немного подумав, я все же решил взяться за это дело. Затушив сигарету в пепельнице, я подвинул деньги к себе.

— Хорошо, мисс Трой, — сказал я, — выкладывайте.

— Все началось год назад. В ноябре позапрошлого года. Нас... было четверо: три брата и я. Адам был старший. Адаму Трой было 50, когда он умер.

— А остальным сколько?

— Джозефу было 36, Саймону 32, а мне 29.

— Вы сказали, что Джозефу было 36?

— Мой брат Джозеф три недели назад совершил самоубийство... по официальной версии. Адам намного старше нас, поэтому он был нам как отец. Адам

умер холостым. Он был богатым человеком. Всегда умел делать деньги, в отличие от нас. Джозеф торговал обувью, Саймон работает в аптеке, а я выступаю в ночном клубе.

— В ночном клубе? — переспросил я. — Интересно.

— Раньше я была чревовещательницей, а сейчас имитирую голоса других людей и все такое.

— А Адам? Чем он занимался?

— Торговал недвижимостью и с умом вкладывал деньги. Он был очень скупым человеком. Деньгами он помогал только в исключительных случаях. Вот советом — всегда пожалуйста. По-своему он нас, конечно, любил, но ничего хорошего не сделал. Пока все ясно?

— Да, мисс Трой.

— Тогда перейдем к завещаниям.

— К завещаниям?

— Да, к завещаниям. Мы все написали так называемые взаимные завещания. После смерти каждого из нас все деньги покойного делятся поровну между оставшимися в живых. В прошлом году Адам провернул очень крупную сделку и предложил отдохнуть всем вместе на горнолыжном курорте в Вермонте. Он даже пообещал оплатить все расходы. Предложение было заманчивым. Мы взяли двухнедельные отпуска. Адам снял двухэтажный домик в Киллингтоне.

Не знаю, как все началось. Может, мы все об этом думали. Может, у всех у нас занозой сидела вина, которая отравила наши мысли. Как бы то ни было, но первым об этом заговорил Джозеф.

— О чем заговорил?

— О том, чтобы избавиться от Адама. Адам спал на втором этаже, а мы сидели в гостиной на первом, перед камином, с бокалами в руках. Когда Джозеф сказал, что Адама нужно убить, мы сразу согласились. Мы вдруг неожиданно поняли, что можем стать богатыми людьми. Причем не в старости, а сейчас, когда еще есть время насладиться богатством.

— Сильвия Трой снова задрожала и закрыла руками лицо. — На следующий день мы отправились кататься в горы. Адам остановился на краю ущелья глубиной метров в шестьсот, по дну которого протекала маленькая речка. Джо-

зеф подкрался к нему сзади и изо всех сил толкнул. Адам полетел вниз. Вот, собственно, и все. Пару секунд мы слышали эхо его криков, потом наступила тишина. Мы вернулись и позвонили в полицию. Сказали, что он потерял равновесие и упал. Местный шериф быстро закрыл дело. Коронер вынес вердикт: смерть от несчастного случая.

— Хорошо, — кивнул я. — Теперь, пожалуйста, расскажите, о каком привидении вы говорили и кого оно убило?

— Привидение Адама убило Джозефа, — ответила Сильвия. Она сидела сейчас абсолютно неподвижно, шевелились только ее губы.

— Но вы сказали, что Джозеф совершил самоубийство.

— Я сказала, что это официальная версия... Я живу в доме 133 на Западной 33-й улице. Два месяца назад, 15 ноября, ровно через год после его смерти, ко мне пришел Адам.

— Но ведь Адам... погиб. Вы его убили, так?

— Так.

— И он пришел к вам?

— Это было после обеда 15 ноября. Я отправилась в супермаркет за покупками. Когда я вернулась, он ждал меня в кресле.

— Вы уверены, что это был Адам?

— Дух Адама, конечно. Адам мертв.

— Да-да, конечно. Как он выглядел?

— Как в день смерти. Высокие ботинки, зеленый лыжный костюм и зеленая шапочка.

— Он с вами говорил?

— Да.

— Какой у него был голос?

— Нормальный. Как в жизни. Он всегда говорил очень громко, раскатистым голосом. Он сказал, что вернулся, чтобы отомстить. Сказал, что сначала убьет Джозефа, потом Саймона и последней — меня. Потом встал, открыл дверь и вышел.

— Что вы сделали?

— Позвонила братьям. Конечно, они мне не поверили. Посоветовали обратиться к доктору. В общем они убедили меня, что мне все почудилось. И я ничего не сделала. Даже тогда, когда был убит Джозеф. Он перерезал вены. Вся

комната была залита кровью, но орудия самоубийства так и не нашли.

Я решил вновь закурить. Спичка дрожала в моих руках. Раскурив сигарету, я быстро погасил ее и положил в пепельницу.

— Мисс Трой, вы ничего тогда не сделали... — Я глубоко затаился. — Почему вы сейчас передумали?

— Потому что Адам вновь приходил вчера вечером. Когда я вернулась с работы, он сидел в том же кресле и в той же одежде, что в прошлый раз. Сказал, что с Джозефом разобрался и что теперь очередь Саймона. Потом встал и ушел.

— Ну а вы?

— А я упала в обморок. Когда пришла в себя, началась истерика. Потом я немного успокоилась, нарядилась и отправилась к Саймону. Саймон живет на Западной Четвертой, недалеко от моей работы. Я звонила, пока он не проснулся и не впустил меня. Он опять не поверил и сказал, что позаботится о докторе. Сегодня я решила, что нужно что-то делать. Я услышала о вас... и вот я здесь. Пожалуйста, мистер Чеймберс, помогите мне. Пожалуйста, пожалуйста!

— Сделаю все, что смогу. — Я начал расспрашивать ее, записывая имена, адреса, телефонные номера: где работала она, где работали братья и все такое. Потом написал свой домашний номер на визитке и протянул ей.

— Можете звонить сюда или домой в любое время дня и ночи.

— Спасибо. — Она впервые улыбнулась.

Я положил ее триста долларов в ящик стола и сказал:

— Ну что же, тогда за работу. Пойдемте. Я хочу осмотреть вашу квартиру...

Сильвия Трой жила на четвертом этаже шестиэтажного здания без лифта. Дом был старый, но недавно в нем сделали капитальный ремонт. Крошечная гостиная с чуланом, маленькая ванная и такая же маленькая кухня. Окна на кухне не было. Оконце было в ванной комнате и два окна в гостиной. На всех, кроме шпингалетов, надежные засовы.

Если к окнам у меня претензий не было, то с дверью все было плохо. Замок на двери был простой и очень ста-

рый. К тому же на двери не было засова.

— Этого мало, — покачал я головой. — Не знаю, кто к вам приходил, но сюда может войти любой человек с отмычкой. Замок необходимо срочно заменить.

Мисс Трой принесла телефонный справочник. Я нашел свободного плотника и объяснил, что мне нужно. Он пообещал прийти через полчаса. Пока мы его ждали, Сильвия сварила кофе и сделала сэндвичи. Единственной запретной темой во время разговора были привидения.

— Приходите сегодня вечером в клуб, — пригласила она. — Клуб «Белла» на Западной Третьей в Виллидж. Представление начинается в девять. Ничего особенного, и платят немного, но много и требуют. Мы не перетруждаемся, у каждого есть своя гримерка. Обычно представление заканчивается в два, иногда позже. В перерывах между выходами я сижу в гримерке.

— Хорошо, — кивнул я.

Потом пришел плотник и врезал новый современный замок и установил прочный стальной засов. Я заплатил ему из своих карманных денег и отказался брать деньги у мисс Трой.

— Это часть гонорара, — объяснил я.

— Будем надеяться, что больше вас не побеспокоят. До свидания. Спасибо за вкусные сэндвичи.

— Не стоит. Вы придете сегодня в клуб?

— Постараюсь...

Саймон Трой работал в маленькой аптеке на углу 74-й улицы и Колумбус-авеню. В зале пахло травами и лекарствами. Саймон приветствовал меня профессиональной улыбкой. Когда я представился и рассказал, зачем пришел, его лицо посерьезнело.

— Мистер Чеймберс, надеюсь, вы понимаете, как меня тревожит сестра?

Я кивнул.

— Она больна, мистер Чеймберс.

— Не расскажете, что случилось в Киллингтоне? — поинтересовался я.

— Мы стояли в нескольких десятках метров от Адама. Он упал сам. Наверное, закружилась голова или схватило сердце. Он покачнулся, закричал и опрокинулся через край. Вермонтская полиция осмотрела место. Пошел снег, так что следов на краю они не нашли. Не нашли и тела. Только обломки костей, кровь и обрывки одежды.

— Мистер Трой, вы не знаете, почему ваша сестра выдумала такую удивительную историю?

— Боюсь, объяснение может быть только одно. По-моему, она страдает от серьезного психического заболевания.

— Но у ее болезни есть какие-нибудь причины? Может, что-нибудь в прошлом?

— Она рассказала вам о взаимных завещаниях?

— Да.

— Посла уплаты налогов каждому из нас досталось приблизительно по 50 тысяч долларов. Мой брат Джозеф был вдовцом, детей у него не было. Мы с ним положили деньги в банк и продолжили жить, как будто ничего не случилось. С Сильвией все было иначе. Она бросила работу и поехала в Европу. Там промотала за год все деньги. По-моему, это было для нее сильным потрясением. Она вернулась в клуб и вскоре после возвращения начала вести себя странно. Сначала заговорила о заговоре против Адама, а два месяца назад придумала эту кошмарную историю о его духе.

— Расскажите, пожалуйста, о самоубийстве Джозефа, — попросил я.

— Джозеф был замечательным парнем. Он был немного помешан на порядке и страдал от ипохондрии, но безумно боялся докторов. Месяцев шесть назад у него начались боли в желудке, тошнота, рвота. Я отвел его силой к доктору. Рентген обнаружил опухоль в желудке. Врачи полагали, что она доброкачественная, но сам Джозеф думал иначе. Мы договорились об операции, но он не дождался и убил себя.

— Но ведь орудия самоубийства не нашли?

— Полицию удовлетворило мое объяснение, — печально улыбнулся Трой. — Все произошло в ванной комнате. Джозеф перерезал вены и истек кровью. Я знаю Джозефа и прекрасно представляю,

что он сделал, когда решил расстаться с жизнью. Рядом с ванной лежала открытая бритва, но без лезвия. Он вытащил лезвие, перерезал вены и выбросил его в унитаз, потом спустил воду и истек кровью. Вся ванна в крови, а бритвы нет. Детективы со мной согласились.

— Спасибо, — поблагодарил я и встал.

— Мистер Чеймберс, — смущенно остановил меня Саймон. — Думаю, вы должны вернуть сестре гонорар. Ей нужен не частный детектив, а доктор.

— Вынужден с вами согласиться. — Он облегченно улыбнулся. — По-моему, не стоит отдавать деньги ей. Лучше я принесу их вам. У меня их нет с собой, но я могу принести их вечером вам домой. Мисс Трой дала мне ваш адрес. На Четвертой улице.

— Квартира 3А. Только приходите попозже. Я закрываюсь в десять. Потом поужинаю, приму душ и буду отдыхать.

— Я тоже работаю допоздна. Приду в полночь...

В десять часов вечера я сидел за столиком клуба «Белла». Обслуживание, как и все остальное, оставляло желать лучшего. Это относится и к выступлению Сильвии. Я ушел на середине ее номера.

Поужинав в более приличном ночном клубе, я отправился к Саймону Трою. Поднялся на лифте на третий этаж и нажал кнопку звонка. Не дождавшись ответа, потрогал ручку. Дверь была открыта, и я вошел в квартиру.

Саймон Трой сидел на стуле, опираясь локтями на столик для двоих, и смотрел прямо перед собой. Перед ним стоял высокий пустой стакан, на дне которого лежала вишенка. Саймон пристально смотрел на пустой стул напротив себя. На другом конце стола стоял такой же стакан, только полный.

Я быстро подошел к Трою. Убедившись, что он мертв, позвонил в полицию и сообщил о его смерти...

Расследованием руководил мой хороший знакомый, лейтенант детектив Луи Паркер. Эксперты быстро пришли к выводу, что смерть наступила в результате отравления цианистым калием. Им была напичкана вишенка, лежавшая на дне пустого стакана. На стакане были только его отпечатки. В другом стакане яда не было. Пузырька с ядом в квартире не нашли.

— Что ты здесь делаешь? — спросил Луи.

Я рассказал ему обо всем, что узнал за день, и сообщил, что делал у Саймона на квартире.

— Ну и дела! — покачал он головой. — Поехали поговорим с леди...

Сильвия заявила, что из клуба не выходила. Паркер опросил всех работников клуба, но никто ее слова не опроверг. Тогда лейтенант повез ее в участок. Я поехал с ними.

Он допрашивал ее несколько часов, но она стояла на своем: из гримерки вышла только на сцену, клуб не покидала.

— Вы свободны, — наконец сдался детектив. — Поезжайте домой. Только, пожалуйста, не уезжайте из города. Вы можете нам понадобиться.

— Хорошо, сэр, — робко кивнула она и ушла.

Мы закурили.

— Ну, что скажешь? — нарушил я молчание.

— Скажу, что эта цыпа играет в очень умную игру, а у нас нет против нее никаких улик. Они все написали взаимные завещания. Завещание Джозефа до сих пор в суде по наследственным делам. Скоро туда попадет и завещание Саймона. После смерти братьев эта дамочка должна получить 100 тысяч долларов.

— Ну и что?

— Джозеф совершил самоубийство, но орудие не найдено. Значит, его могли убить. То же самое с Саймоном. С одной стороны, похоже на самоубийство. Но цианистого калия нигде нет.

— Опять привидение? — улыбнулся я.

— Дамочка, — буркнул лейтенант. — Она убила обоих и придумала эту историю с привидениями. Самое обидное, что у нас против нее ничего нет. Но можешь мне поверить, я не оставляю ее в покое...

Домой я вернулся в четыре утра. Открывая дверь, услышал телефонные звонки. Я подбежал к столику и поднял трубку. Это была Сильвия Трой.

— Мистер Чеймберс! — в ее голосе слышался страх. — Он звонил мне.

— Кто?

— Адам.

— Когда?

— Только что. Сказал, что едет ко мне... за мной...

— Мисс Трой, закройте все окна!

— Уже закрыла.

— И дверь закройте.

— И дверь заперла на замок и на засов.

— Никому, кроме меня, не открывайте. Вы узнаете мой голос?

— Узнаю, мистер Чеймберс.

— Хорошо. Тогда ждите меня. Я выезжаю.

Я положил трубку и тут же позвонил Паркеру.

— Захвати побольше людей и пушек, — попросил я лейтенанта. — Буду ждать внизу. Адрес знаешь?

— Конечно...

Луи Паркер захватил трех детективов и трех полицейских в форме. Один из них был вооружен винтовкой. Мы вошли в дом. На четвертом этаже Паркер кивнул мне, и я нажал кнопку звонка квартиры 4А.

— Да? — ответил глубокий мужской голос. — Кто это?

— Питер Чеймберс. Я хочу поговорить с мисс Трой.

— Ее здесь нет.

— Это ложь. Я знаю, что она там.

— Она не хочет разговаривать с вами.

— Кто вы?

— Не ваше дело, — прогремел мужчина. — Уходите.

— Извините, мистер, но я никуда не уйду.

— Слушайте, у меня револьвер. — В громком голосе явственно слышалось раздражение. — Если не уйдете, буду стрелять через дверь.

Лейтенант Паркер отодвинул меня плечом и крикнул:

— Открывайте! Полиция!

— Мне плевать, кто вы! — прогремел незнакомец. — Последний раз предупреждаю. Или вы уходите, или я стреляю.

— Я вас тоже предупреждаю! — разозлился Паркер. — Или вы открываете дверь, или мы начинаем стрелять! Считаю до трех. Если не откроете похорошему, мы выбьем замок и все равно войдем. Раз! — Ответа нет. — Два! — Глубокий смех. — Три! — Опять тишина.

Лейтенант дал сигнал полицейскому с винтовкой, и тот прицелился в дверь. Паркер поднял правую руку с поднятым вверх указательным пальцем.

— Открывайте! Это последнее предупреждение!

Не дождавшись ответа, лейтенант показал пальцем на полицейского с винтовкой и кивнул. Тот начал стрелять. Из-за двери послышался пронзительный крик, за ним глухой звук падения тела. И вновь наступила тишина.

Луи Паркер кивнул двум рослым детективам. Они знали, что делать. Разбежавшись, они синхронно врезались в дверь плечами. После нескольких наскоков дверь с грохотом слетела с петель.

На полу лежала мертвая Сильвия Трой. Кроме нее и нас, в квартире никого не было. Дверь была закрыта на замок и засов. Окна тоже были закрыты изнутри.

Хмурый Паркер подошел ко мне. Его лицо блестело от пота.

— Какого черта здесь произошло? — проворчал он. — Что думаешь, Пит?

Я проглотил комок, прежде чем смог ответить.

— И все равно я не верю в привидения, — упрямо покачал я головой.

Я не верю в привидения. Возможно, потому что просто отказываюсь в них верить. Мой мозг отвергает саму возможность их существования и пытается найти логическое объяснение. В деле Троев таким объяснением, по крайней мере для меня, было посмертное желание, галлюцинации, комплекс вины, желание осуществить возмездие и, наконец, раздвоение личности. Правда, здесь я вторгаюсь на неизведанную территорию. Ведь я не психолог и не психиатр. Наверняка найдутся люди, которые не согласятся с моим мнением, и вы можете относиться к их числу.

Перевод **Сергея МАНУКОВА**

Президент группы компаний «Совершенно секретно»:
Вероника БОРОВИК-ХИЛЬЧЕВСКАЯ

Главный редактор: Людмила ТЕЛЕНЬ

РЕДАКЦИЯ:
Алексей БОГОМОЛОВ, Леонид ВЕЛЕХОВ, Елена ВЛАСЕНКО,
Владимир ВОРОНОВ, Григорий НЕХОРОШЕВ,
Марина ПЕТРУШКО, Дмитрий СТАРОВОЙТОВ,
Алексей ЧЕЛНОКОВ, Михаил ШЕВЕЛЕВ

Главный художник: Александр КЛИЩЕНКО

Дизайнер: Екатерина СОРОКИНА
Билд-редактор: Галина НЕСТЕРОВА
Бюро проверки: Рада ХИЛЬЧЕВСКАЯ
Помощник главного редактора: Лейли ВАИСОВА
Корректор: Татьяна РЯШЕНЦЕВА

ОБЩЕСТВЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Лев АННИНСКИЙ
Александр БЕНЕСОН
Карл Арне БЛОМ (Швеция)
Михаил ВЕЛЛЕР
Даниил ГРАНИН
Борис ДАНИШЕВСКИЙ
Эндрю ДЖЕННИНГС (Великобритания)
Михаил КАТЫШЕВ
Василий ЛИВАНОВ
Виктор ЛУПАН (Франция)
Михаил ЛЮБИМОВ
Филипп НАЙТЛИ (Великобритания)
Лариса РЕШЕТНИКОВА
Леонид РОШАЛЬ
Мартин Круз СМИТ (США)
Александр СТРУЕВ
Пако Игнасио ТАЙБО II (Мексика)
Эдуард ТОПОЛЬ

Учредитель: ООО «Совершенно секретно-пресс»
Генеральный директор: Сергей ПЛОТНИКОВ
Руководитель юридической службы:
Марина КОРШИКОВА

ОТДЕЛ РЕКЛАМЫ: Директор Людмила БИРЮКОВА
+7 495 544 3035; e-mail: lba@topsecret.cnt.ru

ОТДЕЛ РАСПРОСТРАНЕНИЯ: Директор Ирина САВУШКИНА
+7 495 544 3045/16; e-mail: savushkina@sovsekret.ru
ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ОТДЕЛ: +7 495 544 3018

Почтовый адрес учредителя и издателя:
121099, Москва, Смоленская пл., 13/21,
п/о № 99, а/я 56
Редакция располагается по адресу:
121099, Москва, Композиторская ул., д. 17
E-mail: topsec@topsecret.cnt.ru
Тел/факс редакции: +7 (495) 544 30 37

Издание зарегистрировано в Комитете по печати РФ
Регистрационное удостоверение ПИ № ФС77-34469
от 28 ноября 2008 г.
Интернет-версия газеты: www.sovsekretno.ru
Фонд Артема Боровика: www.fondartem.ru

Номер подписан в печать 19. 06. 2013 г.
Общий тираж газеты: 654 080 экз.
Читательская аудитория: 2 млн 300 тыс.
Цена свободная. Газета печатается в городах:
Алма-Ата, Киев, Рига, Тарту, Тбилиси, Хабаровск

Редакция не имеет возможности рецензировать
и возвращать не заказанные ею рукописи и иллюстрации.
Перепечатка материалов, их использование в любой
форме, в т.ч. в электронных СМИ, возможна только с
разрешения редакции.

Ссылка на «Совершенно секретно» обязательна.
Редакция не несет ответственности за содержание рекламы.
Точки зрения редакции и авторов не всегда совпадают.
© «Совершенно секретно-пресс», 2013

**ДИСТРИБЬЮТОМ ГАЗЕТЫ «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»
НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ ЯВЛЯЕТСЯ:**

ООО «Издательский дом «Гранд Экспресс»
Директор: Станислав ГЛУХОВ
680000, г. Хабаровск, Уссурийский б-р, 9а;
тел: +7 4212 309 980

**ДИСТРИБЬЮТОРАМИ ГАЗЕТЫ «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»
В БЛИЖНЕМ ЗАРУБЕЖЬЕ ЯВЛЯЮТСЯ:**

ООО «Совершенно секретно-Украина»
Директор: Алексей ВЛАДИМИРОВ
04080, г. Киев, ул. Фрунзе 104, этаж 6, к.27
Адрес редакции: 04073, г. Киев, Куреневский пер., 17-г
тел: 8 10 380 44 207 97 02/00

ТОО «Мир пресс» Казахстан, Узбекистан, Киргизия
И.о. директора: Александра ФИЛИПОВА
050004, г. Алматы, Ауэзовский район,
ул. Утеген Батыра, 76а, оф. 406;
тел: +7 (727) 276 0558, +7 (727) 277 0236

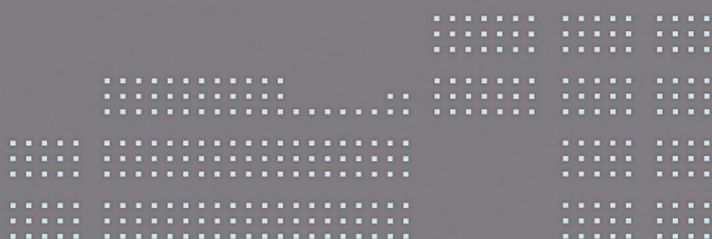
SIA «Press Distribution Center»
Член правления: Елена САФОНОВА
Рига, Латвия, ул. Мартыня 9, LV 1048

ООО «Планета» Грузия, Армения, Азербайджан
Ген. директор: Мераб ЧАНЧАЛАШВИЛИ
Адрес редакции: 0105, Грузия, Тбилиси,
ул. Манджгаладзе, д.14
тел: 8 10 (9 9532) 293 3873
Адрес для корреспонденции:
0105, Грузия, Тбилиси, ул. Пушкина, д.6

ВЕРТОЛЕТЫ РОССИИ

www.russianhelicopters.aero

Искусство успеха